

НАДЕЖДА

ХРИСТИАНСКОЕ
ЧТЕНИЕ

ВЫПУСК 4

*Господи, устне мои отверзеши,
и уста моя возвестят хвалу Твою.*

НАДЕЖДА

Христианское Чтение

ВЫПУСК 4

НАДЕЖДА

Составитель сборника
Зоя Крахмальникова

© Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., 1980
Frankfurt/Main
Printed in Germany

НРАВСТВЕННОЕ ДОСТОИНСТВО
И ВНЕШНИЙ ОБЛИК
ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЫ МАРИИ*

„Божья Матерь, Приснодева Мария – высшее существо из всех сотворенных разумных существ, несравненно высшее самых высших ангелов, херувимов и серафимов, несравненно высшее всех святых человеков. Она – Владычица и Царица всей твари, земной и небесной. Она – Приснодева. Имя Мария дано Ей по велению Божию и значит Госпожа”.

Вот как начинает епископ Игнатий Брянчанинов свое „Изложение учения Православной Церкви о Божией Матери”.

Нравственное достоинство Божией Матери было так высоко, что Господь избрал Ее орудием вочеловечения Бога-Слова, чем возвеличил Ее превыше всякой твари. „Превечное Слово – Сын Божий – силу творчества Своего составил Себе плоть во утробе Девы: зачался Богочеловек и родился Богочеловек. Сын по Божественному естеству соделался сыном и по естеству человеческому” (еп. Игнатий Брянчанинов). В делах Божиих не может быть несообразности, а потому, конечно, Пресвятая Дева в

* Из книги „Земная жизнь Пресвятой Богородицы”. – Париж: 1968.

нравственном достоинстве была превосходнее всех людей.

Евангелие кратко говорит о Ней. „Однако и то немного, что сказано о Ней в Евангелиях, дает Ее ясный, яркий и вполне определенный образ, в каком Ее знает и благоговейно прославляет Святая Церковь, видящая в Ней нашу общую Матерь и Заступницу усердную рода христианского.

Пользуясь одним только Евангелием и не обращаясь к свидетельству церковного предания, можно получить высокий образ Богоматери с надлежащею полнотою. Обратимся к Евангелию от Луки. У него мы читаем: „В шестой месяц (после того, как Архангел Гавриил возвестил священнику Захарии о рождении у него сына Иоанна, тот же) Ангел Гавриил послан был от Бога в город Галилейский, называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова; имя же Деве: Мария. Ангел, вошедши к Ней, сказал: „Радуйся, Благодатная! Господь с тобою, благословенна ты между женами” (Лк. 1, 26-28). Увидев Ангела, Дева Мария „смутилась от слов его, и размышляла, что бы это было за приветствие?” (Лк. 1, 29).

Замечательны эти слова Евангелиста. Как они сразу характеризуют Пресвятую Деву. Юная Дева (которой, по преданию, было всего четырнадцать лет), хотя и смущена была необычайным явлением и необычайным приветствием Небесного Вестника, однако не потеряла присутствия духа и раздумывала в себе Самой о смысле этого странного приветствия. Это свидетельствует о Ее спокойном разуме, самообладании, сосредоточенности и ясности духа, воспитанных в Ней постоянным чтением Слова Божия и глубоким вниманием к Своей внутрен-

ней жизни. „И сказал Ей Ангел: не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога. И вот, зачнешь во чреве, и родишь сына, и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего; и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова во веки, и царству Его не будет конца” (Лк. 1, 30-33).

Такое предсказание всякую другую женщину смутило бы и испугало, или вызвало бы в ней чувство гордости и тщеславия, но ничего подобного мы не видим у Пресвятой Девы. Она остается, по видимому, спокойной, но внутренне собранной, погруженной в глубокое размышление, и недоумевающей. Недоумевая, Она обращается к Ангелу с естественным для Нее вопросом: „Как будет это, когда я мужа не знаю?” (Лк. 1, 34). Ангел отвечает: „Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим” (Лк. 1, 35). В этих словах Ангела мы слышим первое упоминание о богосыновстве Сына Пресвятой Девы Марии. ...Мария спокойно сказала: „Се, раба Господня. Да будет Мне по слову твоему. И отошел от Нее Ангел” (Лк. 1, 38).

„Какая простота и правда в этом Евангельском повествовании! И какая мудрость, самообладание и покорность воле Божией у юной Девы Марии! И тем не менее, вся душа Ее была глубоко потрясена словами Архангела. Она не могла оставаться одна со Своими переживаниями. Сказать Иосифу? Она не могла говорить с ним об этом” (Прот. С. Четвериков. „Правда Христианства”). И она отправилась к Елизавете. По Ее возвращении через несколько месяцев в Назарет, Иосиф увидел Ее несправдливость, и в нем поднялась буря сомнений. Но молчит Иосиф...

Молчит и Дева Мария... „К чему служит такой непонятный подвиг молчания? То, что Дева Мария совершенный сосуд Божией Благодати, сосуд такой, который никакое искушение повредить, никакие удары напастей и бед сокрушить не могут. Ибо, как вещественный сосуд бывает негоден, когда течет или дает выдохаться тому, что в него вливается, так и духовный сосуд делается недостойным, если не удерживает влияющей в него благодати, выдыхается словом праздным и нетерпеливым, без нужды и без пользы, словом ропотливым или тщеславным. Если и говорила Мария о Своей тайне с Елизаветою, то потому только, что той открыта была сия тайна Св. Духом: но если бы Она стала передавать ее Иосифу, то или по страху, или же по человеческому доверию и, следовательно, не по Божию побуждению. Поэтому она и таится от Иосифа, которому, может быть, более всех было открыто Ее сердце, — так как избрала его стражем Своего девства, — и таится с явною для Себя опасностью. Такое молчание доказывает, что Она, восприняв в Себя слово Божие, Его хранит в Себе как сокровище и любит паче избранного, больше даже жизни своей. Ибо предстояла Ей опасность подвергнуться и осуждению, если бы Божие Провидение не послало ангела открыть Иосифу великой тайны — что родившееся в Ней от Духа Святого” (Иеромонах Стефан. „Жизнь Приснодевы Марии”. — Москва, 1898).

По всему пути Ее земной жизни можно усмотреть Ее глубокую молчаливость. Только четыре раза отозвался в Писании глас Ее: сначала, когда открыла пред Ангелом обет Своего девства и смиренно предала Себя в волю Всевышнего. Вторично, отклонив от себя похвалу Елизаветы, воздала славу Господу.

Потом слышался еще глас нежной Ее любви к Сыну в короткой жалобе: „Чадю! что Ты сделал с нами?“ (Лк. 2, 48). И, наконец, на браке, где Ее любвеобильное сердце сжалилось над бедностью радушных хозяев и заставило Ее обратиться к Сыну. Но, чтобы усмотреть величие и силу Ее молчаливого духа, посмотрим еще, как Она стояла пред крестом страждущего Сына и предсказанное Симеоном оружие пронзало душу Ее. Если и чужие не могли удержаться от слез, когда Он шел еще на Голгофу, то, по видимости, чего надлежало ожидать от Матери, когда Она видела Его распятым на кресте? Воплей, рыданий? Но мы ничего такого не слышим: Она, без сомнения, страдала как никто другой, кроме распятого; однако душа Ее не была поглощена бездною страданий. Всегда преданная воле Божией, Она и теперь смиренно и безропотно перенесла казнь и смерть Своего Сына.

„В особенности неотступно Она была при Нем во время Его страданий. Богоматерь разделила страдания Богочеловека, приняла в них участие самое живое и действительное. Как ветхая Ева в раю содела-ла ветхого Адама участником своего преступления, так Новый Адам соделал новую Еву участницею страданий, искупивших преступление праотцев. Богоматери во время страданий Господа и по причине этих страданий была попущена ужаснейшая скорбь. Скорбью было поражено Ее сердце, как бы смертоносным оружием.

Когда Господь совершил искупление рода человеческого, и уже намеревался, вися на кресте, запечатлеть искупительный подвиг произвольною смертию, тогда при Господе и при кресте Его стояла Богоматерь, с возлюбленным учеником Господа,

Иоанном. Господь совершил уже искупление человечества; уже Он рождал человечество в новую жизнь Своими предсмертными страданиями; уже Он готов был совершить это рождение Своею смертью. Соделавшись, таким образом, Родоначальником обновленного человечества, заменил для него Собою протца, неспособного по причине падения рождать чад во спасение, рождающего их единственно в погибель. Господь обращается внезапно к предстоящей Ему Богоматери, к участнице Его искупительных за человечество страданий, вводит Ее в права Ее относительно человечества, в права, доставленные Ей Богочеловеком и всеми отношениями Ее к Богочеловеку. Он объявляет Ее матерью возлюбленного ученика, а в нем и всего обновленного человечества, по разумению и объяснению Отцов (Так объяснял и блаженный старец Серафим Саровский.)” (Еп. Игнатий Брянчанинов).

„Взирая на образ смирения и молчания Пречистой Девы, Матери Господа, познавай, христианская душа, сокровенную в ней добродетель, о которой писал пророк: „Вся слава дочери царицы внутрь Ее” (Пс. 44, 14) и научись возлюбить эту красоту духовную, которая пред Богом многоценна; старайся сохранять всегда свое высокое достоинство в неистлении кроткого и молчаливого духа” (Иером. Стефан. „Жизнь Приснодевы Марии”).

В событиях, связанных с рождением Иисуса Христа, высокое достоинство Матери Божией открывалось то ангелами с пастырями, то волхвами, с предшествующей им звездой, а в храме Иерусалимском — праведными Симеоном и Анной-Пророчицей. Евангелист Лука говорит: „И все слышавшие дивились тому, что рассказывали им пастухи. А Ма-

рия сохраняла все слова сии, слагая в сердце Своем” (Лк. 2, 18-19). Божия Матерь внимательно следила за всеми событиями, относившимися к Ее Божественному Сыну с самого рождения Его, замечала их, запечатлевала в памяти. Книгой для записи этих событий было Ее сердце.

„Первое чудо, совершенное Иисусом Христом на браке в Кане Галилейской, дает нам яркий образ Богоматери, со всеми теми его чертами, какие и ныне мы видим в Богоматери, и за которые благоговейно и любовно почитает и прославляет Ее Православная Церковь: чуткость к человеческому горю, готовность во всякое время и при всяких обстоятельствах прийти на помощь страждущим, и немедленно обратиться с ходатайством о них к Своему Сыну и Господу, в уверенности, что Он не оставит без помощи тех, за кого Он слышит ходатайство Своей Матери. Так было и в Кане Галилейской” (Прот. С. Четвериков. „Правда Христианства”).

Какое неистощимое сокровище любви открывается пред нами в лице Пресвятой Девы в этом трогательном рассказе! Ее милосердная любовь к страждущим людям не ограничивалась одним только сочувствием, но сейчас же искала способа помочь.

А вот как изобразил свойства Пресвятой Богородицы во время земной Ее жизни св. Амвросий: „Она была Девой не только по плоти, но и по духу: в сердце смиренна, в словах Богомудренна; говорила не скоро, всегда занималась чтением; в трудах была неутомима; в беседах целомудренна, как бы всегда беседовала с Богом, а не с людьми. Никого не обижала, напротив, желала всем добра; никем не гнушалась, и даже самого убогого человека не пре-

зирала, ни над кем не смеялась, во всем видела только добро. Все слова, исходившие из уст Ее, изливали благодать; все дела дышали девственной чистотою. Ее наружный вид был образом внутреннего совершенства, и выражал незлобие и милосердие”.

Святой Игнатий Богоносец пишет святому Евангелисту Иоанну: „У нас проходит о ней слава, что сия Дева и Матерь Божия исполнена всех даров благодатных и всех добродетелей. Говорят, что Она в гонениях и бедах всегда весела, в нуждах и нищете не скорбит, на огорчающих Ее не только не гневается, но и благодетельствует им; в благополучии кротка; к бедным милосердна и помогает им, как и чем может; крепко защищает веру против ее врагов и нашему еще юному благочестию наставница, и учительница всем верным на всякое доброе дело. Более всего любит смиренных, потому что Сама исполнена смирения пред всеми и все Ее видевшие превозносят Ее похвалами. Неистоимо Ее терпение, когда насмеваются над Нею учителя иудейские и фарисеи”.

В исторических описаниях св. Епифания и Никифора Каллиста есть следующие указания на Ее нрав и телесную красоту: „В каждом деле Она была исполнена кроткой важности и постоянна. Говорила очень мало, только о нужном и о добром, и слова Ее были сладостны; охотно выслушивала других и отдавала всякому должное почтение. В своих беседах предлагала всякому только нужное и приличное; никогда не смеялась и не приходила в возмущение. Обхождение Ее было кроткое и без гнева. Рост Ее был средний; цвет лица, как цвет зерна пшеничного; волосы русые и несколько златоцветные; очи ясные, взор острый, зеницы подобны пло-

ду масличному; брови немного наклоненные и темные; нос не короткий; лицо не совсем круглое и не острое, а несколько продолговатое; так же руки и пальцы продолговатые. В Ней не было никакой гордости, а простота без малейшего притворства; не было никакой изнеженности, а во всем совершенное смирение. Ее одежды были простые и не выкрашенные, чему доказательством служит Ее покрывало. Одним словом, во всех делах Ее божественно сияла преизобильная благодать”.

„Все современники, удостоившиеся счастья видеть Пресвятую Богородицу во время земной Ее жизни, удостоверяют, что ее внешность была запечатлена дивною красотою.

Одежда Ее была всегда чужда роскоши и скромная; поступь была величественная и твердая; взгляд серьезный и приятный; речь кроткая, льющаяся прямо из незлобивого сердца; обращение безыскусственное и простое. Вся красота Ее божественной души отпечатлевалась на Ее лице, но эта красота наружности была только прозрачным покрывалом, сквозь которое светились все добродетели непорочной красоты ума и души. В каждом деле Она исполнена кроткого величия и целомудрия. Она была славнейшая и прекраснейшая из всех земных жен, потому что Она Пресвятая Дева не только плотию, но и духом, потому что в Ее лице сосредоточены все сокровища благодати. Повторим слова святых отцов: поистине в Пресвятой Деве изумляет нас не только непорочная и чистая лепота телесная, но особенно совершенство души Ее. Ее ум, Богом управляемый и к одному Богу направленный; Ее желание устремлено только к единому достойному желанию и любви; ненависть Она имела только ко греху. Она

была смиренна сердцем, благомудренна в беседе; на слова не скоро, говорила мало и только необходимое, к чтению была прилежна, всегда трудолюбива, ко всем почтительна, поставляя не человека, но Бога Своим судьей. К бедным и страждущим Она была милостива и никому не отказывала в помощи. Ее безусловное смирение и преданность воле Божией, непрестанная молитва, благодушное терпение тяжелых испытаний, сердечная теплота к ближним, постоянно проявлявшаяся в Ней от младенчества до успения, поставили Ее выше всех святых людей, выше даже сил небесных: все предстоят со страхом и трепетом пред престолом Господа, как слабые творения пред всемогущим Творцом, а Пресвятая Богородица предстоит пред ним с материнским дерзновением, и многое может молитва Матери к Сыну и Богу нашему” („Вечное” № 9).

Чтобы закончить главу о нравственном достоинстве Пресвятой Богородицы и показать полноту Ее добродетели, приведем часть слова еп. Феофана Затворника:

„Учитесь с ранних лет посвящать себя на служение Богу у Той, Которая еще отроковицею малою введена во храм и отдана Господу.

Учитесь молитве, богомыслию, прилежному чтению слова Божия у Той, Которая во все время пребывания Своего во храме, больше всего другого прилежала этим благочестивым занятиям, переходя от чтения к богомыслию, и от богомыслия к молитве. Учитесь при делах благочестия, и трудолюбию у Той, Которая и в преддверии храма не чуждалась трудов.

Учитесь хранить обеты свои, — и частные, которые даете Богу и людям, и тот общий всем нам обет,

какой даем мы при крещении (т.е. отречься от дьявола и дел его и сочетаться со Христом), — учитесь этому у Той, Которая устояла в данном Богу тайно обете девства, несмотря на необычайность дела и на убеждение целого собора старцев.

Учитесь благодушному довольству своим состоянием у Той, Которая не возгнушалась домом и жизнью у древоделателя, когда видела на то указание Божие.

Учитесь смирению у Той, Которая, несмотря на великие совершенства телесные и духовные, не считала себя стоящею какого-либо внимания пред очами Божиими и, когда Ангел приветствовал Ее благодатною и благословенною в женах, смутилась и недоумевала, как могло идти к Ней такое приветствие.

Учитесь Господу Богу воздавать хвалу о всяком даре Его, — великом и малом, — у Той, Которая в первые минуты Богоматерства воспела хвалебную песнь Богу: Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Бозе, Спасе Моем...

Учитесь, в час какой-либо напраслины, благодушно терпеть и от Бога единого ожидать себе оправдания и заступления, — учитесь этому у Той, Которая не спешила Сама Себя оправдывать и защищать, когда Иосиф смятлся, бракоокрадованною помышляя Ее, непорочную, а Всю Себя предала Богу, — творящему дивная в немощах наших.

Учитесь не поколебаться в том, что Господь верен в обетованиях Своих, несмотря ни на какие внешние тому противности, учитесь этому у Той, Которая была уверена, что рождает Бога воплощенна, рождая в вертепе, и носит Спасителя мира в руках своих, бежа с Ним в Египет по злобе человеческой.

Учитесь ожидать положенного всякому делу времени, не упреждая намерений Божиих и не вмешиваясь в то, что не вверено нам, — учитесь этому у Той, Которая и тридцать лет ждала без тревожных понуждений, пока Господь благоволил явить Себя миру, и никогда не позволяла Себе со властью Матери входить в деяния Сына Своего — Спасителя мира.

Учитесь состраданию у Той, Которая не могла равнодушно сносить стыда чужого Ей семейства по случаю недостатка вина на браке.

Учитесь переносить скорби и телесные болезни у Той, Которой Самой прошло оружие сердце.

Учитесь не жить только но и умирать у Той, Которая с масличною ветвью в руках радостно отошла ко Господу.

То, что говорит апостол о плодах Духа, кои суть: „любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание” (Гал. 5, 22-23), — все это в совершеннейшем виде было у Владычицы Богородицы”. — Вот почему верующие люди с таким упованием прибегают к ходатайству Божией Матери и вместе с Церковью вопиют Ей: „Милосердия двери отверзи нам, благословенная Богородице”!

О МОЛИТВЕ И ТРЕЗВЕНИИ*

Творения Святых Отцов

СВЯТОГО ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО

1. Молитва есть прошение благ, воссылаемое благочестивыми к Богу. — Но надобно не в словах одних выставлять молитву, а паче в душевном расположении молитвенном. И молиться надобно всегда, при всяком случае. Сидишь ли за столом, — молись; вкушая хлеб, воздай благодарение Давшему; подкрепляя немощь тела вином, помни Подавшего тебе дар сей на веселие сердца и облегчение недугов. Миновалась ли потребность в снедах — да не прекращается памятование о Благодетеле. Надеваешь хитон, — благодари Давшего; облакаешься в одежду, — усугубь любовь к Богу, даровавшему нам покровы, пригодные для зимы и лета, охраняющие жизнь нашу и закрывающие наше безобразие. Прошел ли день? Благодарю Даровавшего нам солнце для отправления дневных дел, и Давшего огонь освещать ночь и служить для прочих житейских потреб. Ночь пусть доставит тебе другие побуждения к молитве. Когда возришь на небо и устремишь взор на красоту звезд, молись Владыке видимого,

* Из книги Святоотеческие наставления о молитве и трезвении или о внимании в сердце к Богу.

и поклонись наилучшему художнику всяческих, Богу, Который *вся премудростию сотворил* (Пс. 103, 24). Когда увидишь, что вся животная природа объята сном, опять поклонись Тому, Кто посредством сна и против воли нашей разрешает нас от непрерывности трудов, и чрез малое успокоение опять приводит в бодрость силы. Поэтому ночь не вся да будет у тебя уделом сна, — не попускай, чтобы от сонного бесчувствия сделалась бесполезною половина жизни; напротив ночное время да разделится у тебя на сон и на молитву. Таким образом непрестанно будешь молиться, не в словах заключая молитву, но чрез все течение жизни приближаясь к Богу, чтобы жизнь твоя была непрерывною и непрестанною молитвою.

2. Для прочего всему свое есть время, по слову Екклесиаста: „время всякой вещи” (3, 1); но для молитв и песнопения пригодно всякое время. Почему, и между тем, как движешь руку на дело, или языком, когда возможно сие, лучше же сказать, когда полезно к созиданию веры, или, если то невозможно, сердцем „во псалмех и пениих и песнях духовных” воспевай Бога, и между делом совершай молитву, как благодаря Того, Кто дал силу рук на дела, и мудрость ума на приобретение знания, Кто дал вещество, из которого сделаны орудия, так моля направить дела рук наших к цели благоугождения Богу. Таким образом достигнем собранности, когда, по сказанному, при всяком действии будем просить у Бога успеха в делании, воздавать благодарение Давшему деятельную силу и соблюдать цель благоугождения Ему. Ибо, если не употребим при этом сего способа, то как может быть совмещено

сказанное у Апостола: непрестанно молитесь (1 Сол. 5, 17), и: ночь и день делающе (2 Сол. 3, 8)?

3. Как достигнуть нерассеянности в молитве? — Несомненно убедившись, что Бог пред очами. Если тот, кто видит пред собою начальника, или настоятеля, и беседует с ним, не отвращает от него взора; кольми паче молящийся Богу (с показанным убеждением) будет иметь ум, не отклоняющийся от Испытующего сердца и утробы, исполняя написанное: воздеюще преподобныя руки *без гнева и сомнения* (1 Тим. 2, 8).

4. Молитву должно всему предпочитать. Марфа принимает (заботится угостить) Господа, а при ногах Его сидит Мария. В обеих сестрах видно прекрасное усердие; но ты различай дела. Господь одобрил усердие обеих женщин; но Марию предпочел Марфе. Марфа — образ деятельного служения другим; Мария — образ созерцательного предстояния Богу в молитве. Подражай, чему хочешь: тем и другим приобретешь плод спасения; впрочем, последнее выше первого. *Мария же благую часть избра* (Лк. 10, 42). Поэтому, если и ты хочешь быть таинником Христовым, сядь при ногах Его и пребывай в молитвенном созерцании Его.

5. Молитва имеет два вида: первый — славословие с смиренномудрием, а второй, низший, — прошение. Посему, молясь, не вдруг приступай к прошению; в противном случае сам обнаруживаешь свое произволение, что молишься Богу, вынужденный потребностью. Поэтому, начиная молитву, оставь себя самого, жену, детей, расстанься с землею, миной небо, оставь всякую тварь, видимую и невидимую, и начни славословием все Сотворившаго: и когда будешь славословить Его, не блуждай умом

туда и сюда, не баснословь по-язычески, но выбирай слова из святых Писаний и говори: Благословляю Тебя, Господи, долготерпеливого и незлобивого. Для того Господи, Ты молчишь и терпишь нас, чтобы мы славословили Тебя, домостроительствующего спасение рода нашего, и под. Когда же кончишь славословие, по мере сил твоих заимствованное из Писаний, и возлещь хвалу Богу, тогда начни со смиренномудрием и говори: недостойн я, Господи, говорить пред Тобою; потому что весьма грешен, — более всех грешников грешен я. Так молись со страхом и смиренномудрием. Когда же совершишь обе эти части славословия и смиренномудрия, тогда проси уже, чего должен ты просить, т.е. не богатства, не славы земной, не здравия телесного, потому что Он Сам знает, что полезно каждому; но, как повелено тебе, проси только Царствия Божия. Царь наш применит и негодует, если кто попросит у него какой малости, если кто из нас просит у Него недостойного. Поэтому молитвою своею не наведи на себя негодования, но проси себе того, что достойно Царя Бога.

6. Прося того, что достойно Бога, не отступай, пока не получишь. На сие наводя мысль, Господь сказал притчу о выпросившем в полночь хлеба у другого своею неотступностию (Лк. 11, 5-7). Господь представляет нам пример сей, чтобы научить нас быть неослабными и неотступными в молитве с верою, не теряя надежды и не отчаяваясь, если не вдруг получим просимое. Хотя пройдет месяц, и год, и трехлетие, и большее число лет, пока не получишь, не отступай, но проси с верою, непрестанно делая добро.

7. Если будешь осуждаем совестью своею, как

презритель заповедей Божиих, и если будешь стоять на молитве рассеянно, когда бы мог стоять и не рассеянно, то не дерзай стоять пред Богом, чтобы молитва твоя не обратилась в грех. Если же ты стараешься, но не успеваешь молиться без развлечения, то принуждай себя, сколько станет сил, и продолжай стоять пред Богом, к Нему обращая свой ум и собирая его в себя самого, и Бог простит тебе; потому что не из пренебрежения, но по немощи не имел ты сил стоять пред Богом, как должно. Потому, если так будешь себя принуждать ко всякому делу благу, не переставай просить, пока не получишь просимого тобою, но терпеливо толкай в дверь Его, прося просимого. *Всяк бо, сказано, просяй приемлет, и ищай обретает, и толкующему отвержется* (Лк. 11, 10). Ибо чего иного желаешь ты сподобиться, как не единого спасения в Боге?

8. И может быть для того медлит Он даровать тебе просимое, чтобы заставить тебя неотлучнее пребывать пред Ним, и чтобы ты, узнав, что такое дар Божий (как трудно достается) со страхом хранил его. Ибо все, что приобретает кто со многим трудом, старается он сохранить, чтоб, потеряв то, не потерять и многого труда своего, и, отринув благодать Божию, не сделаться недостойным жизни вечной. Посему не малодушествуй, если не скоро получаешь просимое. Ибо если бы благий Господь видел, что ты, скоро получив дар, не утратишь его, то готов был бы даровать оный и прежде твоего прошения. А теперь из попечительности о тебе делает Он это (т.е. не дает). Ибо если принявший талант и сохранивший его в целости осужден за то, что не пустил его в оборот; то не тем ли паче осужден будет утративший его?

9. Есть два способа, коими непристойные мысли вытесняют помыслы добрые: бывает сие или потому, что душа по собственному нерадению начинает блуждать мыслями около того, что непристойно, от одних мечтаний переходя к другим, более бессмысленным; или сие бывает по навету диавола, когда он успевает представить уму предметы неуместные и отвести его от созерцания и внимательного рассмотрения предметов похвальных. Когда душа сама, расстроив собранность и напряжение мысли, приводит себе на память всякие пустые вещи, и оставляет помысл бессмысленно и неразумно носиться по тем вспомянутым вещам, и на них насмотревшись, переходит к дальнейшим блужданиям по вещам, нередко неуместным и срамным: тогда такую распущенность и такое рассеяние должно исправлять, усиленным напряжением воли восстанавливая внимание ума и заставляя его тут же заняться созерцанием предметов добрых. Когда же диавол покушается наветовать и усиленно напрягается в безмолвствующую и мирствующую в себе душу впустить свои, как разженные стрелы, помыслы, чтоб, внезапно обжегши ее, заставить долее и неотразимее продержаться на них помыслы: тогда, — отражая и предотвращая такие нападения напряженным вниманием и трезвением, подобно борцу, который зорким наблюдением и проворством телодвижений успевает избегать удара, — надобно предать молитве и призыванию, споборания свыше все, — и прекращение брани и отражение стрел. Сему научает нас Павел, говоря: *над всеми же сими восприимите щит веры, в немже возможете все стрелы лукавого разжженных угасити* (Еф. 6, 16). Посему, если и во время самых молитв враг будет влагать лукавые мечтания, душа

да не перестает молиться, и да не почитает собственными своими произвращениями эти лукавые всеяния врага, эти фантазии неистощимого в кознях чудодея; но рассудив, что появление непотребных мыслей бывает в нас по безотвязности изобретателя лукавства, тем усиленнее да припадает к Богу и да молит Его рассыпать лукавое средостение, воздвигаемое памятью неуместных помыслов, дабы стремлением ума своего беспрепятственно всегда восходить к Богу, не бывая пресекаемы нападениями лукавых воспоминаний. Если и продолжится такое насилие помыслов, по безотвязности воюющего с нами, то и в таком случае не должно приходить в отчаяние, и не оставлять подвига на половине дела, но терпеливо пребывать в молитве дотоле, пока Бог, видя нашу твердость, не озарит нас благодатию Духа, обращающею в бегство наветника, очищающею и наполняющею божественным светом ум наш, и дающею помыслу нашему силу в неволненной тишине служить Богу.

10. Мы по природе имеем расположение и любовь к благодетелям и готовы бываем на всякий труд, чтобы воздать за оказанное нам благодеяние. — Но какое слово может изобразить Божии дары? Они таковы по множеству, что превышают всякое число, — так велики и важны по качествам, что достаточно и одного, чтобы обязать нас ко всякой благодарности Подателю. Умолчу о тех из них, которые, хотя сами по себе и чрезмерны величиим и привлекательностью, однако же превышающие светозарность больших, как звезды сиянием солнечных лучей, не так ясно выказывают свою благодетельность. Ибо нет времени, оставив превосходнейшее, измерять благодетельность меньшими Его дарами. Поэтому

пусть будут преданы молчанию восхождение солнца, круговращение луны, благорастворение воздуха, смены годовых времен, вода из облаков, вода из земли, самое море и вся земля, рождающееся из земли, живущее в водах, роды живых тварей в воздухе, тысячи различий между животными, все назначенное на служение нашей жизни. — Но одного, хотя бы кто и захотел, нельзя миновать, об одном даже совершенно невозможно молчать тому, кто имеет здравый ум и слово, — именно о том, что Бог, — сотворив человека по образу Своему и подобию, удостоив ведения о Себе, украсив пред всеми животными даром слова, дав ему наслаждаться бессмертными красотами рая, поставив его князем над всем, что на земле, и после того, как перехищен быв змием, ниспал он в грех, а чрез грех в смерть и во все, что достойно смерти, — презрел его, но *сперва* дал ему закон, для охранения его и попечения о нем приставил Ангелов, для обличения порока и научения добродетели посылал пророков, порочные стремления пресекал угрозами, усердие к добрым делам возбуждал обетованием, — а *потом*, когда мы и при всех таких пособиях, оказались неисправимыми, благоволил воззвать нас от смерти и оживотворить в Господе нашем Иисусе Христе предивным неким домостроительством. Ибо Он, *во образе Божий сый, не восхищением нещцева быти равен Богу, но Себе умалил, зрак раба приим* (Фил. 2, 6-7), — воспринял на Себя и наши немощи, понес болезни, был язвен за нас, чтобы мы *язвою Его исцелили* (Ис. 58, 5), *искупил ны есть от клятвы законныя, быв по нас клятва* (Гал. 3, 13), претерпел поноснейшую смерть, чтобы нас возвести к славной жизни и не удовольствовался тем, но еще даровал нам до-

стоинство причастия Божества, уготовал вечные упокоения, великостию утешений превышающие всякую человеческую мысль. — *Что убо воздадим Господеву о всех, яже воздаде нам* (Пс. 115, 3). — Когда все сие привожу себе на мысль, тогда (откроюсь в своей немощи) прихожу в какой-то ужас и страшное испугание от боязни, чтобы по невнимательности ума или по причине занятия суетным, отпав от любви к Богу, не сделаться мне некогда укоризною Христу. Ибо тот, кто ныне обольщает нас, и мерзкими приманками всемерно старается произвести в нас забвение о Благодетеле к погибели душ наших, тогда сие забвение наше обратит в укоризну Господу, хвалясь нашею непокорностию и нашим отступничеством; потому что он не сотворил нас и не умер за нас, однакоже имел нас своими последователями в непокорности и нерадении о заповедях Божиих. Эта укоризна Господу и эта похвальба врага для меня кажутся тяжелее геенских мучений — врагу Христову послужить поводом к превозношению пред Тем, Кто за нас умер и воскрес.

11. *Надобно всяким хранением блюсти свое сердце* (Прит. 4, 23), чтобы никак не терять мысли о Боге, и памятования о чудесах Его не осквернять представлениями суетного, но святую мысль о Боге, постоянным и чистым памятованием напечатленную в душах наших, всюду носить с собою, как неизгладимую печать. Ибо таким образом приобретается нами любовь к Богу, которая и возбуждает к исполнению заповедей Господних, и вместе опять сама ими соблюдается, делаясь непрерывною и непоколебимою.

12. *Кая польза в крови моей, внегда сходити ми во истление* (Пс. 29, 10)? Что мне, говорит, пользы

в благосостоянии плоти и во множестве крови, когда она будет предана общему разрушению? *Но умерщвляю тело мое и поработаю* (1 Кор. 9, 27), чтобы утучнение плоти не послужило поводом ко греху. Не угождай плоти сном, банями, мягкими постелями, непрестанно повторяя слово сие: *какая польза в крови моей, вегда сходити ми во истление?* Для чего заботаешься о том, что вскоре сожгет? Для чего утучняешь себя и отягощаешь плоть? Разве не знаешь, что чем более дебелию сделаешь ты плоть свою, тем более тягостное узилище приготовишь душе?

13. Пророк сказал: *приклони ухо* (Пс. 114, 2) не для того, чтобы ты составлял какое-нибудь чувственное представление о Боге, будто бы имеет Он уши и приклоняет их по причине тихого голоса, как делаем мы, приближая слух свой к говорящим слабо, чтобы лучше услышать произносимое. Он сказал: *приклони*, чтоб показать собственную свою немощь, т.е. снизойди по человеколюбию ко мне, лежащему долу, как человеколюбивый врач, приклоняя слух свой к больному, который от великого изнеможения не может говорить внятно, чтобы вблизи яснее узнать нужды страждущего. Божий слух для услышания не имеет нужды в звуках голоса. Бог и по движениям сердца узнает просимое. Или не слышишь, как Моисей, который ничего не говорит, но в бессловных воздыханиях молит Господа, услышан был Господом, Который сказал ему: *что вопиеш ко Мне?* (Исх. 14, 15)?

1. *Боже милостив буди мне грешному*, взывал мытарь, и вышел из храма оправданным паче фарисея (Лк. 18, 13). И вышло, что слова явились выше дел, и речения превзошли деяния. Тот выставлял свою праведность, пост, десятины; а этот одни сказал слова (без дел), и стяжал прощение всех грехов. Почему так? Потому что Бог не одни слова слушал, но паче внимал чувству, с каким они произнесены, — и, нашедши его сокрушенным и смиренным, помиловал и восчеловеколюбствовал. Это говорю я, не да согрешаем, но да смиренномудрствуем. Ибо если мытарь, человек последней худости, не воссмиренномудрствовал (ибо что за смиренномудрие у того, у кого все худо?), а только возблагодарствовал, и грехи свои высказав, и исповедав себя тем, чем был, такое привлек к себе Божие благоволение; то сколь большую привлекут себе Божию помощь те, которые, наделав добрых дел, нимало высоко о себе не думают! Посему-то я всегда и прошу, и молю, и заклинаю всякого из вас, как можно чаще исповедывать грехи свои перед Богом. Я не вывожу тебя пред публику, как на зрелище, и не принуждаю открывать грехи свои пред людьми. Пред Богом открой совесть свою. Ему покажи раны свои и у Него проси врачевания. Ему покажи, не поношающему, но уврачевание подающему (Иак. 1, 5). Он уже все видит, хоть ты и молчишь. Выскажись же, — и получишь пользу. Выскажись, чтобы сложив все бремя грехов здесь, туда перейти чистым без всяких ран греховных, — и избавишься от нестерпимого опубликования их (на Страшном суде). Три отрока душу свою предали за исповедание единого истинного

Владыки всяческих и Бога, и в печь огненную ввержены: однакоже после стольких и толиких доблестей говорят: *несть нам отверсти уст, студ и поношение быхом рабом твоим и чтущим Тя* (Дан. 3, 33). Так зачем же вы отверзаете уста свои? — Чтоб это одно, говорят, сказать, что *несть нам отверсти уст*, и этим одним умиловать Господа.

2. Для чего Бог вложил в душу нашу такого деннонощно бодренного и бдительного судию? — Совесть, говорю. Между людьми нет такого бдительного судии, как наша совесть. Внешних судей и деньги портят, и лесть расслабляет, и страх заставляет кривить весы, и многое другое уклоняет от праведного решения дел. Совестьное же судилище ничем таким не повреждается; но хоть деньги давай, хоть лесть расточай, хоть стражай, хоть другое что делай, она все праведное произносит осуждение погрешивших помыслов: и сам согрешивший, сам он осуждает себя, хотя бы никто другой не обличал его в грехе. И это не однажды и дважды, но многократно и всю жизнь не перестает она делать. Пусть и значительное пройдет время, она никогда не забудет сделанного. И во время совершения греха, и прежде совершения его, и после совершения строгим налегает на нас судом, — особенно после прегрешения. В то время, как совершаем грех, опьяняемые сластью греховною, не так чувствуем мы (упреки совести); но когда грех сделан и дело грешное приведено к концу, тогда сласть греховная исчезает и находит горькое жало покаяния. Противное сему бывает у рождающих. У тех прежде рождения бывают боли нестерпимые, муки раздирающие, после же рождения — радость и покой, ибо вместе с исходом плода чревного отходят и все боли: а

здесь не так, но когда приемлем греховные помыслы и зачинаем преступные желания, радуемся и веселимся, а когда родим злое дитя — грех, тогда, увидев срамоту рожденного, начинаем мучиться и раздражаться болями горшими, чем у рождающих. Посему не будем, прошу вас, принимать особенно в начале растлительного похотения; если же примем, истребим сие семя внутри (прежде чем созреет и родится из него плод). Но если и это допустим по нерадению, поспешим убить делом совершенный грех, исповедию, слезами и осуждением самих себя. Ибо ничто так не разрушительно для греха, как самоосуждение с покаянием и слезами. Осудил ты себя в грехе? сбросил с себя бремя его. И кто это говорит: *Сам Бог — Судия. Глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися*. Чего же ради, скажи мне, ты стыдишься и краснеешь исповедать грехи свои? Человеку разве сказываешь ты их, чтоб он поносил тебя? Или сорабу твоему исповедаешь, чтоб всем о том рассказал? Нет; но Господу милосердому, человеколюбивому врачу показываешь раны свои.

3. Как преклонить на милость Господа? — Вот как! Водрузим молитву в сердце своем, и к ней приложим смирение и кротость. — Ибо Господь говорит: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). И Давид воспел: *жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19). Ничего так не любит Господь, как душу кроткую и смиренную. Смотри, брате, и ты не прибегай к людям, когда что нечаянно отяготит тебя, но, минуя всех, востеки мыслию своею ко Врачу душ. Ибо сердце у врачевать может один Он,

создавший на едине сердца наша и разумеваый на вся дела наша (Пс. 32, 15). Он может войти в совесть нашу, коснуться ума, утешить душу. Если Он не утешит сердец наших, человеческие утешения излишни и несмысленны: как напротив, когда Он утешает, то, хотя бы неисчетные делали нам притеснения, ни на волос не возмогут они повредить нам. Когда Он укрепит сердце, никто не может встревожить его. Зная сие, возлюбленные, будем всегда прибегать к Богу, и хотящему и могущему развеять налегшие на нас тучи прискорбностей.

4. Ангелы, с великим страхом и радостью принося молитвы свои, научают нас, что и нам, приступая к Богу в молитвах, надлежит творить сие со страхом и радостью: со страхом, боясь как бы не оказаться нам недостойными молитвы; радости же исполненными при сем надлежит нам быть по причине величия чести, что наш смертный род удостоен такого и толикого благоволения Божия, что ему дано часто беседовать с Богом, в силу чего мы перестаем быть смертными и временными; — по естеству мы смертны, чрез беседу же к Богу переходим к жизни бессмертной. Ибо кто с Богом беседует, нельзя не стать выше смерти и тления. Как тому, кто объемлется лучами света солнечного нельзя не быть далеку от тьмы даже малейшей: так нельзя сподобляющемуся беседы с Богом не стать выше смерти. Таковое величие чести представляет нас в область бессмертия (дает дохнуть воздухом бессмертия). Если тем, которые с царем ведут беседу и от него чести сподобляются, нельзя быть в чем либо скудными; тем паче нельзя тем, которые к Богу приступают в молитве и с Ним беседуют, иметь смертные души: ибо смерть души есть нечестие и

беззаконная жизнь; следовательно, наоборот, жизнь души есть служение Богу и житие с тем сообразное: жизнь же преподобную и с служением Богу сообразную уготовляет и дивно сокровиществует в душах наших молитва.

5. Кто не молится и не имеет желания часто наслаждаться беседованием с Богом, тот мертв, бездушен и непричастен ума. То самое, что он не любит молитвы и не почитает смертью для души, если она не поклоняется Богу, есть верный знак отсутствия в ней ума. Как тело наше, когда лишается присутствия в нем души, мертвым становится и зловонным; так и душа, не имеющая возбуждения, подвигающего к молитве, находится в горьком состоянии, мертва есть и смердяща. Что горшим смерти злом надо почитать то, если лишаемы бываем молитвы, сие добре показал нам Даниил, великий пророк, решившийся лучше умереть, нежели три только дня пробыть без молитвы. Ибо царь Персидский не совсем нечестовать ему повелевал, а желал, чтоб он на три дня только пресек свои молитвы.

6. Что без молитвы никак невозможно иметь сожительницею себе добродетель и с нею теши путем жизни, думаю, для всякого само собою ясно. Ибо как бы кто стал подвизаться в добродетели, не приступая и не припадая часто к Тому, Кто есть подаватель и дарователь добродетели? Кто бы даже желание быть целомудренным и праведным в себе постоянно питать был силен, не держа с удовольствием беседы с Тем, Кто требует от нас и это и еще большее того? Но я берусь доказать коротким словом, что молитвы (возродясь в нас или быв начаты нами), хотя бы застали нас преисполненными всяких грехов, скоро очищают от них. И в таком слу-

чае, что будет более молитвы велико и божественно, если она окажется целительным врачевством для тех, которые болят душою? Се — ниневитяне первые являются молитвою очистившимися от многих своих пред Богом грехов. Как только взяла их молитва (на свое попечение), тотчас сделала и праведными, — и город, привыкший жить в непотребстве, лукавстве и всяком беззаконии, быстро исправила, пересилив устарелые худые навыки и небесные водворив законы, приведши с собою и целомудрие, и человеколюбие, и кротость, и попечение о бедных. Без этих добродетелей она и не водворяется в душе; но обыкновенно в какую душу вселяется она, ту делает полной всякой праведности, — настраивает ее на всякую добродетель, а всякое худо изгоняет из ней. Если б в то время кто-либо из знавших хорошо Ниневию прежде вошел в нее, то не узнал бы этого города: так скоро перешел он от жизни непотребной к благочестию.

7. Как город, не огражденный стенами, легко подпадает под власть врагов, по отсутствию всякой к занятию его препоны, так и душу, не огражденную молитвой диавол легко берет в свою власть и наполняет ее всякими грехами. Около же тех, которые прилежат молитве, он не имеет никакого успеха. Видя душу огражденную молитвами, он не дерзает близко подходить к ней, боясь силы, которую молитвы сообщают душе, питая ее более, чем хлеб питает тело. К тому же молящиеся усердно не допускают в себя ничего недостойного молитвы, но благоговеинствуя пред Богом, с которым только что беседовали, тотчас отражают всякие козни лукавого, приводя себе на мысль, как неуместно и худо тому, кто только что просил в молитве у Бога

целомудрия и преподобия, тотчас переходить на сторону врага, позволяя душе вожделевать срамных сластей и тем давать диаволу вход в сердце, которое только что присещал Бог.

8. Когда молимся, тогда наипаче нападает на нас злобный к нам диавол. Видит он величайшую нам пользу от молитвы; почему всячески ухитряется сделать, чтоб мы возвратились отсюда из церкви домой с пустыми руками. Знает он, добре знает, что если пришедшие в храм приступят к Богу с трезвенною молитвою, выскажут грехи свои и теплою сокрушатся о том душою, то отойдут отсюда, получив полное прощение: человеколюбив бо есть Бог. Почему предупреждает отвести их чем-либо от молитвы, чтоб они ничего не получили. И это делает он, не насилуя, но мечтаниями приятными развлекая ум и чрез то наводя леность к молитве. Самы виноваты мы, что самоохотно отдаемся в его сети, сами себя потому лишаем благ молитвы, — и никакого не имеем в этом извинения. Усердная молитва есть свет ума и сердца, свет неугасимый, непрестанный. Почему враг бесчисленные помыслы, как облака пыли, ввевает в умы наши и даже такое, о чем мы никогда не думали, собирая, вливает в души наши во время молитвы. Как иногда порыв ветра, нападши на возжигаемый свет светильника, погашает его: так и диавол, увидев возжигаемым в душе пламень молитвы, спешит навеять отсюда и отсюда бесчисленные заботливые помыслы и не прежде отстает от этого, как успеет погасить занявшийся свет. В таком случае будем поступать так, как поступают те, которые возжигают светильники. Те что делают? Заметив, что подступает сильное дуновение ветра, они загораживают пальцем отвер-

стие светильника и таким образом не дают ветру доступа внутрь, потому что, ворвавшись внутрь, он тотчас погасит огонь. Тоже и в нас. Пока совне приражаются помыслы, мы можем еще противостоять им; когда же отворим двери сердца и примем внутрь врага, то не сможем уже нисколько противостоять им. Враг, погасив в нас всякую добрую память и помышление святое, делает из нас коптящий светильник: тогда в молитве уста произносят лишь слова пустые. Почему как те, возжигатели светильников, палец налагают на отверстие светильника, так и мы заградим дверь сердца трезвенным помыслом, и тем пресечем злomu духу, чтоб вошедши он не погасил там света молитвы.

9. Молился Исаак об отъятии бесчадия Ревекки, жены своей, и услышал его Бог (Быт. 25, 21). Не подумай, что он, как только призвал Бога, так и услышан был. Нет, много времени прошло у него в молитве о том к Богу. Двадцать лет молился он о том Богу. Сорок лет было ему, когда взял за себя Ревекку (ст. 20); а когда родились у него дети, было ему шестьдесят лет (ст. 26). Двадцать лет бесчадствовала Ревекка, и во все это время Исаак молился Богу. — Итак, не стыдно ли нам, не следует ли нам закрывать лица свои, видя, как праведник двадцать лет терпит в молитве и не отступает, а мы после первой или второй молитвы часто соскучиваемся и дерзаем держать неудовольствие на неслышание? И притом он великое имел к Богу дерзновение, и однако ж не роптал на отложение дарования, а терпеливо ожидал его; мы же бесчисленным множеством заваленные грехов, с лукавою живя совестью, не показав Господу никакого благоугождения, если, прежде чем изречем свое прошение, не бываем услы-

шаны, теряем терпение, падаем духом и бросаем молитву. Оттого и отходим отсюда всегда с пустыми руками. Кто из нас двадцать лет молился Богу об одном чем-либо, или хоть двадцать каких-либо месяцев?

10. Хотя и вне церкви находишься, взывай и говори: *помилуй мя!* не губами только шевеля, но из сердца вопия. Ибо Бог слышит и молча вопиющих к Нему. Не место требуется, но благонастроенное сердце. Иеремия во рве тинном был и Бога имел с собою; Даниил в яме со львами сидел, и Божиим покрываем был благоволением; три отрока в пещь огненную вверженные хвалебными песнями Бога преклонили на милость; разбойник распят был, но крест не помешал ему рай отверсть; Иов сидел на гноище, и Бога милостивым к себе соделал; Иона — во чреве китове был, и Бог услышал его. Хоть в бане будешь, молись, хоть в пути, хоть на одре, — и где бы ты ни был, молись. Ты сам храм Божий, не ищи другого места для молитвы; нужно только молитвенное настроение ума и сердца. Море было впереди, позади египтяне, посреди Моисей. Для молитвы крайнее стеснение, и однако же молитва была пространнейшая. Позади гнались египтяне, впереди стояло море, посреде — молитва. Моисей ничего не говорил, но Бог сказал ему: *что вопиеши ко Мне?* (Исх. 14, 15) Уста не говорили, но сердце, вопияло. — И ты, возлюбленный, всегда и везде так прибегай к Богу! Бог — не человек, чтобы идти к Нему в определенное место. Он всегда и везде близ есть. Если желаешь о чем-либо спросить человека, спрашиваешь, что он делает, занят чем, или отдыхает. Идя к Богу, ничего такого разведывать не нужно. Где ни приступишь к Нему и ни призовешь Его,

слышит. Скажи: *помилуй мя*, — и Бог уже близ есть. *Еще глаголющу ти*, говорит Он Сам, *реку: се Азъ* (Ис. 58, 9). О глас, преисполненный человеколюбия! Не ожидает и окончания молитвы; не успеешь кончить молитвы, как уже получишь дарование.

11. Никто не стыдись достопоклоняемого знамени нашего спасения, — сей главизны духовных благ, — о нем же живем, о нем же и есмы. Но, как венец, будем носить Крест Христов: ибо им совершается все в деле нашего спасения. Родиться ли свыше потребно — присущ Крест; напитаться ли таинственной оною пищею (телом и кровию), или хиротонисаться, или другое что совершить, — везде предстоит нам сие знамение победы. Посему мы со всяким тщанием начертываем его и на домах, и на стенах, и на дверях, и на челе, и на сердце. Ибо Крест есть знамение нашего спасения, общего избавления и милосердия нашего Владыки. Потому, когда знаменаешься Крестом, представляй все значение его, погашай гнев и все прочие страсти. Когда знаменаешься Крестом, исполняй чело (ум) свое полным упованием и душу делай свободною. Ибо не просто перстами нужно его изображать, но наипаче произволением с полною верою. Если так изобразишь его на челе своем, то ни один из нечистых духов не возможет приблизиться к тебе, видя тот меч, которым он уязвлен, видя то оружие, от которого получил рану смертельную. Не стыдись же толикого блага, да не постыдит же и тебя Христос, когда придет во славе Своей, и когда сие знамение явит пред Ним светлейшим самих лучей солнечных. Сие знамение, и при праотцах наших и ныне, отверзало заключенные двери, отнимало силу у вредоносных

веществ, делало недействительным яд и врачевало смертоносные угрызения зверей. Напечатлевой же его в уме своем и сердцем обнимай сие спасение душ наших. Сей Крест спас вселенную, изгнал заблуждение, восстановил истину, землю обратил в небо, людей сделал Ангелами. Силою его демоны уже не страшны и смерть не смерть. Крестом все враждебное нам низложено и попорано.

12. Всегда должно иметь пред очами суд Божий, и все — самые неистовые — страсти умолкнут. Таким же образом и во время молитвы можем удерживать трезвенное внимание, ежели будем помнить, с Кем беседуем. Смотри же, не позволяй ни одному помыслу занимать в сие время твою душу. Молитва есть жертва Богу. Припомни, что и Авраам при своем жертвоприношении не позволил быть ни жене, ни рабу, ни другому кому. Так и ты не оставляй при себе никакой страсти; но один, — отрешенный от всего, — взойди на молитвенную гору. Если же какие из недостойных помыслов и будут усиливаться взойти с тобой на сию гору, запрети им сие, как господин их, и скажи: *сядите zde, азъ же и детищ, поклонившися возвратимся* (Быт. 22, 5). Все что есть бессловесного и неразумного, — и осла, и рабов, — оставь при подошве горы: взойди, взяв с собою только разумное, как Авраам Исаака. Так, как он, устрой и жертвенник, отрешившись от всего человеческого и став выше своего естества; ибо и он, если б не стал выше своего естества, не решился бы заклать сына. Итак, ничто да не возмущает тебя в сие время, но будь выше самих небес. Горько плачь и стенай, принеси вместо жертвы исповедание грехов и сердечное сокрушение. Жертвы сии не превращаются в пепел, не исчезают с дымом; не нужны

для них ни дрова, ни огонь, нужно только умиленное сердце. Это — дрова. Это — огонь, который объемлет дрова пламенем, а не сжигает их. Ибо, кто с пламенным усердием молится, тот горит, и не сгорает, — но подобно золоту, испытываемому огнем, делается только чище и светлее.

СВЯТОГО ЕФРЕМА СИРИАНИНА

1. Страх Божий да будет пред очами твоими, и грех да не возобладает тобою. Не говори: „сегодня согрешу, а завтра покаюсь”. Ибо о завтрашнем дне нет у тебя ничего верного. Будем сегодня каяться, а о завтрашнем дне пусть печется Господь.

2. При всегдашнем памятовании о Господе удаляются от души гнусные страсти, как начальники при приближении военачальника: чрез это же устрояется Св. Духу чистое жилище. Но где нет памятования о Боге, там господствует мрак и зловоние, там совершается всякое негодное дело.

3. Иона во чреве китове вопиял в молитве: *да изыдет из истления живот мой Господи, Боже мой* (Иона 2, 7). Молитва сия проторгла бездну, рассекла воздух, достигла до неба, и вошла в уши Господу: лучше же сказать, Сам Господь, наполняющий вселенную, не далек был от искреннего Своего слушателя.

4. Кто всецело посвящает себя всегда Богу, и без всякого нерадения употребляет возможные по его силам тщательность и труд, с несомненною верою всегда от Бога надеясь избавления с помощью благодати Христовой, тот удостоивается, по благодати Божией, взойти на самый верх непоколебимой доб-

родители и любви. Совершенный христианин всякую добродетель, и все превосходящие природу нашу совершенные плоды Духа, как-то: истинную и неизменную любовь и мир, долготерпение и благодать, кротость и терпение, веру и смиренномудрие, и прочие дела истинной добродетели, производит с услаждением и духовным удовольствием, как естественные и обыкновенные, уже без утомления и легко, не борясь более с греховными страстями, как совершенно искупленный Господом, как сподобившийся сделаться чистым жилищем Его, и возбуждаемый к добродетелям божественною силою, в радости и веселии от Святого и достопоклоняемого Духа приобретший совершенный преобладающий в сердце мир Христов. Такой человек, по причине действительного вселения в него Святого Духа, не только подобное делание добродетелей совершает уже с великим наслаждением, без утомления, но легко и удобно воспримлет на себя труднейшее, как-то страдания Христовы. Укрепляемый Духом с великим вожделением дает он обет пострадать за Христа, — и готов бывает быть в наготе, голоде, терпеть всякое злострадание ради Господа, подвергается ненависти, бесчестию, злоречию, стать как бы отребьем мира сего, и наконец быть распинаемым и принимать на себя юродство. Ибо самое полное вселение в него Святого Духа, и нетленное, действительное утешение будущую, бессмертную, надежду воскресения приуготовляет его к тому, что страдания Христовы приемлет с великим услаждением. Таков истинно прилепившийся к Господу и сделавшийся *един дух с Ним* (1 Кор. 6, 17).

5. *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17, 21). Войди в самого себя, ищи усердной, и без труда най-

дешь. Удались с распутия забав, с пагубного пути похотей, из дебри корыстолюбия и вредных сообществ. Войди в себя, живи в себе самом, в прекрасной клетке духа твоего, — и там ищи царства, как учил Спаситель наш. Если оно еще не в тебе, то взывай: *Отче наш, да приидет царствие Твое!* и оно приидет, когда призовешь. Царство — в тебе. Войди же в себя, пребывай в сердце своем; ибо там — Бог. Он не оставляет тебя, но ты оставляешь Его.

6. Если Бог медлит исполнением прошений, не должно скорбеть. Податель премудр. Он смотрит и на прошение и на время, и если видит, что прошение в настоящее время бесполезно, будет же полезно впоследствии, блюдет исполнение его до времени. Хотя и прискорбно просящему, что не исполнилось прошение его в то же время; но Податель утешит его в свое время пользою.

7. Хвала Тому, Кто слышит все! Его правда — горнило для всех прошений. Одобряет она прошение истинное, потому что в нем сокрыта жизнь для просящих; осуждает прошение лживое, потому что в нем таится смерть для просящих.

О М И Л И Я 33

*О добродетелях и противоположных им страстях,
и о том, что „мир”, „миродержителем” которого
является диавол, это – не Божия тварь, а это – те,
которые, вследствие злоупотребления тварью,
покорились ему. Произнесенная на молебне*

Как кто что посеет на обработанной земле, то и пожнет: если посадит здесь деревья, дающие добрые плоды, или посеет жито или ячмень или нечто из полезных злаков, то это же земля и воскармливает и возвращает и приводит в совершенство; а будет ли земля оставлена невозделанной и незасеянной, она, действительно, воскармливает растения, но не полезные, и особенно – терния и волчцы, согласно проклятию, которому мы подпали; подобно сему, если и дерево она произрастит, то и оно будет бесплодным и бесполезным и, обычно, колючим; так и в отношении души: какие кто внедрит в нее расположения, те и вкусит. Кто ведет полезные беседы и слушает духовное учение и слушается и приводит в дело то, что оно заключает в себе, тот возделывает добродетели и бывает угоден Богу, пригоден другим людям и добр к самому себе. Если же у кого беседы не добрые, и не слушает духовного учения, но и то услышанное считает за какие-то пустяки, тот дичает и деревенеет (огрубевает) и воскармливает дурные страсти и раждает от себя терния и жала смерти души и тела, которые – грехи. Ибо и начало

злбный змий вначале, как все вы знаете, чрез грех ужалив человека, сделал его смертным, и извергнув его из места наслаждения, переместил его в этот тленный и многоболезненный мир; и если кто не позаботится теперь, путем покаяния, об исцелении своих ран, тот будет отослан в вечную муку и в геенский огонь. Но как в диких лесах и зарослях терний имеют логовища звери и пресмыкающиеся по земле, так и оный началозлбный дракон, великий и низменный зверь, по выражению книги Иова, обитает под каждым деревом услаждения, впереди же его бежит гибель. Желая же, чтобы вы все были выше этой гибели и делая все (в этом направлении), я истомляюсь о вас, братие, трудясь и в слове и в духовном назидании, преподаваемом ежедневно посетителям, в церквах же — и общественно всем, когда это позволяет время: потому что мое духовное наставление „вырубает” эти „дурные рощи” и вырывает глубокие корни греха, и притупляет жало зла, а дает торжествовать над началозлбным драконом, и являет правый путь и подает спасительное ведение.

Поскольку же Церковь Христова, и особенно в сем великом городе, имеет в своем числе не только простецов, но и мудрых мужей, которые таковы либо по-природе либо посредством обучения в наставлениях, преподаваемых мною или же иными лицами, то посему я не делаю свою беседу ни слишком ученой, ни слишком простой, скорее желая поднять уровень нижестоящих, нежели ради них понизить уровень вышестоящих. Внимающий же и слушающий внимательно наставление, хотя бы и был простец, отнюдь не не поймет все говоримое; а благодаря тому, что возможет принять и удержать и привести в дело, хотя бы то было и весьма малое, убежит

от всякого зла для души своей; расширит же и исполнит и спасет свое сердце, приявшее сие (божественное учение). Потому что, — чтобы взять пример из боговдохновенного Писания, — оно уподобляется тому камню, о котором сказал Даниил, говоря, что он оторвался от горы, быв весьма мал, и ударив образ сих текущих (непостоянных) вещей, разбил и раздробил его, сам же, расширившись, наполнил всю землю. Ныне же особенно необходимо, не только простецам, но и мудрым, внимать тому, что говорится; потому что если по образу речи наша беседа и применяется как-то к людям простым, однако, она заключает в себе не наивное содержание и не малую пользу: потому что я вам представляю дурные страсти и добродетели и, обнажив корни каждой из них, покажу, что они (корни) не тождественны, но — различны, для того, чтобы и вы одни срубали, а другие окружали негой. Итак, любовь к Богу является корнем и началом всякой добродетели; а любовь к миру — виновницей всякого зла. Посему-то эти две любви и противоположны друг другу и одна уничтожает другую, как и Брат Божий взывает, говоря: „Любы мира сего вражда Богу есть; иже бо восхощет друг быти миру, враг Божий бывает” (Иак. 4, 4). И возлюбленный Христу Иоанн говорит: „Аще кто любит мир, несть любве Отчи в нем: яко все, еже в мире, похоть плотская, и гордость житейская, несть от Отца” (1 Иоан. 2, 15). Будем внимать, братие, дабы вследствие любви к дурным услаждениям и гордости в отношениях друг ко другу, не отпасть нам от любви Небесного Отца. Ибо в этих двух (греховных состояниях), Апостол охватил всякую страсть, разлучающую нас от Бога. Но корнем и началом и причиной двоицы этих двух

противоположных друг другу корней, я имею в виду: любви к миру и любви к Богу, — является иная двойца любви, непримиримая взаимно и враждебная: ибо любовь к нашему телу является причиной любви к миру: потому что мы любим мир по причине тела и услаждения его. Причиной же любви к Богу является любовь к нашему духу, т.е. к душе: потому что по причине своей души и покоя в будущем веке и благонаследия мы каждый любим Бога. Что эти любви противопоставятся друг другу, свидетельствует и великий Павел, говоря: „Плоть бо похотствует на духа”, т.е. на душу, „дух же на плоть” (Гал. 5, 17).

Но каким образом из любви каждого к своей душе рождается любовь к Богу? — Угрожает геенна огня неугасимого; и, в то же время, обещается вечное царство Божие; вечное царство — для слушающих и творящих Божии заповеди; геенна же огненная — для не являющих, чрез дела, веру в Евангелие Христово. Итак, воистину верующие и любящие свои души, и желающие сохранить их для вечной жизни, слушая эти обещания и эти угрозы, сразу же начинают в себе желание и страх: страх в отношении нескончаемой муки перед лицом грозящей геенны огненной; желание же Царства Божиего, согласно обетованию, и приснопробывающего в нем радования. Итак, желая получить сие чистое и божественное радование, и страшась оной муки огненной, они отрешаются от страстных и греховных и земных отношений, тщатся же прилепиться к Богу, путем усердной молитвы, как к Единому имеющему силу и власть освободить от страдания в геенне и удостоить вечной, превышающей ум, радости; и таким образом порождают любовь к Богу, и путем ее еще тес-

нее соединяясь с Богом, приобретают к тому же всякую добродетель: ибо когда Бог действует в нас, тогда сшествует с нами всякий вид добродетели; когда же Бог не действует в нас, тогда все совершаемое нами является грехом. Посему и Господь в Евангелии говорит, что: „...без Мене не можете творити ничесоже” (Иоан. 15, 5). И сознавая это, истинные делатели добродетелей не надмеваются никаким из своих добрых поступков, но, смиряясь, славят Бога — Источника добродетелей, от Которого исполняются благодетельным сиянием. Потому что, как воздух наполняется светом от солнца, являя нам не свою, но солнца славу и сияние, так и те, которые прилепляются Богу, путем делания Божиих заповедей, являются, по выражению Апостола Павла, „благоуханием Христовым” и обладают благоуханием Христа и возвещают добродетели Призвавшего их из тьмы в чудный Свой свет.

Таким, вот, образом, путем духовного наставления, зарождается в нас сознание о будущем, и, путем истинной любви каждого к своей душе, рождаются в нас, верующих, желание и страх в отношении будущих вещей, и, вследствие сего, усердная и непрестанная молитва и моление к Богу, и, вследствие непрестанной молитвы, любовь к Нему и преданность и, по причине этой преданности, рождается всякая добродетель, придающая смирение к познанию Его, Производящего в нас добродетели. Но каким образом, вследствие любви к телу, рождается любовь к миру, и, вследствие сей любви, дурные страсти, и создается множество грехов? — Как душа, по природе своей, стремится к будущему наслаждению, так тело — к присущему и мимотекущему, а

это услаждение — чувственно и совершается путем наших органов чувств и проистекает от чувственных вещей, которые и представляют мир; посему любящий тело является любителем мира. Из-за этой же любви к телу, мы, неумеренно желая мирских удовольствий и гоняясь за ними и любя их, облакаемся в многообразное безобразие страстей. Ибо поскольку мирское услаждение совершается путем чувств, а у нас чувств много и они различны, то и удовольствия, связанные с ними, многи и различны, как и отвечающие им страсти: одни (страсти) проистекают от зрения; другие от слуха; иные от обоняния; опять же иные от осязания; а иные от вкуса. Но не еда является причиной дурных страстей, связанных со вкусом, но — неумеренность в отношении пищи, т.е. распущенность: а это выражается в чревобесии, гортанобесии, неумеренном употреблении вина и пьянстве. Чрево же, ради услаждения вкуса принимающее излишки в пище и питье, предоставляет обильный материал для зла, являясь как бы неким истоком, исполненным нечистоты и издающим нечистоту, которой поддерживаются низменные страсти, как-то: блуд, прелюбодеяние, распутство, бесчинство и всякая плотская нечистота. А эти, поработив слух, зрение и обоняние, делают их любителями грязи, постыдных слов, блудных песен, сатанинских хороводов, натирания, в целях соблазна благовонным маслом, отвратительных массажей, нарядов путем драгоценных одежд и головных уборов, которые со вне украшают страстных людей, а внутри облакают, как уродливая маска, бесчестные страсти, и, действительно, уподобляют их гробам повапленным, с внешней стороны кажущимися украшенными, внутри же — исполненными зловония и всякой

нечистоты: потому что органы чувств, — будучи порабощены злу, как с внешней стороны, так и с внутренней, стягивают близко и издали ненавистные (греховные) впечатления, и таким образом чрез присущие нашему естеству „окна”, не только исходит, но и входит в нас грех, ведущий к смерти. Ибо: „Исходящая из уст, от сердца исходят, и та сквернят человека” (Мф. 15, 18); и — „Иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем” (Мф. 5, 28).

И вот такая угождающая своему телу душа, всеми способами овладевая услаждением, доставляемым чувствами, и отовсюду собирая материал для удовольствия, доставляемый путем осязания, вкуса и иных чувств, рождает любовь к вещам и сребролюбие; а те, в свою очередь: воровство и неправды и хищения и всякий вид алчности. Но есть и иное чувство помимо этих, не обладающее телесным органом, это — всеобъемлющее, внутреннее чувство: *воображение о себе*, из которого и иные удовольствия и страсти возникают у любителей мира, из числа которых: надменность, спесь и гордость. Но и опять, из чувственного восприятия и самомнения слагаются некоторые иные смешанные страсти, каковыми являются: человекоугодничество, тщеславие и высокомерие. Но наслаждение души, бываемое от Бога и от божественных вещей, является чистым и бесстрастным и несмешанным с печалью; сей же мир, по самой своей природе, к радости приносит печаль; не только по причине многообразных перемен и изменений, но и потому, что и давая каждому какую-то ничтожнейшую часть, он большего лишает; потому что мир, будучи один, разделяется для множества, а возможно, и для неисчислимого

числа людей, из которых каждый стремится и пытается овладеть и править целым миром. Так что любитель мира, жаждающая всего, хотя бы и имел почти все, хотя бы обладал большею частью, чем все остальные, однако сам скорбит относительно того, чем не обладает, а того, кто слабее него, утесняет своим расширением (своей агрессией). И противоположно сему: — когда божественное духовное наслаждение и радость неделимым образом уделяются человеку, то хотя бы он и мог всю ее вместить, однако от этого нет вреда для других; так, каждый из нас всецело обладает Благочестием (Православием) и, вот, не ущемляет этим своего ближнего, но, наоборот, многими способами и помогает ему. Итак, сей мир, как я сказал, вместе с удовольствием приносит и печаль; а наше тело принимает удовольствие, печаль же отвергает; посему этот мир является для него вместе и приятным и жестоким. Одержимые же любовью к своему телу, не познав природу вещей сего мира, посчитав, что он не только полон наслаждений, но и — свободен от скорбей и не понимая, что то, чему они отдают сердце должно уйти от них, печалься, когда случится скорбь, которая, в действительности, отвечает самому существу сего мира и, как бы борющиеся в ночи, не познавая причину страдания, винят друг друга каждый раз при постигающих невзгодах. И отсюда иной жестокий рой страстей открывается для несчастного человеческого рода, как-то: поношения, злословия, клеветы, гнев, ненависть, ссоры, зависть и всякое желание исполненное горечи, вследствие чего войны и убийства совершаются по всей вселенной, и особенно в нашем поколении, потому что охладела любовь и умножился грех. Но мы — да сохраним себя в

единодушии, соединяемые друг с другом взаимным миром, и удаляясь от всякого безумства (гнева) друг на друга, которое и душу и тело предают гибели. О, братие, молю вас, будем прощать друг другу, если кто имеет на кого огорчение, как и Христос простил нам; чтобы не только в храмах Божиих, но и в домах и на улице, пребывая тихими, единодушно и едиными устами нам славить Отца нашего, Который на небесах. Но в сем дурном списке губительных страстей, чреватых удовольствием и печалью, еще имеются и иные, которые — не безболезненны и не усладительны, но имеют исходную точку своего бытия как бы смешанной из противоположных элементов, таковы: притворство, лесть, коварство и лицемерие.

Видите ли обманчивость и обольщение сего мира, до какой степени оно многооблично? какими многими видами зла нас охватывает? какими многими способами отделяет нас от Бога? Потому что многообразно сделав нас одержимыми множеством страстей, лишает покоя духа. Посему и Сам Господь сказал: „Мир во зле лежит”, и диавола назвал „миродержителем”, как князя тьмы века сего. Но не подумайте, что лукавый обладает небом и землею и сущими между ними тварями Божиими, и по сей причине Господь назвал его „миродержителем”. Прочь такая абсурдная мысль! — Ибо не *этого* типа мир во зле лежит. Потому что Измеривый пядью небо, как говорит Пророк, и Держащий землю горстью, является единственным Творцом их; но злоупотребление вещами, на основании полного страстей заведования нашим имуществом, мир неправды, злая похоть и гордость, как говорит возлюбленный Христу Богослов, это — *не от Отца*. Итак этот

мир во зле лежит по причине нашего злоупотребления и дурного заведования; вот, это — тот мир, миродержителем которого является сатана. И это — вышеперечисленное множество страстей, которое, при содействии лукавого, является следствием грехолюбивой нашей настроенности, по причине которой, те люди, которые не освободились от грехов путем покаяния, делают дьявола своим самодержцем. Но мы, сочисленные Христу, возжелаем горнего мира; пожелаем царства, обетованного нам Христом; отступим от понижающих душу наслаждений; убоимся геенны огненной, угрожающей любителям удовольствий; бежим от несдержанности, пьянства, блуда, алчности, неправды, тщеславия, гордости, ненависти, гнева, бесчеловечности: ибо по причине сих мы, увы, самим себе и миру сему поставляем князем — лукавого. Бежим, следовательно, от обманчивого сего мира и миродержителя и покажем, чрез добрые наши дела, что и мы сами дело всеблагих рук Божиих. Потому что таким образом мы прекрасно будем пользоваться вещами нынешнего века, и в свое время насладимся обетованными вечными благами, которые да будет всем нам получить благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу подобает слава со Святым Духом во веки веков. Аминь.

ЕПИСКОП ИГНАТИЙ БРЯНЧАНИНОВ

Преосвященный Игнатий родился 6 февраля 1807 г. в с. Покровском Вологодской губернии и при Св. Крещении получил имя Димитрия. Его отец, Александр Семенович Брянчанинов, потомок древнего дворянского рода, имевший большие связи при дворе, мечтал о блестящей светской карьере для своего сына и, когда Димитрию исполнилось пятнадцать лет, повез его в столицу для определения в главное инженерное училище. Однако пятнадцатилетний юноша уже в ту пору мечтал стать монахом. Но прежде чем осуществились намерения Димитрия Александровича, прошли долгие годы, много препятствий и тяжелых испытаний выпало на его долю. Самым тяжелым из них было сопротивление домашних. Димитрий Александрович должен был вынести тяжелую нравственную борьбу с родителями и с сильными мира, к помощи которых прибегал его отец в целях уберечь сына от монашества. Только после тяжелой болезни в 1827 году Димитрий Александрович получил вождеденное увольнение со службы. Он начал послушание в Свирском монастыре под руководством о. Леонида. В 1831 г. он был пострижен в малую схиму и наречен Игнатием в честь священномученика Игнатия Богоносца. В скором времени он был посвящен в иеродиакона, затем в иеромонаха.

Он был строителем Пельшемского Лопотова мо-

настыря, потом настоятелем в Угрешском монастыре. В 1834 г. он стал настоятелем Сергиевской пустыни. Священный Синод возвел его к тому времени в сан архимандрита. В 1857 г. Св. Синод нарекал архимандрита Игнатия во епископа Кавказского и Черноморского. К сожалению, святитель недолго правил Кавказской епархией: тяжелая болезнь — оспа, соединенная с сильной горячкой, окончательно подорвала и без того слабое от природы и от подвижнических трудов его здоровье. Он просил Св. Синод уволить его на покой и дать приют, в котором он мог бы окончить свои дни. Ходатайство епископа Игнатия было удовлетворено и он был уволен на покой с пенсией, получив в управление Николо-Бабаевский монастырь на Волге, в Костромской епархии. Здесь он прожил до конца своих дней в напряженных подвижнических трудах по духовному воспитанию иноков.

Епископ Игнатий скончался 30 апреля 1867 г. Кончина его была тихой и мирной, смерть застала его в тишине уединения в час молитвы.

Епископ Игнатий оставил после себя ценнейшие духовные сочинения по аскетике, молитве, трезвению. Мы помещаем здесь избранные письма его к монахам и мирянам, извлеченные нами из Самиздатского сборника его избранных сочинений.

+

...Искренно благодарю Вас за посещение меня грешного; этим посещением доставлено мне сердечное утешение. Особенно признателен Вам за то, что Вы захотели познакомить меня с стихотворениями

Вашими, с Вашим прекрасным талантом, которому даю всю справедливую цену. Мать Мария, по отъезде Вашем, еще прочитала мне некоторые сочинения Ваши. Все дары Бога человеку достойны уважения. Дар слова, несомненно, принадлежит к величайшим дарам. Им уподобляется человек Богу, имеющему Свое слово. Слово человеческое, подобно Слову Божию, постоянно пребывает при отце своем и в отце своем — уме, будучи с ним едино и вместе отделяясь от него неотдельно. Слово человеческое ведомо одному уму, из которого оно постоянно рождается и тем выражает существование ума. Существование ума без слова и слова без ума мы не можем представить себе. Когда ум захочет сообщить уму ближних, он употребляет для этого свое слово. Слово, чтоб приобрести способность общения, облекается в звуки или буквы. Тогда невещественное слово делается как бы вещественным, пребывая в сущности своей неизменным. И Слово Божие, чтоб вступить в общение с человеками и спасти их, вочеловечилось. При основательном взгляде на слово человеческое делается понятна и причина строгого приговора Господня, которым определенно возведено, что человеки дадут отчет в каждом праздном слове. Божественная цель слова в писателях, во всех учителях, а паче св. пастырях — наставление и спасение человек. Какой же страшный ответ дадут те, которые обратили средство назидания и спасения в средство развращения и погубления! Святой Григорий Богослов писал стихами с возвышенною, глубоко благочестивою целью; доставить Христианскому юношеству чтение и образцы в поэзии, сделать для них ненужным изучение языческих поэтов, дышащих сладострастием и прочими страстями, дышащих бого-

хульством. Искренно желаю и для Вас цели Бого- слова, находя Вас способным в известной степени удовлетворить этой цели, и мзда Ваша будет многа на земле и на небе. Возложите на себя иго этой цели, как обязанный в свое время представить отчет о данном Вам таланте Подателю его. Возложите на себя труд достигнуть этой цели. Займитесь постоянно и смиренно, устранив от себя всякое разгорячение молитвою покаяния, которою Вы занимаетесь: из нее почерпайте вдохновение для писаний Ваших. Затем подвергните собственной строгой критике писания Ваши и, при свете совести *Вашей*, просвещенной молитвою покаяния, извергните беспощадно из Ваших сочинений все, что принадлежит к духу мира, что чуждо духу Христову. Горе смеющимся ныне! Это слова Христовы! Это определение, исшедшее от Бога! Невозможно устранить их никаким словоизвинением. Судя себя и рассматривая себя, Вы увидите, что каждое слово, сказанное и написанное в духе мира сего, кладет на душу печать свою, которою запечатлевается усвоение души миродержцу. Необходимо в таких словах, исторгнутых увлечением и неведением, покаяние. Необходимо установить в сердце залог верности Христу, а отпадение сердца от верности, по немощи нашей, врачевать немедленно покаянием и устранением от себя действий, внушенных неверностию, соделанных под влиянием духа и духов, над льстящих и вместе жаждущих погибели нашей. В воображении моем уже рисуется книга стихотворений Ваших, песнопений, достойно именуемых и священным и изящным. О! да увижу событие ожидания моего, да возрадуюсь о нем радостью духовною! О себе не говорю ничего Вам: Вы увидели больше, нежели сколько могу

сказать. И паки благодарю за труд, принятый Вами для посещения меня, призывая на Вас благословение Божие и прося Ваших святых молитв, с чувством искренней преданности и уважением имею честь быть...

+

...Несомненно то, что в стихотворениях Ваших встречается то чувство, которого нет ни в одном писателе светском, писавшем о духовных предметах, несмотря на отчетливость стиха их. Они постоянно ниспадают в свое чувственное, и святое духовное переделывают в свое чувственное. Душа не находит в них никакого удовлетворения, пищи. Как прекрасен стих в Балладах Жуковского! и как натянута чувство! Очевидно, в душе писателя не было ни правильного понимания описываемого предмета, ни истинного сочувствия ему. По причине неимения истины он сочинил ее и для ума и для сердца, написал ложную мечту, не могущую найти сочувствия в душе разумного и истинно образованного, тем более благочестивого читателя. Мне очень нравился метод Пушкина по отношению к его сочинениям. Он подвергал их самой строгой собственной критике, пользуясь охотно и замечаниями других литераторов. Затем он беспощадно вымарывал в своих сочинениях излишние слова и выражения, также слова и выражения сколько-нибудь натянутые, тяжелые, неестественные. От такой вычистки и выработки его сочинения получали необыкновенную чистоту слова и ясность смысла. Как они читаются легко! в них нет слова лишнего! От чего? от

беспощадной вычистки. Почитав Ваши стихотворения, и дав в себе сформироваться впечатлению от них, нахожу, что и Вам необходим этот труд. Как Ваши сочинения легко читаются! — сказал Пушкину его знакомый. От того, отвечал Пушкин, что пишутся и вырабатываются с великим трудом. Смею сказать, что и я стараюсь держаться этого правила.

Мой сборщик, умный монах, лет 50-ти, возвратился с Кавказа и с приволжских губерний. На Кавказе принят был очень радушно, но насбирал мало по причине оскудения страны от неурожаев, а паче по причине общего и быстрого охлаждения народа к Церкви. Ему говорили мои знакомые: только три года Владыка от нас, а ему не узнать бы теперь народа, так он переменялся. В Саратове Преосвященный написал книгу для сбора на месяц. После этого сборщик был принят только в два дома, в каждом дали ему по 15 коп. серебром. Между тем строился в городе огромный театр, как бы некий кафедральный собор. Приезжающие сюда богомольцы из других губерний, сказывают, что монастыри, содержащиеся подаянием, приходят в крайний упадок, по причине изменения, последовавшего в направлении всего народа. Живем в век быстрейшего прогресса...

+

...Признаю себя недостойным той доверенности, которую Вы мне оказываете. Когда человек во время скорби своей обращает взоры на кого-нибудь, с доверенностью простирает к нему руки, просит помощи: это значит — предполагает в нем духовную

силу. Духовной силы не имею. Я окован цепями страстей, нахожусь в порабощении у них, вижу в себе одну немощь. Но проведши всю жизнь в страданиях, почитаю сострадание страждущим священным моим долгом. Из этого побуждения пишу к Вам, примите как отклик души, участвующей в Вас. В одиночестве, в скорби, и ничтожное участие — приятно. При нынешних обстоятельствах человеческие пути к вспоможению Вам — заграждены. Таково мнение, не только мое, но и тех, знающих Вас и помнящих, с которыми я счел полезным посоветоваться. Нельзя уклониться ни направо, ни налево: надобно по необходимости идти путем тесным и прискорбным, который пред Вами внезапно открылся по неисповедимым судьбам Божиим. Такое положение мне не незнакомо. Не раз я видел полное оскудение помощи человеческой; не раз был предаваем лютости тяжких обстоятельств; не раз я находился во власти врагов моих. И не подумайте, чтоб затруднительное положение продолжалось какое-нибудь краткое время. Нет! так протекали года; терялось телесное здоровье, изнемогали под тяжестью скорбного бремени душевные силы, а бремя скорбей не облегчалось. Едва проходила одна скорбь, едва начинало проясняться для меня положение мое, как налетала с другой стороны неожиданная, новая туча, — и новая скорбь ложилась тяжело на душу, на душу, уже изможденную и утонченную, подобно паутине, предшествовавшими скорбями. Теперь считаю себя преполовившим для жизни моей. Уже виден противоположный берег! уже усилившаяся немощь, учащающиеся недуги возвещают близость переселения! Не знаю, какие бури еще предстоят мне, но оглядываюсь назад, и

чувствую в сердце невольную радость. Видя многие волны, чрез которые преплыла душа моя, радуюсь невольно. Сильные ветры устремились на нее; многие подводные камни подстерегали, наветовали спасение ее, — и я еще не погиб. По соображению человеческого погибнуть надо бы давно. — Уверяюсь, что вел меня странными и трудными стезями непостижимый Промысл Божий; уверяюсь, что Он бдит надо мною и как бы держит меня за руку Своею всемогущею десницею. Ему отдаюсь! пусть ведет меня куда хочет; пусть приводит меня, как хочет, к тихому пристанищу „идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание”. Вижу многих, называемых счастливыми, — и без цены для сердца моего жребий их. Лежат мертвецы во гробах мраморных и деревянных с одинаковою бесчувственностью: одинаково бесчувственны они, как к великолепному памятнику, воздвигнутому тщеславию и неведением христианства, так и к смиренному деревянному кресту, который водрузила вера и бедность. Одинаково они жертвы тления. Очень похожи на мертвецов земные счастливы, мертвые для вечности и для всего духовного. Мертвыми их нарекло Евангелие. Возгласим славу Божию в стране и обществе живых! Шествие к истинному знанию Бога непременно требует помощи от скорбей: непременно нужно умерщвление сердца для мира скорбями, чтоб оно могло всецело устремиться к исканию Бога. Бог, кого отделяет в ближайшее служение Себе, в сосуд духовных дарований, тому посылает скорби (св. Исаак Сирск.). Он, едва открылся Павлу, как уже определяет ему в удел страдания, возвещает о них. „Аз бо скажу ему, елика подобает ему о имени Моем пострадати” (Деян. 9, 16), говорит Господь о вновь

избранном Апостоле! Люди, наносящие скорбь, и скорбные обстоятельства — только орудия во всемогущей деснице Божией. Власы глав наших изочтены у Бога; ни одна из птиц бессловесных не падает без воли Творца своего; неужели без этой воли могло приблизиться к Вам искушение? — Нет! оно приблизилось к Вам по попущению Бога. Недремлющее Око Промысла постоянно бдит над Вами; всеильная десница Его охраняет Вас, управляет судьбою Вашею. По попущению, или мановению Бога приступили к Вам скорби, как мучители к мученику, — Ваше злато ввергнуто в горнило искушений: оно выйдет оттуда чище и ценнее. Люди злодействуют в слепоте своей, а Вы соделываетесь на земле и на небе причастником Сына Божия. Сын Божий говорит Своим: „Чашу убо, юже Аз пию, испиете” (Мк. 10, 39). Не предавайтесь печали, малодушию, безнадежию! Скажите, честнейший отец, Вашим унывающим помыслам, скажите Вашему пронзенному скорбию сердцу: „Чашу, юже даде мне Отец, не имам ли пити ея?” (Иоан. 18, 11). Не подает эту чашу Кайафа, не приготовляет ее Иуда и фарисей; все совершает Отец! Люди, произвольно следующие внушениям своего сердца, действующие самовластно, не престают при том быть и орудиями, слепыми орудиями Божественного Промысла, по бесконечной премудрости и всемогуществу этого Промысла. Оставим людей в стороне: точно — они посторонние! Обратив взоры наши к Богу, повергнем к ногам Его воздымающиеся и мятущиеся помыслы наши, скажем с благоговеюною покорностию: „Да будет воля Твоя!” Этого мало облобызаем Крест, как знамение Христово, руководствующее ученика Христова в Царство Небесное. Был

повешен на кресте разбойник, упоминаемый в Евангелии: был повешен, как разбойник, а с креста переселился на небо, как исповедник. Люди побивали Стефана камнями, как Богохульника; а по суду Божию ему отверзлось небо, как живому храму Святого Духа. Был принужден святитель Тихон Воронежский, обвиненный в горячности нрава, перейти с престола Епископского в стены тихой обители, — обитель, пребывание в которой Святого Пастыря имело наружность изгнания, внушила ему посвятить себя молитвенным и другим подвигам иноческим. Святые подвиги доставили ему нетленное и негибнущее сокровище праведности во Христе, славу от Христа на небе и на земле. Всегда поражала меня участь Святителя Тихона; пример его всегда испускал утешительные и наставительные лучи в мое сердце, когда сердце мое окружал мрак, производимый скопляющимися тучами скорбей. Я убежден, что одни иноческие занятия могут с прочностью утешать человека, находящегося в горниле искушений. Рекомендую Вам сочинения Св. Марка Подвижника, находящимся в скорбях; а для молитвенного занятия — Исихия, Филофея и Феодипта, помещенные во 2-ой части той же книги. Простите, что позволяю себе советовать Вам! Примите это, как признак участия, как признак искренности, извлекаемых из души моей состраданием к Вам. Иначе я не вверил бы Вам тайн, которые скрываю и которые должно скрывать в глубине души, чтоб драгоценные бисеры духовные не были попорчены любящими и дорого ценящими одно лишь свое болото. Изложенными в этом письме мыслями и другими, им однородными, почерпаемыми в Священном Писании и в сочинениях святых Отцов, я питался, поддерживался. Без

поддержки, столько сильной, мог ли бы устоять против лица скорбей, которые попускал мне всеблагий Промысл, которыми отсекал меня от любви к миру, призывал в любовь к Себе. Скорби мои, по отношению к слабым силам моим, были немалые, не сряду встречающиеся в нынешнее время. То, что не вдруг могли меня сломить, лишь усиливало и продолжало мучения: вместо того, чтобы сломить в несколько дней, или несколько часов, ломали меня многие годы. В этих скорбях вижу Божие благодеяние к себе, исповедую дар свыше, за который я должен благодарить Бога более, нежели за всякое видимое мною в других земное, мнимое счастье. И это мнимое счастье как ни низко (оно плотское?), — могло бы быть еще завидным, если б было прочно и вечно. Но оно превратно, оно мгновенно, — как терзаются при его изменах, при потере его, избалованное им. Оно непременно должно разрушиться, отняться неумолимою и неотвратимою смертью: ни с чем не сравнимо бедствие, с которым внезапно встречаются во вратах вечности воспитанники мнимого, земного счастья! Справедливо сказал св. Исаак Сирский: „Мир — блудница: он привлекает красотой своею расположенных любить его. Уловленный любовью мира и опутанный им, не сможет вырваться из рук его, доколе не лишится живота своего. Мир, когда совершенно обнажит человека, — изводит его из дому его (т.е. из тела) в день его смерти. Тогда человек познает, что мир льстец и обманщик”. Дайте руку: пойдем за Христом, каждый неся крест свой и им изработывая свое спасение.

Где бы я ни был, в уединении ли или в обществе человеческом, свет и утешение изливаются в мою душу от креста Христова. Грех, обладающий всем существом моим, не престаёт говорить мне: „сниди со креста”. Увы! схожу с него, думая обрести правду вне креста, — и впадаю в душевные бедствия: волны смущения поглощают меня. Я, сошедши с креста, обретаюсь без Христа. Как помочь бедствию? Молюсь Христу, чтоб воззвал меня опять на крест. Молясь и сам стараюсь распяться, как наученный самым опытом, что не распятый — не Христов. На крест возводит вера; низводит с него лжеименный разум, исполненный неверия. Как сам поступаю, так советую поступать и братьям моим! Что еще прибавить? Прибавлю: „Блажен муж, иже претерпит искушение” (Иак. 1, 12). „Искушен быв”, может и искушаемым помогать. Желая, чтоб эти слова Священного Писания сбылись над Вами. А Вы — утешьтесь! Не малодушествуйте от того, что победились бранью: это к духовному искусству, или опыту, и к смирению. Мир вам! Еще скажу: общий путь подвижников — терпение между людьми, умение врачевать немощь чувств, узреть Промысл Божий, и войти в умную молитву. Иной, по собственному смотрению Божию, вошел иначе; — мы должны идти по общему пути. Прочитайте об этом 55-е слово Св. Исаака к Преподобному Симеону Чудотворцу. Иные находят, что уединение — ближайшее средство к духовному успеху; а другие говорят, что приводит в духовный успех — любовь к ближнему. Моему сердцу более нравится последнее; потому

что любовь к ближнему — непрременный долг каждого; а к безмолвию — способны немногие.

+

Вместо всякой надписи ставлю над письмом моим изображение святого Креста. Крест — это приличнейшая надпись над словом крестным, произносимым для проходящего путь крестный. И так внимайте тем словам, которые извлекаются верою вашею из окаянного сердца моего, погруженного в молитву и слышащего дивные глаголы, произносимые благодатию в тайне душевной клетки. Глаголы эти питают меня, питают и тех, которые ради спасения души своей захотят не презреть грешных и убогих слов моих.

Георгий Алексеевич, Затворник Задонский, в продолжение двух лет был беспокоиваем помыслами о выходе из Задонской обители. Ему представлялось, что место это не довольно уединенно, что в другом его будут менее беспокоить посетители: однажды, как он развлекался этими мыслями, сказывают ему, что некоторый странник желает его видеть, ибо имеет нечто сказать ему от Серафима Саровского. Затворник приглашает странника, который вошедши к нему говорит: „Отец Серафим велел тебе сказать, что стыдно тебе, Затворнику, позволять бесовским помыслам такое долгое время беспокоить тебя. Никуда не переходи, Богу угодно, чтобы ты жил здесь”. Сказав эти слова, странник поклонился и удалился. Изумлен был Затворник этим обличением его тайных помыслов, и когда опомнился, послал келейника своего, чтобы воро-

тить странника. Келейник напрасно искал в монастыре и за монастырем обличителя — он скрылся. Кто он был? Не будем об этом любопытствовать много, но заметим из этого события нужное нам, именно, что постоянное служение помысла не есть еще признак его правильности. Ах! Где то желанное спокойствие, к которому влечется наше сердце, которого оно не может не жаждать и не искать? Оно сокровенно в кресте Христовом. Напрасно будете его искать в чем другом. Дьявол, смотрящий на лице души человеческой и ловящий ее в погибель, видит стремление, стремление естественное нашего сердца к нерушимому покою, и по поводу этого стремления дает совет: „Перейди с места твоего жительства в другое, там найдешь желанное спокойствие”. Таков его совет, под личиною которого скрыт другой: „сниди со креста”. Святые Отцы повелевают выдерживать брани, не оставляя места, в особенности если в нем нет явных поводов ко греху. Монах, оставляющий по причине душевной брани место своего жительства, никогда не возможет стяжать духовных плодов. Стойкость — одно из первых достоинств воинства и земного и духовного. Опытные в битвах ратники почитают признаком храбрости отважное нападение на строй неприятельский, но несравненно большим — безмолвное стояние с угрюмою твердостью под ядрами и картечью неприятельских батарей, когда этого требует общий план военачальника. На таких-то воинов наиболее может он положиться. На таковых воинов наиболее полагается наш подвигоположник Иисус Христос и венчает их душевными венцами. Делание это заповедает нам Дух Святой: *„Аще въздет на тя дух сильного, то места своего не оставь”*. Напротив того, Он

укоряет воинов нестойких, и объявляет им лишение духовных дарований: „Сынове Ефремли наляцающе и стреляюще луки, возвратишася в день брани... И отрину селение Иосифово, и колено Ефремово не избра” (Пс. 77, 9, 67). Этого и вы уstraшитесь; постарайтесь принести плод, по слову Господню: „в терпении”. Что вы заметили в себе некоторые недостатки, о которых прежде думали легче, с извинением и оправданием их, — этому не удивляйтесь. Мы к тому стремимся, чтобы узреть наши грехи и омыть слезами покаяния прежде того времени, времени страшного, когда покаяние будет только мучить, а не исцелять. Если о. Пафнутий усердствует осудить вас книгами своими, то советую вам сперва прочитать книгу Великого Варсонофия и, если заблагорассудите, — списать ее. По вашему состоянию книга эта будет полезнее, нежели Исаака Сирина, которую, Бог даст, займетесь в свое время. Мир вам!

+

Простите, что за незнанием имени вашего, смею назвать вас „Матушкой”. В приезд мой в святую Спасо-Бородинскую обитель вы приветствовали меня с таким сердечным радушием, как бы родного сына, — припомните, когда Г-жа Игуменья меня представила вам на монастыре. Тогда вы меня глубоко тронули! Вы мне сказали: „Мы вас ждали и ждали сюда”. Ваши слова остались в памяти моей в противность обычаю моему: я очень, забавно, — беспамятлив. Ублажаю вас! Вижу над вами какую-то чудную руку Божию! Сами вы под крестом недуга; а дети ваши — плод чрева вашего — подклони-

ли рамена свои кресту Христову, отвергли иго мира, как непотребное! — Моя родительница много огорчалась при вступлении моем в монастырь: но на смертном одре, за несколько минут до кончины, произнесла: „Теперь, в этот час, у меня одно утешение: мой старший сын — в монастыре”. Часто размышляю: какое неизъяснимое горе обьет на страшном суде Христовом тех родителей, которых гневно и грозно обличит и осудит нелицеприятный Судия за принесение чад их в жертву миру и миродержцу! — Какая ни с чем не сравнимая радость обьет тех родителей, которых этот Судия благословит и восхвалит за принесение чад их в жертву Богу, за приготовление их в жители светлого рая! — Эта радость вас ожидает! Два венца ожидают вас: один за ваши собственные скорби, другой — за детей ваших. Хороши — венцы блаженства! Не угодно ли вам примерять их!.. В полное владение они даются в той жизни — а примерять их можно и здесь. Хотите ли? — по милости Божией научу вас — как ухватить (они тонки, духовны: не всякий знает, как они похищаются!) и как примерять? — Положите себе за правило ежедневно благодарить Господа за вашу чашу, т.е. за все скорби ваши, за жребий дочерей ваших; в особенности благодарением Богу отгоняются помыслы скорбные; при нашествии таких помыслов „благодарение” таких помыслов произносится в простых словах, со вниманием и часто, — доколе не принесется сердцу успокоения. В скорбных помыслах никакого нет толку: от скорби не избавляют, никакой помощи не приносят, только расстраивают душу и тело. Значит: они от бесов — и надобно их отгонять от себя. Отгоняются же скорбные помыслы благодарением Богу. „Бла-

годарение” сперва успокаивает сердце, потом приносит ему утешение, впоследствии принесет и небесное радование — залог, предвкушение радости вечной. Будьте благодарить — венчик примеряете. Мне бы хотелось увидеть на душе вашей примерный венчик Небесный, венчик радования духовного! — „Благодарение” из простеньких и немногих слов, а дела наделает больше, нежели сделают его тысячи умнейших книг. „Благодарение” — оружие, завещанное христианам Духом Святым через Апостола. „Благодарение” — Апостольское, Божие учение и предание. Благодарение Богу совершает чудеса и знамения! И зрятся эти знамения не очами телесными, — несравненно превосходнейшими их очами душевными — и в душевной клети: там от Божественного прикосновения оставляет болезненный огонь скорби тещу Петрову, — она начинает услуживать Господу. Петр — образ веры; теща его — образ души ближайшей родственницы Петру. Благодарение — сильно Богом всеильным, Которому оно приносится! Благодарение — сильно верою, которая одна, решительно одна, способна воспринять и объять неограниченную силу Божию: у веры нет границ, как нет у Бога и у всего, что относится к Богу. Разум, как ни разумен, — ограничен: не годится для дел Божиих. Все Божие, всякое знамение он встречает отталкиванием: „как?” „неужели?” „почему?” — Прочь непотребный, отверженный Богом!.. Придите — святая вера и буйство проповеди Христовой — спасите нас.

Через мрачную, глубокую пропасть скорби, внезапно открывшуюся пред вами, переноситесь на крыльях веры! Не испытывайте воли недоверчивою стопою человеческого размышления, идите смело по ним мужественными ногами веры и обратятся под ногами вашими мягкие, влажные волны в твердые мраморные или гранитные плиты. Тем более нейдут вам робость и сомнение, при зрении моря скорбного, при зрении ветра крепкого, что призывающий вас ходит по морю скорбей, отделяющий для такового хождения от прочей братии вашей — Сам Господь. Это призвание есть вместе и блаженное избрание! Христос знаменует „Своих” печатью страдания! Он обрел душу вашу благопотребною Себе, и потому печатлеет ее Своею печатью! И стоит отдельно малое стадо, часть Христова, от множества прочих людей; Христовы держат в руках своих признак избрания их Христом — чашу Христову; на раменах их — знамя — Христов Крест. Далеко, далеко отшатнулись от них сыны мира! Бесчисленною толпою, с шумом в упоении странном, гонятся они за попечениями и наслаждениями временными. Время в очах их преобразилось в вечность! Они проводят жизнь бесскорбную, и преуспевают в тленном, забыты Богом, не возбуждают против себя диавола: они угодны диаволу — часть его. Чаша Христова отверзает вход в страну разума духовного, состояния духовного; вшедший туда и причастившийся трапезы утешения духовного соделывается мертвым миру, бесчувственным к временным скорбям и лишениям, начинает совершать свое земное странствование, как бы несущийся по воздуху превыше все-

го, — на крыльях веры. Оковы разума притягивают нас к земле — стране мучений; находясь на земле, мы невольно подвергаемся и мучениям; „приложивый разум приложит болезнь”, говорит Писание. Вера подымает с земли, освобождает от оков, изъе­млет из среды мучений, возносит к небу, вводит в покой духовный. Вшедшие в этот покой почивают прохладно, насладительно на роскошно постланных, драгоценных одрах Боговидения. Примите эти строки, произносимые от сердечного участия, которое с первого свидания с вами возбуждено во мне душою вашею, носящей во глубине своей какой-то особенный залог, залог таинственный, Боголюбезный, — залог Богоугождения. Примите эти строки из страны страданий, в которую я поселился очень давно: Богу не было угодно, чтоб я шел путем общим, обыкновенным! Он поставил меня на стезю отдельную, в страну совсем особенную, — и редко встречаю путешественника, идущего по стезе, посетившего эту страну, с которым бы можно было перемолвить слово на том языке, которым говорят в стране той и который сделался мне несколько знакомым, — утешительно звучит он для слуха души моей. В звуках его слышу что-то родное.

Что, между прочим, совершается в этой чудной стране? Там непримиримая война, там непрестанные битвы, сечи кровавые между Израильтянами и народами иноплеменническими. В числе иноплеменников восстают на Израильтян и Исполины, сыны Енаковы — скорби, приводящие нас в страх, в расслабление и отчаяние. Соглядатай Израиля — разум, возвещает о них душе и ее силам: „И тамо видехом Исполины, сыны Енаковы, и бехом пред ними яко пружи, и тако бехом пред ними...” (Числ. 13, 34).

Точно Размышление, основанное на обыкновенном ходе вещей, помышления собственно и единственно человеческие приносят... Но истинный Израильянин, верный Богу, водится верою в Бога, он облачен во всеоружие. „Пожену враги моя, — восклицает он, — и постигну я, и не возвращуся, дондеже скончаются. Истребляю я, и не возмогут стати: падут под ногама моима” (2 Царств. 22, 38-39). Не одобряются в войне многие и тонкие размышления которые силится ум, уповающий на себя, на свою силу, на число и высоту своих познаний противопоставить напирającym толпам иноплеменников. „Сынове Ефремли наляцающе и стреляюще луки, — вещает пророк, — возвратишася в день брани” (Пс. 77, 9). Не устоять размышлению человеческому против густых полчищ иноплеменников! Собьют они его, переспорят, произведут в уме возмущение, в мыслях смешение; — тогда на стороне их победа. Для верного успеха в невидимой брани с князьями воздушными, с духами злобы, темными миродержителями нужно взяться за оружия, подаваемые верою, подаваемые буйством проповеди Христовой. „Зане буге Божие, премудрее человек есть, и немощное Божие крепчае человек есть” (1 Кор. 1, 25). Странными и страшными кажутся для плотского разума стезя и учение веры; но едва человек на самом опыте увидит внутренним душевным ощущением могущество веры, — немедленно и радостно предается ее водительству, как обретший неожиданно бесценного наставника, с презрением отталкивает от себя отверженную Богом премудрость человеческую. Вот оружия, которые святое буйство проповеди Христовой вручает рабу Христову для борьбы с сынами Енаковыми — мрачными помыслами и ощу-

щениями печали, являющимися в душе в образе страшных исполинов, готовых стереть ее, поглотить ее:

1-е слова: „Слава Богу за все”.

2-е слова: „Господи, предаюсь Твоей Святой Воле! буди со мной Воля Твоя!”

3-е слова: „Господи! благодарю Тебя за все, что Тебе благоугодно послать на меня”.

4-е слова: „Достойно по делам моим приемлю; помяни мя, Господи, во Царствии Твоем”.

Эти краткие слова, заимствованные, как видите, из Писания, употреблялись преподобными иноками с превосходным успехом против помыслов печали. Отцы нисколько не входили в рассуждение с являющимися помыслами; но, только что представал пред ними иноплеменник, они хватались за орудие чудное, и им — прямо в лицо, в челюсти иноплеменника! От того эти люди так сильны, попрали всех врагов своих, соделались наперсниками веры, а чрез посредство веры — наперсниками благодати, мышцею благодати, совершили подвиги вышеестественные. При явлении печального помысла или тоски в сердце, начинайте от всей души, от всей крепости вашей произносить одно из вышеозначенных предложений: произносите тихо, не горячась, со вниманием, во услышание одних вас, — произносите до тех пор, доколе иноплеменник не удалится совершенно, — доколе не известится сердце ваше в пришествии благодатной помощи Божией. Она является душе во вкушении утешительного, сладостного мира, мира о Господе, а не от какой другой причины. По времени иноплеменник опять начнет приближаться к вам; но вы опять за оружие и, как завещал

своим воинам гениальный полководец Цезарь, метнете прямо в лицо врага: ни в какую часть тела так не тяжки, так не невыносимы удары, как в лицо. Не подивитесь странностям, ничтожности по-видимому, оружия Давида! Употребите их в дело и увидите знамение! Эти оружия — палица, камень — делают дела более, нежели все вкупе собранные, глубокомысленные суждения и изыскания богословов-теоретиков, сказателей букв — Германских, Испанских, Английских, Американских! Употребление этих оружия — дело постепенное, переведет вас со стези разума на стезю веры, и эту стезю введет в необъятную, дивную страну духовного. Там трапеза манны сокровенной; к ней, по свидетельству Писания, Христос допускает одних победителей. Вы введены в невидимую войну для того, чтоб иметь случай соделаться победителем, и в достоинстве победителя наследовать духовные сокровища. Все же это доставляет вам Христос, возлюбивший вас, явственно отделяющий вас в число „Своих”. Итак, — уже с самого берега глядя на темное, глубокое море скорбей, на даль, где синева вод сливается с синевой небес, на эту беспредельную пугающую даль веры, — прислушиваясь к гневному говору волн, к их плесканию однообразному и бесчувственному, — не предавайтесь унынию, не впустите в душу вашу море грустных дум. Тут гораздо более опасностей! В этом море потонуть гораздо удобнее, нежели в море скорбей наружных. Радайтесь! — и паки реку: радайтесь! Вы для того на берегу моря скорбей, чтоб преплыть в страну радостей: даль моря имеет противоположный берег, хотя и невидимый для очей человеческого разума. Этот берег — рай умственный, исполненный духовных наслаждений.

Достигшие этого блаженного берега забывают, в упоении наслаждением, все скорби, претерпленные ими на море. Становитесь бестрепетною ногою в легкую ладью веры, носитесь, как крылатый, по влажным бурунам! Скорее, нежели предполагаете, нежели можете себе представить, перенесетесь чрез море, перенесетесь в рай. — Но между духовным раем и жизнью плотскою, душевною, обыкновенною, которою живут вообще все люди, положены и разграничения — крест и распятие. В рай нет другого пути! Кого Бог хочет возвести в рай, того начинает сперва наводить на путь к нему, — на крест. „Признак избрания Божия, — сказал некоторый святой аскетический писатель, — когда пошлются непрестанные скорби человеку”. Претерпим умерщвление миру скорбями, чтоб соделаться способными принять в себя существенное оживление для Бога, явственным, вполне ощутительным действием Духа. Пожертвуем тлением для Духа! — Вполне отдавайтесь Богу! киньтесь в спасительную бездну веры, как бы в море, — с утеса! Людей — оставьте в покое, как орудия Промысла! Это орудия — слепые, сами по себе не имеют они никакой силы, никакого движения! „Не имаши власти ни единыя на Мне, — сказал Господь Пилату, — аще не бы ти дано свыше” (Иоан. 19, 11), хотя Пилат, водимый суждением человеческим, признавал и утверждал (а в этом, без всякого сомнения, согласны были с ним и все водящиеся таким суждением!), что он имеет власть распять предстоящего ему Узника и власть отпустить Его. — Не озабочивайтесь никакими сношениями с людьми, никакими оправданиями пред ними! Такие отношения только нарушают мир сердечный! — не принесут никакой пользы. Немощные люди, цветы, являющи-

еся на короткое время на поверхности земной! — вы мечтаете о себе много, вы приписываете себе много, а вы — немощные люди! Вы почтены самовластием, а вместе с тем не престааете быть орудиями, слепыми орудиями, вполне орудиями! И того даже вы не видите и не ведаете, что вы орудия! Вы самовластны, — так! вы не можете не принять мзды за дела ваши! но в бесконечно-мудрых судьбах Божиих эти самовластные суть действители без малейшей власти, без всякой самостоятельности. „Иисуса Назореа”, говорил святой апостол Петр иудеям, — „Сего нарекованным советом и проразумением Божиим предана приемше, руками беззаконных пригвожде, убисте” (Деян. 2, 23). „Вем, яко по неведению сие сотвористе, якоже и князи ваши: Бог же, яже предвозвести усты всех пророк Своих, пострадати Христу, исполни тако” (Деян. 3, 17-18). В делах Промысла Божия, люди — слепые орудия. Потому-то Господь не сподоблял людей, по-видимому облеченных полною властью, никакого ответа! Потому-то назвал Он чашу, приготовленную злоумышленниками-демонами, бесплотными и во плоти, чашею, подаемую Отцом.

Примите эти строки, как отголосок души, искренне в вас участвующей, состраждущей скорби вашей и усердно желающей вам утешения от Господа.

+

Кто поставлен во страну духа, тот должен удвоить бдительность над собою, должен быть особенно осторожным. Дверь в ту страну — мир Божий, — превосходящий всяк ум, потопляющий все про-

мышления человека в несказанной сладости своей. Этот мир Христов уничтожает все смущения и страхи, так сильно действующие на человека плотского. Обновленный Духом начинает чувствовать в себе обновления живой веры. Бог престаёт быть для него мертвым, каковым Он является для умерщвленных плотским мудрованием, считающим свою смерть — жизнью, а истинную и существенную жизнь — признающих как бы не существующею. За дарованием „мира” следует, как видно из Евангелия, другое дарование — Крест Христов делается понятным и удобоносимым, страдания начинают источать из себя сладость. Но все, совершающееся с тобою, есть действие только отчасти духовное, а не вполне. Возьми свои предосторожности. Есть действие от крови, кажущееся для непонятливых действием благим, духовным, а оно не благое, и не духовное, — оно из падшего естества нашего, и познается потому, что порывисто, горячо, нарушает мир в себе и ближних. Действие духовное рождается из мира и рождает мир. Рассмотря себя внимательно: действия в тебе — еще смешанные: действие духовное смешано с действием кровяным. Ты их не различила и не разделила. Смотри за твоими водами (сердечными чувствами), чтоб они текли тихо, — как сказал пророк о водах Силоамских: „Воды Силоамли текущие тисе”. Всякое разгоряченное чувство — кровяное! Не сочти его усердием и ревностью по благочестию, любовь к Богу и ближним. Нет — это движение души, произведенное в ней нервами, кровью. А кровь приводится в движение душевными страстями, которые — орудия и цепи миродержца, его скипетр, его держава. Храни себя в глубоком мире, и отвергай все, нарушающее мир,

как неправильное, хотя бы оно имело наружность правильную и праведную. Относительно ближних руководствуйся следующими наставлениями преподобного Исаака Сирского — „Пусть лучше признают тебя невежею, по причине неспособности ума твоего к прекословию, чем премудрым за бесстыдство твое и дерзость. Обнищай для смирения, — не будь богат для дерзости. Силою добродетелей твоих, а не словопрением твоим, обличи противующих тебя. Кротостью и тихостью уст твоих загради уста и принудь умолкнуть бесстыдство непокорных. Обличи невоздержных благородством жития твоего и разрешенных чувствами стыдливости очей твоих” — учит Божественное слово, учит и Божественное молчание. — Относительно гласов и явлений, нужна еще бóльшая осторожность: здесь ближе и зловернее прелесть бесовская. Многие из святых и искусных Отцов были обмануты бесами, хитро скрывающими и обличающими свою ложь и тьму признаками истины и света: тем удобнее могут быть обмануты юные и непонятливые. Нужно долгим временем и опытом приучить ум и сердце к отличию добра от зла, под какой бы личиною ни маскировалось зло. Потому святые Отцы заповедали, чтоб новоначальные не вверялись никаким гласам и явлениям, — но отвергали их и не принимали их, предоставляя дело суду и воле Божией, а для себя признавая смирение более нужным всякого гласа и явления. Глас Христов — Евангелие; будем вслушиваться в него и ему повиноваться. Истинные духовные видения и ощущения принадлежат тому веку, вполне невещественны, не могут быть объяснены в стране чувств, словом вещественным; таков верный признак истинно Духовного. — Глас Духа — не-

веществен; он вполне явствен и вполне невеществен: он — умственный глас. Так же и все духовные ощущения — невещественны, безвидны, не могут быть истолкованы, ясно переданы человеческим вещественным словом, и, вместе с тем, они ощутительны, сильны, одолевают все другие ощущения, соделывают их бездейственными, как бы не существующими. Для плотского человека Духовное действие непостижимо, вовсе непонятно, а кто имеет Духовное чувство, тому это чувство объясняет то, что необъяснимо словом вещественным. — Низшую ступень видений составляют видения, которых зрителем делается человек от неядения, бдения и других измождений плоти; до этих видений достигают не только люди подвижнической жизни, но и многие порочные, пришедшие каким-нибудь образом в измождение плоти. Телесные чувства их достигают какой-то особенной тонкости, и они начинают видеть духов, слышать гласы, обоневать благоухание. Это состояние опасно, и многие пришедши в него, впали в прелесть. — В твоём состоянии признаю посещение милости Божией: свидетель этой милости — мир Христов, на тебя излившийся и открывший тебе тайну Креста Христова. Но, в то же самое время, надо признать, что в этом состоянии было много кровавой примеси. Сама это заметишь, если будешь храниться в молчании и обуздывать каждое горячее, порывистое чувство, — вводить вместо его чувство тихое и мирное. Мне бы хотелось, чтобы ты вышла из этого состояния: оно тебе не под силу. Хранись и хранись! Да дарует тебе милосердый Господь перейти в другое состояние, менее опасное, более духовное и более полезное: это состояние — сокрушение духа от зрения паде-

ния человеческого и Искупления нас Спасителем. Многие святые Отцы, обладавшие смиренномудрием и духовным рассуждением, когда в них — нечаянно — какое особенное духовное дарование проявлялось, молили Бога, чтоб Он отнял от них это дарование, бывшее им не под силу: „Если дела твои тебя обличают, проси Бога, — сказал преподобный Исаак Сирский, — чтоб дал тебе разум, как тебе смириться, или чтоб поставил стража при даровании, или чтоб взял от тебя дарование, чтоб оно не было для тебя причиною гибели: потому что не все могут безвредно обладать этим богатством”.

При состоянии, в котором измененными или утонченными телесными чувствами подвижник слышит гласы, обоневает благоухание, видит явления, диавол очень легко может подменить Истину чем-либо своим, придав этому своему личину Истины, — и неисцельно повредить душу неопытного и юного подвижника. Гораздо возвышеннее и безопаснее утонченным покаянием и измененными Духом мыслию и сердечным ощущением зреть глубину падения и высокое таинство Искупления, погружаться при посредстве Духовного, невестественного действия в бездну смирения, в море благоговения и удивления Богу. — Опять привожу слова преподобного Исаака: „Ощутивший грехи свои лучше воскрешающего мертвых молитвою своею и обитающего вместе со многими. Воздыхающий в душе своей лучше пользующего весь мир видением своим. Сподобившийся увидеть себя лучше сподобившегося увидеть Ангелов: потому что у второго отверзлись чувственные очи, а у первого — душевные”. — Давай телу умеренное количество пищи и сна, храни себя молчанием, вниманием к себе, смирением. Из твоего настояще-

го состояния постарайся соблюсти действие „мира Христова” и познание Креста Христова. А из состояния утонченных чувств телесных, как из состояния очень опасного, превышающего твои силы, да изведет тебя милосердый Господь. В монастырской библиотеке вашей есть письменная книга преподобного Исаака Сирского. Прочитай в ней 55-ое слово, к преподобному Симеону Чудотворцу. Всего тут не поймешь, но и то, что поймешь, принесет тебе значительную пользу. Христос с тобою.

+

С Божиею помощью отвечаю на письмо ваше. Сказал Господь: „Никтоже может прийти ко Мне, аще не Отец, пославый Мя, привлечет его” (Иоан. 6, 44). Итак, хотя орудие призвания — человек, но призвание — Божие; призывающий Бог. Ощутив это призвание, которое сделалось вам слышимым по совершении уже многого пути в земном странствовании, не ожесточите сердца вашего. А ожесточается оно лестью греховною, как сказал святой Апостол Павел. „Блюдите, братие, — говорит он, — да не когда будет в некоем от вас сердце лукаво, исполнено неверия, во еже отступить от Бога жива” (Евр. 3, 12). — Не советовал бы вам я входить в подробное и тонкое разбирательство грехов и греховных качеств ваших. Соберите их все в один сосуд покаяния и ввергните в бездну милосердия Божия. Тайное разбирательство грехов своих нейдет человеку, ведущему светскую жизнь: оно будет только ввергать его в уныние, недоумение, смущение. Бог знает наши грехи, и если мы будем посто-

янно прибегать к Нему в покаянии, то Он постепенно исцелит самую греховность нашу, то есть, греховные навыки, качества сердца. Грехи, сделанные словом, делом, сложением помышлений, должно сказать на исповеди отцу духовному; а в тонкое разбирательство духовных качеств, повторяю, не должно светскому человеку пускаться; это ловушка, ставимая ловителем душ наших. Познается же она по производимому в нас смущению и унынию, хотя по наружности и облечена в благовидность добра. Нужно это черное покрывало для иноков, чтоб закрывать ими лучи благодати, сияющие из ума их и сердца; нужно это черное покрывало для иноков, уже преуспевших, которых зрение греховности своей не может привести в безнадежие, приводит только в смирение. Так некогда носил покрывало на сияющем лице своем Боговидец Моисей. Надо признавать, — и это признание будет вполне справедливым, — надо признавать, что все мы, человеки, находимся больше или меньше в самообольщении, все обмануты, все носим обман в себе. Это — следствие нашего падения, совершившегося чрез принятие лжи за истину; так всегда падаем и ныне. Оттого в нас такая переменчивость! Утром я таков, к полудню иной, после полудня еще иной, и так далее. Оба мира действуют на меня, и подчинен обоим им, в плену у обоих их. Мир духов действует чрез помышления и сердечные ощущения; мир вещественный — чрез чувства телесные. Оба манят ко вкушению плода запрещенного. Телесными чувствами: зрению, слуху, осязанию представляется этот плод прекрасным; помысл, — слово невидимого существа — внушает, твердит: вкуси, узнай! Манит любопытством, подстрекает тщеславием. Раздается в ду-

ше нашей голос обольстителя, голос, который слышали во-первых прародители в раю; раздается голос: „будете яко бози”. Раздается и соблазняет; соблазняет и убивает. Потому-то дана человекам новая добродетель: „смирение”, дано новое внутреннее делание: „покаяние”. И делание и добродетель — подлинно странные! Они радикально противоположны тому, чрез что мы пали. Покаянием умерщвляется пагубное влияние чувств телесных; а смирением уничтожается высокоумие, тщеславие, гордость житейская, словом все, что человека, попросту сказать, с ума сводит. Как же быть? — Не должно смущаться бывающими переменами, как чем необыкновенным; не должно пускаться в тонкое разбирательство грехов, но проводить жизнь в постоянном покаянии, признавая себя грешным во всех отношениях и веруя, что милосердый Господь всякого, лишь признавшего греховность свою, приемлет в объятия Своего милосердия, в недро спасения. Это разумеется не о грехах смертных, покаяние в которых принимается Богом только тогда, когда человек оставит смертный грех. Занятия по дому и хозяйству очень полезны: удаляют от праздности и облегчают уму невидимую его борьбу. Борьба при праздности возводит в сильный подвиг, позволительный только тому, кто к нему вынужден обстоятельствами, или приведен Богом. Благоразумие требует не выходить на борьбу, превышающую силы, напротив того, по возможности облегчать ее для себя. Веруйте Всемогущему Богу, надейтесь на Него, живите терпеливо и постоянно, живите в простоте, в покаянии и смирении, предавайтесь воле Божией, когда случится сбиться с правого пути, — снова на него направляйтесь и спасетесь.

Старец Нектарий Оптинский (рис. Л. Бруни)

ВОСПОМИНАНИЯ О СТАРЦЕ ИЕРОМОНАХЕ НЕКТАРИИ

О П Т И Н А

(Вступление)

*„Бых иудеем яко иудей, да иудеи
приобрязу; подзаконным яко подзаконен,
да подзаконныя приобрязу. Беззаконным
яко беззаконен, не сый беззаконник
Богу, но законник Христу, да
приобрязу беззаконныя. Бых немощным
яко немощен, да немощные приобрязу:
всем бых вся, да всяко некия спасу”.*

Ап. Павел, 1, Кор. 9, 20-22

Русские православные люди знали Оптиную пустынь как один из очагов духовного просвещения. Оптина не имела ни св. мощей, ни особо прославленных чудотворных икон, но о ней в монашеской среде сложилась поговорка: „Хочешь опыта, иди в Оптину!”

Славой и венцом Оптиной пустыни была живая святыня ее — великие оптинские старцы, принявшие старчество, как наследие от учеников Паисия Величковского и с честью пронесшие его заветы через весь XIX и начало XX века, вплоть до последнего старца, иеромонаха Нектария, бывшего учеником старца Амвросия и скончавшегося уже за предела-

ми монастыря 12 мая (нов. ст.) 1928 г. в с. Холмищах Брянской области.

Старчество — это наиболее глубокое и проникновенное понимание подвижнического пути, основанное на святоотеческом опыте, — перенесло центр тяжести с подвига внешнего на внутреннее делание. Безупречно сохраняя все положенное церковным и монастырским уставом, и суровое пощение, и молитвенное правило, старчество покоится на искреннем отношении ученика к своему старцу. Преподобные Каллист и Игнатий указали в Добротолюбии пять признаков такого правильного отношения ученика к учителю:

Во 1-х: „веру — чистую и нелицную настоятелю и руководителю своему...”

Во 2-х: истину, т.е. чтобы истинствовать в деле и слове и в точном исповедании помыслов;

В 3-х: не творить воли своей, ибо для послушника, как говорится, творить волю свою — есть большая потеря и большой вред: ему надо всегда отсекал волю свою, и при том самоохотно, т.е. не по принуждению отца своего...

В 4-х: отнюдь не прекословить и не спорить;

В 5-х: точно и искренне все исповедовать настоятелю (руководителю) своему.

Не всякий монах или священник может быть старцем, а только тот, кто сам прошел этим путем и исполнен особой благодати.

Восстановитель старчества, существовавшего в первые века иночества и затем полузабытого, — Паисий Величковский — руководствовался писаниями св. отцов, а живого старца современника, который смог бы стать его наставником, — не нашел.

Первые оптинские старцы Леонид (в схиме Лев) и иеросхимонах Макарий — были учениками учеников Паисия — схимонахов Феодора и Афанасия, и воспитали себе достойного преемника старца иеросхимонаха Амвросия. После него старчествовали иеросхимонах Иосиф, схиигумен Варсонофий и Феодосий, и, наконец, иеросхимонах Анатолий и иеромонах Нектарий.

Помимо живого общения со старцами, Оптина пустынь давала еще богатую пищу духовной любознательности. Она славилась своей великолепной библиотекой, включавшей редчайшие издания и рукописи аскетических произведений, и архивом, где хранились письма Гоголя, братьев Киреевских и др. писателей. В настоящее время и библиотека и архив Оптиной пустыни находятся в Гос. библиотеке им Ленина.

Оптина имела и свое издательство святоотеческой литературы и материалов, связанных с деятельностью старцев (их биографий) и историей монастыря.

Целый ряд ученых монахов под руководством старцев работал над переводом святоотеческих книг. Издательство же оптинское было организовано при живейшем участии и помощи Киреевских, и до сих пор еще недостаточно изучен вопрос о связи славянофилов с Оптиной и степень влияния старца Макария на развитие идей славянофильства, но и связь Оптиной с русской религиозной мыслью XIX века. Неслучайно имена Гоголя, Достоевского, К. Леонтьева, Киреевских, А.К. Толстого, Владимира Соловьева и Флоренского встречаются среди имен многочисленных посетителей и корреспондентов старцев. Лев Толстой также не раз бывал в Оп-

тиной. Изучение русской религиозной мысли невозможно без учета того культурного фактора, каким являлась Оптина в течение всего XIX и начала XX века.

Характерной чертой оптинского старчества было не заключение его в самом себе и в узко-монашеском кругу, а широкий выход на всенародное, общественное служение. Для многих оно казалось соблазнительным новшеством, чуть ли не ересью.

Старец Леонид выдержал жестокое гонение со стороны епархиального начальства за то, что открыл свои двери не только монашествующим, но и мирянам. „Пою Богу моему дондеже есмь”, — отвечал он на такие запрещения.

Великая христианская любовь к приходящим заставляла его так поступать. Когда ему запретили принимать и грозили высылкой из Оптиной в Соловки и отдачей под начал, он ответил: „Ну так что же! Хоть и в Сибирь меня пошлите, хоть костер разведите, хоть на огонь поставьте, я буду все тот же Леонид. Я к себе никого не зову, а кто приходит ко мне, так гнать от себя не могу. Особенно в простонародии многие погибают от неразумения и нуждаются в духовной помощи. Как я могу презреть их вопиющие душевные нужды!” Еще старцу Амвросию приходилось терпеть нападки за свой подвиг старчества, и лишь при его преемниках старчество стало признанной, наиболее высокой формой монашеской жизни.

Кроме монахов и монахинь, окормляющихся духовно у старцев, около Оптиной всегда жили люди, которые очень долго или даже совсем не принимали монашества, но которые хотели строить свою жизнь по учению Христову и находили в старцах свѣих ду-

ховных руководителей. Обычно, прожив некоторое время около Оптиной, за монастырской стеной, они возвращались в „мир”, но вели переписку со своими учителями... Так долго жил в Оптиной Константин Леонтьев, один из самых сумрачных и дерзостных умов XIX века, реакционер и романтик, но в то же время пламенно верующий человек, только под конец жизни принявший монашество. Так и в последнее время существования Оптиной жили около последнего старца отца Нектария некоторые его „мирские” духовные дети. Эти люди вели дневники и записи своих бесед со старцем. Предлагаемые читателю „Воспоминания о старце иеромонахе Нектарии” – как бы свод таких записей разных лиц, разного культурного и духовного уровня. Тут воспоминания и более зрелых людей и еще младенчаствующих духовно, и людей, пришедших из самой гущи современной культуры, вовсе не знавших обычной приходской церковной жизни, для которых Оптина была первым образом православной церковности, и людей, с детства живших в церковной атмосфере. Здесь стоят рядом воспоминания детски-простодушные и воспоминания, полные преодоленного скепсиса, но все они полны глубокой любви и благодарности к почившему старцу, и задачей составителя было воссоздать по ним живой образ последнего оптинского старца, носителя высокого духа православного монашества.

СТАРЕЦ НЕКТАРИЙ ОПТИНСКИЙ

Последним оптинский старцем был иеромонах о. Нектарий. Он был учеником скитоначальника о. Анатолия Зерцалова и старца Амвросия, а впоследствии архимандрита Агапита, широкообразованного и духовноопытного монаха. Старцем он стал в 1913 году и поселился в хибарке старца Амвросия у скитских ворот. В период его старчества в Оптиной были еще старцы Варсонофий, а позже о. Анатолий, скончавшийся за год до закрытия Оптиной, летом 1922 года.

Батюшка Анатолий был необыкновенно прост и благостен. Всякий, подходящий к нему, испытывал счастье попасть как бы под золотой благодатный дождь. Само приближение человека к этому старцу уже как бы давало ему чудесную возможность очищения и утешения.

Батюшка Нектарий был строже, проникновеннее и своеобразнее. Он испытывал сердца проходящих к нему и давал не столько утешение, сколько путь подвига, он смирял и ставил человека перед духовными трудностями, не боясь и не жалея его малой человеческой жалостью, потому что верил в достоинство и разумение души и в великую силу Благодати, помогающей ищущему Правды. Основными чертами батюшки Нектария были смирение и мудрость, и свет его был как светлый меч, рассекающий душу. К каждому человеку он подходил лично, индивидуально, с особой мерой и говорил: „Нельзя требовать от мухи, чтобы она делала дело пчелы. Каждому человеку надо давать по его мерке, нельзя всем одинаково”.

Внешне старец был невысок, с лицом округлым;

длинные редкие пряди полуседых волос выбивались из-под высокой шапочки; в руках гранатовые четки. Исповедуя, он надевал старенькую красную бархатную эпитрахиль с истертыми галунными крестами. Глаза разные и небольшие. Лицо его как бы не имело возраста — то древнее, суровое, словно тысячетелнее, то молодое, по живости и выразительности мысли, то младенческое по чистоте и покою. Еще лет за шесть до смерти, несмотря на преклонный возраст, ходил он легкой, скользкой походкой, как бы мало касаясь земли. Позже он передвигался с трудом, ноги распухали, как бревна, сочились сукровицей. Это сказались многолетние стояния на молитве.

К концу жизни лицо его утратило отблеск молодости, который так долго еще покоился на нем, и вернулся к нему лишь во время предсмертной болезни. Если в эти последние годы лицо его светлело, то только каким-то вневременным светом. Старец очень одряхлел, ослабел, часто засыпал среди разговора, но еще чаще он погружался в глубокую умную молитву, как бы выходя из мира, и, возвращаясь к нам, был полон особой силы духа и просветленности. Вся жизнь старца от младенчества до смертного часа была отмечена Божьим промыслом.

Он родился в Ельце в 1857 или 1858 г. у бедных родителей, Василия и Елены Тихоновых. Крещен в Елецкой церкви преп. Сергия, при крещении назван был Николаем, крестных звали Николай и Матрона. О них и о родителях своих он всегда молился. Отец был рабочим на мельнице, скончался он тогда, когда сыну исполнилось семь лет. Мальчик был умным и

любопытным, но учиться ему пришлось только в сельской школе — помешала нужда.

Из раннего детства известен только один случай: однажды он играл около матери, а рядом сидела кошка, и глаза у нее ярко светились. Мальчик схватил иголку и вздумал проколоть глаз животного, чтобы посмотреть, что там светится, но мать ударила его по руке: „Ах ты! Вот так выколешь глаз кошке, сам потом без глазу останешься!“

Через много лет, уже монахом, старец припомнил этот случай. Он пошел к скитскому колодцу, где был подвешен ковш с заостренной рукояткой. Другой монах, не заметив батюшки, поднял ковш так, что острие пришлось прямо против батюшкиного глаза, и лишь в последнее мгновение старцу удалось оттолкнуть острие. „Если бы я тогда кошке выколол глаз, и я был бы сейчас без глаза, — говорил он, — видно, всему этому надо было быть, чтобы напомнить моему недостоинству, как все в жизни от колыбели до могилы находится у Бога на самом строгом учете“.

С матерью у Николая была глубокая душевная близость. Она была строга с ним, но больше действовала кротостью и умела тронуть его сердце. Одинадцати лет устроили Николая в лавку купца Хамова и там к 17 годам он дослужился до младшего приказчика. Вырастал юноша тихим, богомольным, любящим чтение. Лицом он был очень красив с румянцем нежным, как у девушки, с русыми кудрями. Так рассказывали старейшие оптинцы, помнившие его в молодости. Как стукнуло ему 18 лет, старший приказчик Хамова вздумал женить его на

своей дочери и хозяин этому сочувствовал. Девушка была очень хороша и Николаю по сердцу.

Даже через десятки лет, вспоминая свою нареченную невесту, батюшка растроганно улыбался, а одной монашенке, которую он очень ласково принимал, говорил: „Ты мне мою давнишнюю невесту напоминаешь”.

В то время в Ельце была благочестивая старица, тогда уже почти столетняя — схимница Феоктиса, духовная дочь св. Тихона Задонского. К ней елецкие горожане ходили на совет. И хозяин посоветовал Николаю пойти к ней благословиться на брак. А схимница, когда он пришел, сказала ему: „Юноша, пойди в Оптину к Иллариону, он тебе скажет, что делать”. Перекрестила его и дала ему на дорогу чаю. Тот поцеловал ей руку и пошел к хозяину — так и так, посылает меня матушка Феоктиса в Оптину. Хозяин — ничего, даже денег ему дал на дорогу. Простился Николай с невестой и ушел, и больше никогда в жизни им не пришлось увидеться.

Когда он подошел к Оптиной было лето, а летом кругом Оптиной красота несказанная. Все луга в цветах, среди лугов серебряная Жиздра, над нею ивы и дубы, а дальше, на том берегу, — сады монастырские и огромный Оптинский мачтовый лес. Монастырь белой стеной опоясан, по углам башни, а на каждой башне флюгер золотой — ангел с трубой.

Пошел Николай в скит, народу множество, все к великому старцу иеросхимонаху Амвросию, и думает: „Какая красота здесь, Господи! Солнышко ведь тут с самой зари, и какие цветы! — словно в раю!” — так вспоминал старец о своем первом впечатлении от Оптиной.

А как найти Иллариона, не знает, и не знает даже,

кто такой Илларион. Спросил он одного монаха. А тот улыбнулся на простоту его и говорит: „Хорошо, покажу тебе Иллариона, только уж не знаю, тот ли это, кто нужен тебе”. И привел его к скитоначальнику Иллариону. Рассказал ему Николай о матушке Феоктисе, просил решения своей судьбы, а тот говорит: „Сам я ничего не могу сказать тебе, а пойдешь ты к батюшке Амвросию, и что он тебе скажет, так и делай”.

В то время народу к старцу Амвросию шло столько, что приема у него ждали неделями, но Николая старец принял сразу же и говорил с ним два часа. О чем была эта беседа, старец о Нектарий никому не открывал, но после нее Николай навсегда остался в скиту, и домой уже не возвращался ни на один день.

Увидев однажды в руках у посетителя книгу „Жизнеописание старца Иллариона”, батюшка сказал: „Я ему всем обязан. Он меня принял в скит 50 лет тому назад, когда я пришел, не имея где главу приклонить. Круглый сирота, совершенно нищий, а братия тогда вся была — много образованных. И вот я был самым что ни есть последним”. Батюшка показал рукой от пола аршина полтора, чтобы сделать наглядным свое тогдашнее убожество и ничтожество... „А старец Илларион тогда уже проходил и знал путь земной и путь небесный. Путь земной — это просто, а путь небесный...”, — и батюшка не договаривал.

Первое послушание, которое ему дали в Оптиной, было ходить за цветами, которые так ему понравились, а потом назначено ему было пономарить. На этом послушании он часто опаздывал в церковь и ходил с красными опухшими, словно заспанными, глазами. Братия жаловалась на него старцу Амвро-

сию, а тот отвечал, как было у него в обычае, в рифму: „Подождите, Николка проспится, всем пригодится”.

Стал он духовным сыном о. Анатолия Зерцалова, впоследствии скитоначальника, а на совет ходил к батюшке Амвросию. В „Жизнеописании в Бозе почившего старца иеросхимонаха Амвросия”, составленном архим. Агапитом, приводятся воспоминания батюшки Нектария: „В скит я поступил в 1876 г. Через год после сего батюшка о. Амвросий благословил меня обращаться, как к духовному отцу, к начальнику скита, иеромонаху Анатолию, что продолжалось до самой кончины последнего в 1894 г. К старцу же Амвросию я обращался лишь в редких, исключительных случаях. При всем этом я питал к нему великую любовь и веру. Бывало, придешь к нему, и он после нескольких слов моих обнаружит всю мою сердечную глубину, разрешит все недоумения, умиротворит и утешит. Попечительность и любовь ко мне недостойному со стороны старцев нередко изумляли меня, ибо я сознавал, что их недостойн. На вопрос мой об этом духовный отец мой, иеромонах Анатолий, отвечал, что причиной сему — моя вера и любовь к старцу, и что если он относится и к другим не с такой любовью, как ко мне, то это происходит от недостатка в них веры и любви к старцу: как человек относится к старцу, так точно и сам старец относится к нему”. Дальше батюшка Нектарий вспоминает: „К сожалению были среди братства некоторые, порицающие старца. Приходилось мне иногда выслушивать дерзкие и бессмысленные речи таких людей, хотя и я всегда старался защищать старца. Помню, что после одного из подобных разговоров явился мне во сне духовный

отец мой иеромонах Анатолий и громко сказал: „Никто не имеет права обсуждать поступки старца, руководясь своим недомыслием и дерзостью. Старец за свои действия даст отчет Богу. Значения их мы не постигаем”.

Так о. Нектарию объяснили духовные отцы и учителя высокое значение и духовные законы старчества.

И о. Амвросий и о. Анатолий вели его строго истинным монашеским путем. Батюшка Нектарий так рассказывал о том старческом окормлении, что он получил: „Вот некоторые ропщут на старца, что он в положение не входит, не принимает, а не обернутся на себя и не подумают: „А не грешны ли мы? Может быть, старец потому меня не принимает, что ждет моего покаяния и испытывает?” Вот я, грешный, о себе скажу. Бывало, я к батюшке Амвросию, а тот мне: „Ты чего без дела ходишь? Сидел бы в своей келье да молился!” Больно мне станет, но не ропщу, а иду к духовному отцу своему батюшке Анатолию. А тот грозно встречает меня: „Ты чего без дела шатаешься? Празднословить пришел?” Так и уйду я в келию. А там у меня большой во весь рост образ Спасителя; бывало, упаду я перед Ним и всю ночь плачу: „Господи, какой же я великий грешник, если и старцы меня не принимают!”

Однажды старца спросили, не возмущался ли он против своих учителей. Тот отвечал: „Нет! Мне это и в голову не могло придти. Только раз провинился в чем-то и прислали меня к старцу Амвросию на вразумление. А у того палочка была. Как провинишься, он и побьет (не так, как я вас!) . А я, конечно, не хочу, чтобы меня били. Как увидел, что ста-

рец за палочку берется, я бежать... а потом прощения просил”.

Про отца Анатолия Зерцалова старец говорил: „Я к нему 20 лет относился и был самым последним сыном и плохим учеником, о чем и сейчас плачу”. И обращаясь к посетительнице, прибавил: „Так вот, матушка, если хочешь быть монашенкой, так и считай себя последней дочерью и плохой ученицей. Нужно всегда думать о себе, что находишься в новоначалии”.

Та же монахиня рассказывает: однажды старец спросил ее: „Что же, матушка, благоденствуешь?” — „Очень хорошо, батюшка”, — по простоте ответила она. — „Хорошо!” — повторил он. Потом ушел к себе и через несколько времени вернулся суровый, сердитый. Она его спрашивает о житейском, о доме, о разных вопросах, что тут решить надо, а он молчит. Потом сказал, направляя к другому духовнику: „А ко мне и не ходите! Отказываюсь я от вас!” Она — плакать, а он не глядит. Других батюшка принимает, а с ней и не занимается. Отчаянные помыслы пошли у нее. Тогда он взял ее за руку и подвел к угольнику: „Говори, хочешь в Царство Небесное?” — и так сурово, только что не кулаком толкает. Та молчит. „Говори, хочешь?” Та, сквозь слезы: „Хочу!” — „Ну вот, лучшего и не ожидай. Я другой дороги туда не знаю. А если ты хочешь, то поищи сама”, — и опять ушел. А у нее от скорби все в голове мутится. Тогда он словно смягчился немного и дал в книжке прочесть жизнеописание двух саровских старцев, одного очень сурового, а другого мягкого, и как новоначальных суровый больше посылал к мягкому, а то они его суровости не выдерживали и отпадали.

Так сурово воспитывали батюшку Нектария его старцы и так же вел он ближайших своих учеников, но не натягивая тетиву, а временами давал как бы отдых, чтобы силы не перенапрягались. Он сказал своей одной ученице: „Уверяю тебя, что у нас будут экзамены и маневры, а после экзаменов у нас духовная радость будет”. А та возражала: „Батюшка, я же взрослая, какие у меня будут экзамены?” Батюшка улыбнулся: „Нет, нет! Обязательно у нас будут экзамены и переэкзаменовки”.

Послушанию старец придавал величайшее значение. „Самая высшая и первая добродетель — послушание. Это самое главное приобретение для человека. Христос ради послушания пришел в мир, и жизнь человека на земле — есть послушание Богу. В послушании нужно разумение и достоинство, иначе может выйти большая поломка жизни. Без послушания человека охватывает порыв и как бы жар, а потом бывает расслабление, охлаждение и окоченение, и человек не может двинуться дальше. А в послушании сначала трудно — все время точка и запятая, а потом сглаживаются все препинания”.

„Нашим прародителям дано было обетование, которое они ждали от Каина. Каин был первенец, но предпочтение они оказывали Авелю, потому что он был кроток, смирен и послушлив, а Каин был первенец, но был жесток, груб и творил свою волю. Ему было досадно, что Авелю отдают предпочтение, и он омрачился и опустил лицо свое. А Господь сказал ему: „Каин, грех лежит у порога. Властвуй над ним, а то он обратится и сокрушит тебя”. А он не вник, не послушался Бога — грех лежал у порога сердца его, а он не вник и посмотрел на порог дома — видит, там никто не лежит, он и не стал об

этом думать, а пошел, убил брата своего, отказался от послушания Богу и попал в послушание греху. А уж как он мучился потом! Господи! Он всегда бежал отовсюду и всего боялся и трясся”.

Так старец в образной форме учил разумению и внимательности в послушании. Он указывал, что нельзя принимать духовных указаний буквально и поверхностно, ограничиваясь внешним: надо смотреть на порог дома, но главным образом, на порог своего сердца.

Приводя какой-нибудь текст или пример из Св. Писания, он обычно говорил и о прямом, буквальном, и об иносказательном его значении. Например: „Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых”. Со стороны внешней это значит, что ублажается человек, избегающий нечестивых собраний, не принимающий участия в еретических или антицерковных учениях, но мужем называется и ум, когда он не принимает приходящих от врага помыслов. Запретить приходить помыслам нельзя, но можно не вступать с ними в совещание, в разговоры, а вместо этого говорить: „Господи помилуй!” Вот поступающий таким образом и называется мужем.

Назначая какое-нибудь послушание, он с величайшей точностью и заботливостью разъяснял его, указывал, как лучше исполнить, соразмерял с силами человека, но, раз назначив, требовал исполнения неукоснительного и безотлагательного. Однажды он послал одну свою духовную дочь с поручением. Она задержалась в хибарке, с кем-то разговаривая. Старец вышел и сказал: „Две минуты прошло, а ты еще здесь”.

Поступив в скит в 1876 г., батюшка Нектарий по-

лучил мантию в 1887 г. Было это для него великой радостью. Он вспоминал в старости: „Целый год после этого я словно крылышки за плечами чувствовал”. О постриге он говорил одной монастырской послушнице: „Когда ты поступила в монастырь, ты давала обещание Господу и Господь все принял и записал все твои обещания. И ты получила монашество. А это только обряд монастырский. И когда ты будешь жить по-монашески, то все получишь в будущей жизни, а когда ты получишь мантию, а жить по-монашески не будешь, с тебя в будущей жизни ее снимут”. Мать А., слушавшая это поучение, говорит батюшке: „Я очень плохо живу”. А он в ответ: „Когда учатся хоть какому искусству, то всегда сначала портят, а потом уж начинают делать хорошо. Ты скорбишь, что у тебя ничего не выходит. Так вот, матушка, когда Господь сподобит тебя ангельского образа, тогда благодать тебя во всем укрепит”. Мать А. возражает: „Батюшка, ведь вы только что говорили, что не нужно стараться стремиться к мантии?” – „Матушка, таков духовный закон: не нужно ни проситься, ни отказываться”.

Монашество ставил он высоко. Оптинскому послушнику о. Я. он говорил: „У тебя три страха: 1. страх – отречения от монашества бояться; 2. страх – начальства бояться; 3. страх – молодости своей бояться. Какого же страха надо тебе больше всего бояться? – Я тебе заповедаю монашество больше всего хранить. Если тебе револьвер приставят – и то от монашества не отрекайся”.

В 1894 г. о. Нектарий был посвящен в иеродиаконны, а в 1898 г. рукоположен калужским архиереем

преосвященным Макарием (или Григорием) в иеромонахи.

О своем рукоположении он рассказывал Н.Н.: „Когда меня посвящал в иеромонахи наш благостнейший владыка Макарий, то он, святительским своим оком прозревая мое духовное неустройство, сказал мне по рукоположении моем краткое и сильное слово и настолько сильно было слово это, что я до сих пор помню — сколько уже лет прошло, и до конца дней моих не забуду. И много ли всего-то он и сказал мне! Подозвал к себе в алтарь, да и говорит: „Нектарий! Когда ты будешь скорбен и уныл и когда найдет на тебя искушение тяжкое, ты только одно тверди: „Господи, пощади, спаси и помилуй раба Твоего — иеромонаха Нектария”. Только всего ведь сказал владыка, но слово его спасло меня раз и доселе спасает, ибо оно было сказано со властью”.

От какой беды спасло его это слово, осталось сокровенным, но о нескольких искушениях своих старец однажды рассказал.

Одно было в первые годы его послушничества. В молодости у него был прекрасный голос, а музыкальный слух оставался и в старости. В те первые годы своего жительствова в Оптиной он пел в скитской церкви на правом клиросе и даже должен был петь „Разбойника благоразумного”. Но в скиту был обычай: раз в год, как раз в Великом посту, приходил в скит монастырский регент и отбирал лучшие голоса для монастырского хора. Брату Николаю тоже грозил переход из скита в монастырь, а этого ему не хотелось. Но и петь „Разбойника” было утешительно и лестно. И все же он в присутствии регента стал немилосердно фальшивить, настолько,

что его перевели на левый клирос, и конечно, больше вопрос о его переводе не подымался.

Второе искушение обуяло его, когда он был уже иеромонахом и полузатворником. Получив мантию, он почти совсем перестал выходить из своей кельи, не говоря уже об ограде скита. Даже были годы, когда окна в его келии были заклеены синей сахарной бумагой. Сам он любил повторять, что для монаха есть только два выхода из кельи — в храм и в могилу. Но в эти же годы он учился и читал. Читал он не только святоотеческую и духовную литературу, но и научную, занимался математикой, историей, географией, русской и иностранной классической литературой. Говорил он с посетителями о Пушкине и Шекспире, Мильтоне и Крылове, Шпенглере и Хаггарте, Блоке, Данте, Толстом и Достоевском.

А в единственный час отдыха своего после обеда он просил читать ему вслух Пушкина или какие-нибудь народные сказки — русские или братьев Гримм.

Изучал языки, латынь и французский (по-французски он даже говорил, познакомившись с одним французом, принявшим в Оптиной православие, по-латыни он часто цитировал); был близок с Константином Леонтьевым; тот, живя в Оптиной, читал ему в рукописи свои произведения. У академика Болотова, принявшего монашество, он учился живописи, и до последних дней своей жизни следил за ней, интересовался новейшими течениями в искусстве и делал эскизы икон, например эскиз „Благовещения” он сделал в последний год своей жизни в Оптиной. Эту огромную, образовательную работу, которая впоследствии дала ему, кончившему толь-

ко сельскую школу, такие широкие и разносторонние познания, что он легко говорил с профессорами и писателями на темы общекультурные и специальные, а не только духовные, — он сочетал с молитвенным подвигом, полузатвором. И вот, в тиши и одиночестве своей кельи, когда книги раскрывали перед ним всю широту и многообразие мира, он страстно захотел путешествовать, чтобы своими глазами увидеть все, о чем читал.

А в Оптину пришло из св. Синода предписание откомандировать одного иеромонаха во флот на корабль, назначенный на кругосветное плавание, и отец архимандрит предложил это назначение иеромонаху Нектарию. Тот так обрадовался и взволновался, что придя от архимандрита стал собирать вещи, впервые забыв, что в Оптиной ничего не делается без благословения старца. Только через некоторое время он опомнился и пошел благословляться, но старец о. Иосиф не благословил его на это путешествие, и он смирился.

Третье искушение было в 18-м году, когда сам о. Нектарий был старцем. Свое старчество он нес с душевной тяготой, он не хотел и не искал его. Теперь же трудности этого положения неизмеримо возросли. И он захотел уйти из Оптиной странником. Но здесь собственное духовное рассуждение помогло ему побороть это желание. Он остался. Уже после закрытия Оптиной, еще более тяготясь своим старчеством, в глубокой душевной борьбе он хотел отказаться от духовного руководства и кончить жизнь без всякого общественного служения, только молясь и спасая свою душу, но тут явились ему во сне Оптинские почившие старцы и сказали: „Если хочешь быть с нами, не оставляй чад сво-

их”, — и до смертного своего часа старец Нектарий не оставлял своих духовных детей.

В эти же годы учения и духовного возрастания старец начал юродствовать. Он носил цветные кофты сверх подрясника, сливал в один котелок все кушанья, подаваемые из трапезной, — и кислое, и сладкое, и соленое; ходил по скиту — валенок на одной ноге, башмак — на другой. Еще более смущал он монахов не только в это время, но и в период своего старчества, своими игрушками. У него были игрушечные автомобили, пароходики, поезда и, наконец, самолеты. По игрушкам он составлял себе представление о современной технике. Еще были у него музыкальные ящики и он даже завел граммофон с духовными пластинками, но скитское начальство не позволило. Для него характерен был этот интерес к общему течению жизни. До последнего года своей жизни он знакомился с современной литературой, прося привозить ему книжные новинки, расспрашивая о постановке образования в школах и в вузах, знал обо всем, что интересовало интеллигенцию. Но все это знание нужно ему было для его служения Богу и людям. Он рассказывал, как однажды, еще до революции, пришли к нему семинаристы со своими преподавателями и попросили сказать им слово на пользу. „Юноши! — обратился он к ним. — Если вы будете жить и учиться так, чтобы ваша научность не портила нравственности, а нравственность научности, то получится полный успех вашей жизни”.

Как-то одна его духовная дочь горестно говорила своей подруге в батюшкиной приемной: „Не знаю, может быть, образование совсем не нужно, и от этого только вред. Как это совместить с православи-

ем?” Старец возразил, выходя из своей кельи: „Когда мне однажды пришел человек, который никак не мог поверить в то, что был потоп. Тогда я рассказал ему, что на самых высоких горах в песке находятся раковины и другие остатки морского дна и как геология свидетельствует о потопе, и он уразумел. Видишь, как нужна иногда научность”. Часто он повторял: „Я к научности приникаю”. Об истории он говорил: „Она показывает нам, как Бог руководит народами, и дает как бы нравственные уроки вселенной”. Говоря о математике, он любил спрашивать, может ли быть треугольник равен кругу, и часто приводил святоотеческий пример: „Бог — центр круга, люди — радиусы. При приближении к центру они сближаются между собой”.

О внешнем делании он говорил: „Внешнее принадлежит вам, а внутреннее — благодати Божией. А потому делайте, делайте внешнее, и когда оно все будет в исправности, то и внутреннее образуется. Не надо ждать или искать чудес. У нас одно чудо: Божественная Литургия. Это величайшее чудо, к нему нужно приникать”.

Он учил внимательности в мысли: „Перестаньте думать, начинайте мыслить”. Думать — это расплываться мыслью, не иметь целенаправленности. „Отбросьте думанье, займитесь мышлением. Была „дума”, которая думала, а не мыслила государственно — Наполеон думал, а Кутузов мыслил. Мысли выше дум”.

О жизни он говорил: „Жизнь определяется в трех смыслах: мера, время, вес. Самое доброе, прекрасное дело, если оно выше меры, не будет иметь смысла. Ты приникаешь к математике, тебе дано

чувствовать меры. Помни эти три смысла. Ими определяется вся жизнь”.

Он рассказывал, что в молодости много наблюдал жизнь насекомых и животных. Однажды старец сказал: „Бог не только разрешает, но и требует от человека, чтобы тот возрастал в познании. В Божественном творчестве нет остановки, все движется, ангелы не пребывают в одном чине, но восходят со ступени на ступень, получая новые откровения. И хотя бы человек учился сто лет, он должен идти к новым и новым познаниям... И ты работай. В работе незаметно пройдут годы”. В то время лицо его было необыкновенно светлым, таким, что трудно было смотреть на него.

В другой раз он сказал: „Одному пророку было явление Божие не в светлом окружении, а в треугольнике. И это было знамением того, что к неисследимой глубине Божией человек не может приближаться и испытывать ее. Человеку позволено испытывать окружение Божества, но если он дерзнет проникнуть за черту, он гибнет от острия треугольника”.

Говорил старец и об искусстве и литературе. „Заниматься искусством можно, как всяким делом, как столярничать или коров пасти, но все это надо делать как бы перед взором Божиим. Есть большое искусство и малое. Вот малое бывает так: есть звуки и свет. Художник — это человек, могущий воспринимать эти, другим невидимые и неслышимые, звуки и свет. Он берет их и кладет на холст, бумагу. Получаются краски, ноты, слова. Звуки и свет как бы убиваются. От света остается цвет. Книга, картина — это гробница света и звука. Приходит читатель или зритель, и если он сумеет

творчески взглянуть, прочесть, то происходит „воскрешение смысла”. И тогда круг искусства завершается. Перед душой зрителя и читателя вспыхивает свет, его слуху делается доступен звук. Поэтому художнику или поэту нечем особенно гордиться. Он делает только свою часть работы. Напрасно он мнит себя творцом своих произведений — один есть Творец, а люди только делают, что убивают слова и образы Творца, а затем от Него полученной силой духа оживляют их. Но есть и большое искусство — слово убивающее и воскрешающее (псалмы Давида, например), но путь к этому искусству лежит через личный подвиг художника, это путь жертвы и один из многих тысяч доходит до цели.

„Все стихи в мире не стоят одной строчки Священного Писания”. „Пушкин был умнейший человек в России, а собственную жизнь не сумел прожить!”

Старец любил цитировать „Гамлета”: „Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам”.

Один писатель спрашивает у старца, как он считает, можно ли напечатать стихотворение, направленное против монастыря. „Печатайте! Вот Мильтон писал страшные вещи и, можно сказать, ужасные, а все вместе — хорошо. Всегда надо творчество брать в целом”.

Он говорил о необходимости для писателя продумывать каждое слово: „Прежде, чем начинать писать, обмакните перо семь раз в чернильницу”.

Признавая значение театра как средства народного воспитания, советуя артистам соблюдать в игре соразмерность, он однажды не благословил идти на сцену одну девушку, мечтавшую об этом. Когда

спросили его, почему он не благословляет, он ответил: „Она не осилит и развратится. Здесь сила нужна. Застенчивость — это по нынешним временам большое достоинство. Это не что иное, как целомудрие. Если сохранить целомудрие (а у вас — интеллигенции — легче всего его потерять) — это все сохранить!”

Живопись, к которой он сам имел способности, была ему особенно близка: „Теперь нет большого живописного искусства. Раньше художник готовился к писанию картин и в душе и внешне. Прежде, чем сесть за работу, он все приготавливал: и холст, и краски, а картину свою писал не несколько дней, а годы, иногда всю жизнь, как Иванов свое „Явление Христа народу”. И создавались великие произведения. А сейчас — сядет работать, а кисти подходящей нет, или краски надо бежать доставать, от работы отрывается. Даже внешне не соберет себя. И пишет все второпях, не продумав, не прочувствовав...”

Однажды старец заметил: „А когда пишешь ангела, нужно чтобы свет не на него падал, а из него струился”.

Старцу очень хотелось, чтобы была создана картина Рождества Христова. „Надо, чтобы мир вспомнил об этом. Ведь это только раз было! Пастухи в коротких, изодранных по краям одеждах стоят лицом к свету, спиной к зрителям. А свет не белый, а слегка золотистый, без всяких теней, и не лучами или снопами, а сплошь, только на самом дальнем краю картины светлый полумрак, чтобы показать, что это ночь. Свет весь из ангельских очертаний, нежных, едва уловимых, и чтобы ясно было, что это красота неземная — небесная, чтобы нечеловеческое это было!” — прибавил батюшка с особой силой.

Одной девушке он сказал: „Почему пастухи видели в эту ночь ангелов? Потому что они бодрствовали”.

Однажды старцу показали прекрасную икону Преображения Господня, где яркость фаворского света достигалась контрастом с черными, узловатыми деревьями на переднем плане. Старец велел их стереть, говоря, что там, где фаворский свет, не остается никакой черноты. Рассказывая о нем, он показывал: „Когда загорается этот свет, каждая трещинка на столе светится, а там, где тени, — только более слабый свет”.

Все замечания эти были плодом внутреннего духовного опыта о. Нектария. Сейчас, неся служение старца, он делился с людьми своими знаниями. Но переход из уединенной кельи к общественному служению дался ему нелегко. В 1913 г. по настоянию о. Венедикта, настоятеля Боровского монастыря и благочинного монастырей, Оптинские братья собрались, чтобы избрать старца. Сначала старчество предложили архимандриту о. Агапиту, жившему в Оптиной на покое. Это был человек обширных познаний и высокого духа, автор лучшего жизнеописания старца Амвросия, но решительно уклонявшийся и от архиерейства, не раз ему предлагаемого; от старчества он отказался наотрез. Он спасался, имея лишь несколько близких учеников; одним из них был иеромонах Нектарий. Когда братия стала просить его указать им достойного, он назвал о. Нектария. Тот, по смирению своему, и на соборе братии не присутствовал. Когда его избрали, послали за ним о. Аверкия. Тот приходит и говорит: „Батюшка, вас просят на собрание”. А батюшка Нектарий отказывается: „Они там и без меня выберут кого на-

до”. — „Отец архимандрит послал меня за вами и просит прийти!” — говорит о. Аверкий. Тогда батюшка сразу же надел рясу и как был — одна нога в туфле, другая в валенке — пошел на собрание.

„Батюшка, вас избрали духовником нашей обители и старцем”, — встречают его. „Нет, отцы и братия! Я скудоумен и такой тяготы понести не могу”, — отказывался батюшка. Но о. архимандрит сказал ему: „О. Нектарий, прими послушание”. И тогда батюшка согласился.

О. Венедикт поддержал выбор, но когда о. Нектарий стал уже старцем и поселился в хибарке старца Амвросия, решили испытать его. Приехав в монастырь, он послал сказать ему, что требует его к себе. А батюшка Нектарий нейдет: „Я столько лет в скиту живу и никуда не выхожу, и идти не способен”. Тогда о. Венедикт посылает вторично и велит сказать: „Благочинный монастырей требует тебя к себе”. Тут батюшка сразу пришел в монастырь и поклонился о. Венедикту в ноги, а тот смеется и говорит: „Я благочинный и тебе в ноги кланяться не стану, а до земли поклонюсь”. Потом они стали дружески беседовать.

Но всегда старец говорил о себе: „Ну какой я старец. Как могу я быть наследником прежних старцев! Я слаб и немощен. У них благодать была целыми караваями, а у меня ломтик”.

Вспоминая старца Амвросия, говорил: „Это был небесный человек и земной ангел, а я едва лишь поддерживаю силу старчества”. С тонким юмором он говорил: „Я — мравий и ползаю по земле, и вижу все выбоины и ямы, а братия очень высока — до облак подымается”. „О лениве, пойдти ко мравию и поревнуй его питию!” — это сказал не светский пи-

сатель, а в церкви читается. Паремии слышали? А кто мы такие — батюшка Анатолий и мы — только мравии. И вы к нам пришли. А вот Крылов — наш петроградский библиотекарь, про мравия писал, как к нему стрекоза пришла. Вы знаете?” И батюшка начинает улыбаться, рассказывает конец басни. Однако тут же обращается к образам, творит краткую молитву и отпускает посетителя: „Вы еще только подходите к первой ступеньке, не поднимались, а только подходите. А еще надо пройти сквозь дверь, и никакими усилиями невозможно в нее войти, если не будет милости Божией. А потому первым делом надо спросить: „Милосердия двери, Господи, отверзи ми”. Все спрашивается молитвой! Адам в раю. Заповедь „возделывай и храни” — о молитве. А Адам беспечно только созерцал красоту. Он не благодарил Бога”.

Смирение, любовь к ближним и покаяние считал он важнейшим в духовном пути. „Положение Иова — закон для всякого человека. Пока богат, знатен, в благополучии, Бог не откликается. Когда человек на гноище, всеми отверженный, тогда является Бог и Сам беседует с человеком, а человек только слушает и взывает: „Господи, помилуй!” Только мера унижения разная”.

Главное, остерегайтесь осуждения близких. Как только придет в голову осуждение, так сейчас же со вниманием обратитесь: „Господи, даруй ми зрети моя согрешения и не осуждати брата моего”.

С умилением старец говорил: „У меня плохо, зато у Благодати хорошо. Тем только и утешаюсь, что у Благодати хорошо. А как дивно хорошо! Когда посмотрю на себя и вижу, что у меня плохо, а у брата хорошо, то и это меня утешает. У меня

плохо, сознаюсь. Но у Благодати хорошо и у брата хорошо. А я с братом одной веры. И „хорошо” брата и на меня переходит в благодати, не мое „хорошо”, а брата”. Здесь поразительны слова об одной вере с братом, ибо это единство веры создает как бы среду для действия благодати.

Старец много предостерегал приходящих к нему против уклонений от православия, против „живой церкви” и ложных мистических течений. О „живой церкви” он высказывался решительно: „Там благодати нет. Восстав на законного патриарха Тихона, живоцерковные епископы и священники сами лишили себя благодати и потеряли, согласно каноническим правилам, свой сан, а потому и совершаемая ими литургия — кощунствование”. Своим духовным детям старец запрещал входить в захваченные живоцерковниками церкви; если же в тех церквях находились чудотворные иконы, например, Иверская, то заповедал, входя в храм, идти прямо к ней, ни мыслью, ни движением не участвуя в совершаемом там богослужении, и свечи к иконе приносить из дому или из православной церкви.

Но говорил: если живоцерковники покаются, в церковное общение их принимать. О мистике же говорил: „Мистика — это многоцветная радуга. Один конец ее упирается в море, другой в землю, а сама она дугой. Ученые мистики говорят, что мы упираемся в землю, а там — одна грязь, а у них остается море — высокая область... Что поняли! — спросил он слушателей. Образ моря в святоотеческой литературе — это образ неверного, колеблемого, обуреваемого.

Особенно боролся старец с увлечением спиритизмом. „Люди ученые часто увлекаются спиритически-

ми учениями, искренне думая, что этим путем можно найти спасение. Ан — нет! Вот отсюда-то и протекают болезни”.

Быков, бывший когда-то видным спиритом, описал в книге своей „Тихие приюты” свое посещение старца Нектария и привел слова старца о спиритизме: „О, какая это пагубная, какая это ужасная вещь! Под прикрытием великого христианского учения и через своих слуг бесов, которые появляются на спиритических сеансах незаметно для человека, он — сатана — сатанинской лестью древнего змия заводит человека в такие ухабы, такие дебри, из которых нет ни возможности, ни сил выйти самому, ни даже распознать, что ты находишься в таковых. Он овладевает сердцем, через это Богом проклятое деяние, человеческим умом и сердцем настолько, что то, что кажется неповрежденному уму грехом, преступлением, то для человека, отравленного ядом спиритизма, кажется нормальным, естественным. У спиритов „появляется страшная гордыня и часто сатанинская озлобленность на всех, противоречащих им...”. И таким образом, последовательно, сам того не замечая — уж очень тонко (нигде так тонко не действует сатана, как в спиритизме) — отходит человек от Бога, от церкви, хотя, заметьте! — в то же время дух тьмы настойчиво через своих духов посылает запутываемого человека в храмы Божии служить панихиды, молебны, читать акафисты, общаться св. Таин и в то же время понемножку вкладывает в его голову мысли, что все это ты мог бы сделать и сам, в домашней обстановке и с большим усердием, с большим благоговением...

И по мере того, как не вдумывающийся человек все больше и больше опускается в бездну своих па-

дений, все больше запутывается в сложных изворотах и лабиринтах духа тьмы, от него начинает отходить Господь. Он утрачивает Божие благословение. Если бы он был еще неповрежденным сатанюю, он бы прибег за помощью к Богу и святым угодникам, к Царице Небесной, к св. Апостольской церкви, к священнослужителям, и те помогли бы ему своими св. молитвами, а он со своими скорбями идет к тем же духам, к бесам, а они еще больше втягивают его в засасывающую тину греха и проклятия. Наконец, от человека совершенно отходит Божие благословение, у него начинается необычайный, ничем внешним не вызванный развал семьи... от него отходят самые близкие, самые дорогие люди...”

„Наконец, когда дойдет несчастная человеческая душа до самой последней ступени своего, с помощью сатаны, самозапутывания, она или теряет рассудок — человек становится неменяемым в самом точном смысле этого слова, или кончает с собой. И хотя и говорят спириты, что среди них самоубийства редки, но это неправда. Самый первый вызыватель духов — царь Саул — окончил жизнь самоубийством за то, что он не принимал слова Господня и обратился к волшебнице”.

Эти мудрые слова старца Нектария могут быть обращены ко многим ложным мистическим учениям, так же запутывающим душу видимостью общения с духовными мирами (например, теософия). О других христианских вероисповеданиях старец говорил так: „Премудрость создала себе дом на 7-ми столпах. Эти 7 столпов имеет православие. Но у св. Премудрости Божией есть и другие дома, там может быть шесть и менее столпов и соответственно этому различные ступени благодатности”. Он гово-

рил: „В последние времена мир будет опоясан железом и бумагой. Во дни Ноя было так: поток приближался. О нем знал Ной и говорил людям, а те не верили. Он нанял рабочих строить ковчег, и они, строя ковчег, не верили, и потому за работу свою они лишь получили условленную плату, но не спаслись. Те дни — прообраз наших дней. Ковчег — Церковь. Только те, что будут в ней, спасутся.

— А миллионы китайцев, индусов, турок, а также других христиан?

Старец отвечает: „Бог желает спасти не только народы, но и каждую душу. Простой индус, верующий по-своему во Всевышнего и исполняющий, как умеет, волю Его, спасается, но тот, кто зная о христианстве, идет буддийским путем или делается йогом — нет”.

О софийности в душе человеческой старец говорил, что она возгорается, когда душа воззовет к Богу: „Отец мой и вождь девства моего!” Тогда Бог душе-блуднице возвращает девственность и она становится „невестой Христовой, сестрой Слова”.

Старец определял духовный путь, как канат, протянутый в 30 футах над землей. Пройдешь по нему — все в восторге, а упадешь — стыд-то какой!”

С тихим вздохом сказал однажды старец: „Общественная жизнь измеряет годы, века, тысячелетия, а самое главное „Бысть утро, бысть вечер, день един”. Бывает в движении служение и расширение, но сколько бы человек ни прожил, все так будет: „Бысть утро, бысть вечер, день един”. — Самое твердое — камень, самое нежное — вода, но капля за каплей продавливает камень”. „Человеку даны глаза, чтобы он глядел ими прямо”.

Он говорил о великой постепенности духовного

пути, о том, что „ко всему нужно принуждение. Вот если подан обед, и вы хотите покушать, и слышите вкусный запах, все-таки сама ложка вам не поднесет кушанья. Нужно понудить себя, встать, подойти, взять ложку и тогда уже кушать. И никакое дело не делается сразу – везде требуется пождание и терпение”.

„Человеку дана жизнь на то, чтобы она ему служила, а не он ей”, т.е. человек не должен делаться врагом своих обстоятельств, но не должен приносить свое внутреннее в жертву внешнему. Служа жизни, человек теряет соразмерность, работает без рассудительности и приходит в очень грустное недоумение, но и не знает, зачем живет. Это очень вредное недоумение и часто бывает. Человек, как лошадь, везет и вдруг на него находит такое... стихийное препинание”.

Батюшка разъяснял символы пеликана и феникса. „Пеликан кормит своей кровью птенцов – это символ Божественной благодати. Феникс предчувствует, что приближается смерть его. Тогда он собирает в кучу щепочки, веточки и садится на нее. От жара его тела развивается такая теплота, что костер загорается и сам он на этом очистительном костре сгорает и тогда, очистившись в огне, из пепла он возрождается вновь в юности и красоте”.

Об этом очистительном духовном пламени рассказал однажды старец Нектарий, по-своему истолковывая роман английского писателя Хаггарта „Она”.

В фантастическом романе этом рассказывается о волшебнице, жившей несколько тысячелетий и сохранившей молодость и красоту, потому что она окунулась в пламенный источник жизни, сокрытый

в горной пещере. Полюбив обыкновенного юношу, она захотела дать ему такую же красоту и бессмертие и когда тот испугался огненной волны, дерзновенно вошла в нее вторично, чтобы показать, что пламя это безопасно, и была наказана мгновенным превращением в дряхлую старуху и смертью.

Батюшка подробно изложил историю таинственной и недостижимой пещеры, где время от времени раздается гром, потом треск, а потом вырывается необычайный свет, и кто входит в этот свет, получает молодость и красоту. „Хаггарту было позволено дать надписание в мир, чтобы часть знания об этом свете была в мире”. Слушатели недоумевали и вечером спрашивали друг друга — какой общий смысл этого батюшкиного поучения. Наутро, когда они пришли к старцу на благословение, тот встретил их словами: „Общий смысл: — „Господи!” — раздается гром. „Иисусе Христе” — треск, „Сыне Божий” — появляется свет. „Помилуй мя грешного!” — душе, если она хочет (тут есть полная свобода), позволяется вступить в этот свет и получить в нем обновление, а состариться душа может в одну неделю, а иногда в один день. Бывает, что сам свет приходит к человеку. Так Мария Египетская рассказала Зосиме. Она лежала как труп, в пустыне, и к ней явился таинственный тихий свет”.

В этот же день вечером старец говорил: „Человек принадлежит двум мирам — видимому и невидимому. Человек состоит из тела физического, душевного и духовного — умного. Тело дано ему для удобства — спутником душе, чтобы обращаться в видимом мире. Мир видимый отражается в мире невидимом и обратно. И такая пещера, о которой рассказал писатель, — существует в сердце человека, толь-

ко не каждому человеку дано спуститься в эту пещеру. Бывают люди, которые никогда туда не спускаются, ибо она окружена всяческими опасностями и обрывами. Гром раздаётся для устрашения нечистых духов, а иногда и самой души. А когда вспыхивает свет — душе дозволяется в него войти не один, а даже несколько раз, и она получает молодость, красоту и бессмертие. „Она” — роман Хаггарта — потеряла эти дары, войдя вторично неблагословенно, в доказательство, что этот огонь не опасен; а он и сжигает, этот огонь. Старец заповедал ученикам своим никогда самовольно не заниматься Иисусовой молитвой, он говорил о ней: „Знай, что сначала тебе будет очень трудно и тяжело, ведь надо войти в свою душу, а там такой тебя встретит мрак, и только потом — нескоро — забрезжит свет, и надо ждать, и принять много скорби”.

Батюшка много, с любовью говорил о молитве. „Молитвой и словом Божиим всякая скверна очищается. Душа не может примириться с жизнью и утешается лишь молитвой. Без молитвы душа мертва перед Благодатью. Многословие вредно в молитве, как апостол сказал. Главное любовь и усердие к Богу. Лучше прочесть один день одну молитву, другой — другую, чем обе зараз. Одной-то будто бы и довольно!”

Это не значит, что старец ограничивал молитвословие или ежедневное правило одной молитвой. Он говорил о вере новоначальных, которые имели силу сосредоточиться только на одной молитве, а другие читали рассеянно. Это — снисхождение к немощи, что старец и пояснил дальнейшим примером. „Спаситель взял Себе учеников из простых, безграмотных людей. Позвал их — они бросили все и по-

шли за Ним. Он им не дал никакого молитвенного правила — дал им полную свободу — льготу, как детям. А Сам Спаситель, как кончил проповедь, уединился в пустынное место и молился. Он Своих учеников Сам звал, а к Иоанну Крестителю ученики приходили по своему желанию — не звал их Креститель, а к нему приходили. Какое он им давал правило, это осталось прикровенным, но молиться он их научил. И вот, когда ученики Иоанновы пришли к Спасителю, они рассказали апостолам, как они молятся, а те и спохватились — вот ученики Иоанновы молятся, а наш добрый Учитель нам ни полслова не сказал о молитве, и так серьезно к Нему приступили, как бы с укором; что вот ученики Иоанновы молятся, а мы нет. А если бы ученики Иоанновы им не сказали, то они и не подумали бы об этом. (Это последнее заметил старец, поглядывая на одну послушницу, которая попросила у него молитвенного правила, узнав, что другим ученикам своим старец такое назначает.) А Спаситель им сице: „Отче наш”. И так их и научил, а другой молитвы не давал.

Есть люди, которые никогда не обращаются к Богу, не молятся, и вдруг случается с ними такое — в душе тоскливость, в голове — мятежность, в сердце — грусть, и чувствует человек, что в этом бедственном положении ему другой человек не поможет. Он его выслушает, но бедствия его не поймет. И тогда человек обращается к Богу и с глубоким вздохом говорит: „Господи, помилуй!” Казалось бы, довольно нам в молитве сказать один раз: „Господи помилуй!”, а мы в церкви говорим и три, и 12, и 40 раз. Это за тех страдальцев, которые даже не могут вымолвить „Господи, помилуй!” и за них говорит это Церковь. И Господь слышит и сначала

чуть-чуть благодать, как светоч, а потом все больше и больше, и получается облегчение.

Одному духовному сыну батюшка сказал: „Аз возжегох вам светильник, а о фитиле вы позаботьтесь сами”.

О шестопсалмии: „Шестопсалмие надо читать не как кафизмы, а как молитвы. Значение шестопсалмия очень велико: это молитва Сына к Богу”.

Батюшку спрашивают, как молиться о тех, о ком неизвестно, живы ли они, — „Вы не ошибетесь если будете молиться, как о живых, потому что у Бога все живы. Все, кроме еретиков и отступников. Это мертвые. Так, если угодно, и поминайте о них, как о мертвечине”. „Вот вам заказ: когда готовитесь к Святому Причащению, поменьше словесности и побольше молитвенности”.

Одна женщина говорит старцу: „Батюшка, сильно раздражаюсь”, а он отвечает: „Как найдет на тебя раздражение, тверди только: „Господи помилуй!” Ищи подкрепления в молитве и утешения в работе”.

Старик-возчик Тимофей падает перед батюшкой на колени. Лицо у Тимофея все преображено верой, умилением и надеждой. „Батюшка, дайте мне ваше старческое наставление, чтобы ваш теплый луч прогрел мою хладную душу, чтобы она пламенела к горнему пути”. После этой мудреной фразы он просто говорит: „Батюшка, у меня слез нет”. А старец с чудесной улыбкой наклонился к нему: „Ничего, у тебя душа плачет, а такие слезы гораздо драгоценнее телесных”.

Сам старец молился с детской верой и простотой, иногда простирая к образам руки.

Одна его духовная дочь рассказывала, что она долго сидела у него и беседовала. Потом он отпу-

стил ее. Уходя, она обернулась и увидела, что он стремительно двинулся в угол к иконам, простирая к ним руки. Она незаметно вышла. Исповеди у него — самое прекрасное и страшное, что она видела в жизни. Она всегда знала, что и без ее слов он знает не только то, что она скажет, но и то, что не дошло еще до ее сознания. Он был очень строг на исповеди, указывая на духовное значение помыслов, а не только дел. Иногда же он был ласков, даже шутил. Так, однажды он дал читать исповедь по книге. Исповедница на одном месте остановилась. „Ты что?“ — „Я думаю, грешна я этим или нет“. — „Ну, подумай! А то ты, может быть, вычеркнешь это в книжке“, — и улыбка.

Очень хорошо рассказывала об исповеди у него одна женщина, которая не исповедывалась с юности. от Церкви была далека, даже не отдавала себе отчет, верит она или нет, и к старцу попала лишь, сопровождая больного мужа. Старец произвел на нее большое впечатление, и когда он предложил ей исповедаться, она согласилась. „Вхожу я, — рассказывает она, — а он подводит меня к иконам: „Стань здесь и молись!“ Поставил ее, а сам ушел к себе в келью. Стоит она и смотрит на иконы. И не нравятся ей они — не художественны они и даже лампада кажется ей никчемной. В комнате тихо. Только за стеной батюшка ходит. Шелестит чем-то. И вдруг начинает на нее находить грусть и умиление, и невольно, незаметно начинает она плакать. Слезы застилают ей глаза, и уже не видать икон и лампадки, и только радужное облако перед глазами, за которым чудится Божие присутствие. Когда вошел батюшка, стояла она вся в слезах. „Прочти „Отче наш“. Кое-как, запинаясь, прочла. „Прочти Символ веры“. —

„Не помню”. Сам старец стал читать и после каждого члена спрашивает: „Веришь ли так?” На первые два ответила: „Верю”. Как дело дошло до третьего члена, то сказала, что ничего здесь не понимает и ничего к Богородице не чувствует. Батюшка укорил ее и велел молиться о вразумлении Царице Небесной, чтобы Та Сама ее научила, как понимать Символ веры. И про большинство других членов Символа веры женщина эта говорила, что не понимает их и никогда об этом не думала, но плакала горько и все время ощущала, что ничего скрыть нельзя и бессмысленно было бы скрывать, и что вот сейчас с ней как бы прообраз Страшного Суда, а батюшка о личных грехах спрашивал ее как ребенка, так что она стала отвечать ему с улыбкой сквозь слезы, а потом отпустил ей грехи с младенчества до сего часа.

Однажды одна его ученица на время отошла от него, уехала, но молча, и очень без него тосковала; ее подруга сказала старцу: „Она очень одинока сейчас”. — „А что, она причащается?” — спросил старец. — „Да”. — „Тогда она не одинока”.

О преодолении беспричинного страха он говорил: „А ты сложи руки крестом и три раза прочитай „Богородицу” и все пройдет”. И проходит.

У батюшки была очень большая духовная широта. Отпуская однажды в скиту осенним вечером духовных детей своих, он сказал: „Ночь темна для неверного. Верным же все в просвещении”.

Он говорил: „Не бойся! Из самого дурного может быть самое прекрасное. Знаешь, какая грязь на земле, кажется, страшно ноги запачкать, а если поискать, можно увидеть бриллианты, — вот тебе, твою шею украсит”.

Батюшка строг, требователен, иногда ироничен с духовными лицами и интеллигенцией, и необыкновенно добр и доступен с простыми людьми.

Один старик-крестьянин рассказывал: „Пропал у меня без вести сын на войне. Иду к батюшке. Он меня благословляет; я спрашиваю, жив ли сын мой. Как скажешь нам молиться за него? — мы уже за упокой хотим подавать”. А он так прямо мне: „Нет, жив сын твой, отслужи молебен Николаю Чудотворцу. И всегда за здравие поминай сына”. Я обрадовался, поклонился, рублик положил ему на свечи. А он так смиренно тоже поклонился мне в ответ.

Батюшка с такой же простотой давал деньги. Однажды одной духовной дочери нужны были деньги. Она попросила у старца. Он вынес с улыбкой скомканную пачку: „Вот сосчитай эти тряпочки”. Он говорил, что милостыню надо подавать с рассуждением, а то можно повредить человеку.

Келейник его рассказывал, что он всегда хотел подробно знать нужду человека, зря не любил давать, а если давал, то щедро, на целые штиблеты, или даже на корову или лошадь.

Тот же келейник говорил, что он „девяносто девять праведных оставлял, а одну брал и спасал”.

В периоды непослушания и возмущения он был отечески ласков, звал не по имени, а „чадо мое”, „овечка моя” — и возмущение стихало, потому что самая возмущенная и упрямая душа чувствовала искренность этой великой любви, о которой старец сказал однажды сам: „Чадо мое! Мы любим той любовью, которая никогда не изменяется. Ваша любовь — любовь однодневная, наша и сегодня и через тысячу лет — все та же”.

Однажды одна духовная дочь спросила старца:

должен ли он брать на себя страдания и грехи приходящих к нему, чтобы облегчить и утешить? Он ответил: „Ты сама поняла, поэтому я скажу тебе — иначе облегчить нельзя. И вот чувствуешь иногда, что на тебя легла словно гора камней — так много греха и боли принесли к тебе, и прямо не можешь снести ее. Тогда к немощи твоей приходит Благодать и разметывает эту гору камней, как гору сухих листьев, и можешь принимать сначала”.

Многие считали батюшку Нектария прозорливцем, каждое движение его истолковывалось символически. Порою это очень тяготило его. Однажды он рассказал такой случай: „У меня иногда бывают предчувствия и мне открывается о человеке, а иногда — нет. И вот удивительный случай был. Приходит ко мне женщина и жалуется на сына, ребенка девятилетнего, что с ним нет сладу. А я ей говорю: „Потерпи, пока ему не исполнится 12 лет”. Я сказал это, не имея никаких предчувствий, просто потому, что по научности знаю, что в 12 лет у человека бывают часто изменения. Женщина ушла, и я забыл о ней. Через три года приходит эта мать и плачет — умер сын ее, едва исполнилось ему 12 лет. Люди, верно, говорят, что вот батюшка предсказал, а ведь это было простым рассуждением моим по научности. Я потом всячески проверял себя — чувствовал я что-нибудь или нет. Нет, ничего не предчувствовал”.

Иногда же батюшка так же прямо говорил: „Тебе это прикровенно, а я знаю”.

В нем была прекрасная человеческая простота, умная проницательность, мягкий юмор. Даже в глубокой старости он умел смеяться залившимся детским смехом.

Он очень любил животных и птиц. У него был кот, который его необыкновенно слушался, и батюшка любил говорить: „Старец Герасим — был великий старец, потому что у него был лев. А мы малы — у нас кот”, и рассказывал прелестную сказку о том, как кот спас Ноев ковчег, когда нечистый вошел в мышь и пытался прогрызть дно. В последнюю минуту, кот поймал эту зловредную мышь, и за это теперь все кошки будут в раю. Эта шутливость была особенно свойственна батюшке. Как бы исполняя слово св. Антония Великого, что нельзя без конца натягивать тетиву лука, старец Нектарий перемежал наставления свои и требования легкой шуткой, передачей исторического анекдота или сказкой. Рассказывал он всегда подробно, живо, со всеми деталями, как будто сам являясь участником или очевидцем события, даже события из Священной истории. Неиссякаемы были его рассказы из жизни Оптиной, о славных старцах и мудрых архимандритах и скитоначальниках и о необходимости свято до конца соблюдать старческие заветы. По возрасту батюшка был одним из старейших насельников Оптиной и как бы живой летописью ее.

В высшей степени в нем была развита духовная трезвость — никакой экзатичности, никакой наигранности чувств, никакой сентиментальности, (никакой наигранности чувств) в христианской любви к людям. Сам — глубокий аскет, он с любовью благословлял своих духовных детей на брак и говорил о светском воспитании детей. Когда некоторых родителей смущал антирегилиозный характер советской школы, старец говорил: *„Ведь ваши дети будут советскими гражданами; они должны учиться в общегосударственных школах. А если вы хотите со-*

хранить в них христианство, пусть они видят истинно-христианскую жизнь в семье”.

Он говорил проходящим к нему людям искусства: „Любите земные луга, но не забывайте о небесных”.

Высоко ставил он человеческий труд. Когда одна духовная дочь его сокрушалась, как она будет жить после его смерти, без его руководства, он сказал: „Работай! В работе незаметно пройдут годы”.

О его обращении, о его речи пишет покойный ученик его о. Агапит (Мих. Мих. Тауке) :

„Батюшкина беседа! Что перед ней самые блестящие лекции лучших профессоров, самые прекрасные проповеди! Удивительная образность, картинность, своеобразность языка. Необычайная подробность рассказа (каждый шаг, каждое движение описывается с объяснением. Особенно подробно изъясняются тексты Св. Писания. „Вся наша образованность от Писания”, — говорил батюшка). Каждое слово рассматривается со всех сторон. Легкость речи и плавность. Ни одного слова даром, как будто ничего от себя. Связность и последовательность. Внутренний объединяющий смысл не всегда понятен. Богатство содержания, множество глубоких мыслей. Над каждой из них можно думать год. Это жемчужная нитка, которой не видно, да и нет конца. Живой источник живой воды. Вся беседа чрезвычайно легко и воспринимается и запоминается, часто принимает оттенки святой шутливости, например, в рассказе о том, как человечество впервые (в лице Евы) услышало слово Бог. Батюшка говорил, что у Евы в полдень явилось желание подкрепиться, как это свойственно нашему естеству. И вот ходит она по раю и выбирает, какой плод сорвать. При

этом путь ее случился как раз мимо древа познания. Она проходила мимо так близко — рукой подать, хотя и было запрещено не только рвать плоды, но и подходить близко. А враг-то как раз и воспользовался этим”.

Старец Нектарий скончался в глубокой старости 12 мая 1928 года в с. Холмищах Брянской области, куда он переехал после закрытия Оптиной. Перед смертью он исповедался и причастился. При кончине его присутствовал один священник (о. Адриан* из Киева) — его духовный сын, который прочел отходную. В момент смерти он поднял над умирающим старцем епитрахиль. Батюшка Нектарий умирал тихо. Весь в слезах.

Смерть свою он предчувствовал и прощался со своими близкими еще за два месяца, давал им последнее благословение и наставление, передавал их тому или иному духовнику.

Хоронили его в светлый весенний день, несли с пасхальными песнопениями, и великая радость была на сердце у плачущих детей его...

Похоронен он был на местном кладбище в Холмищах. Он сам говорил о том, что его могилы не будет. По тем местам прошла война. Но память о последнем Оптинском старце жива и светла.

Могила цела. Все в порядке. Горит неугасаемая лампада. Кругом лес. Приходят местные жители, приезжают его близкие издалека.

В 30-х годах, лет через 6-7 после погребения де-

* Впоследствии архиепископ Андрей (Рымаренко). Скончался 12 июля 1978 года в Ново-Дивеевском монастыре (штат Нью-Йорк, США), где и похоронен. — Р е д .

ревенские хулиганы раскопали ночью могилу, сорвали крышку гроба и наперец с лица почившего. Открытый гроб прислонили к дереву. Утром ребяташки гнали лошадей из ночного, увидели гроб и поскакали к селу с криком: „Монах встал”. Колхозники побежали на кладбище и увидели, что „старец стоит нетленный. Восковая кожа, мягкие руки. Одна женщина дала белую шелковую косынку. Ею прикрыли лицо старца, снова закрыли гроб и опустили в могилу с пением „Святой Боже”.

Потом говорили, что через несколько дней тело старца было вывезено и погребено где-то в поле. Но в Холмищах до сих пор показывают его могилу.

СХИАРХИМАНДРИТ ЗАХАРИЯ

Родился старец Захария в 1850 году, 2 сентября. При крещении ему дали имя Захарии в честь пророка Божия Захарии, отца Иоанна Крестителя.

Родители Захарии были крестьяне, бывшие крепостные Нарышкиных, жили они очень богато, были „сами хозяева”, как в то время говорили. Жили они в Калужской губернии. Детей у них было одиннадцать человек. Захария родился одиннадцатым. Многие из братьев и сестер до времени умирали.

Родился Захария не дома, а в поле. До последних минут работала его матушка, Татьяна Минаевна, и вот перед рождением ребенка пошла она в поле стелить лен, пошла одна и пришло время ее, и без посторонней помощи произвела она на свет младенца мужского пола. А холодно было. Положила мать сына в подол (нечем было завернуть) и принесла домой.

Отец Захарии, Иван Дмитриевич, был верующим человеком. Он часто ходил в церковь и усердно молился. Умело вел хозяйство, иногда торговал яблоками и семенами, но он имел большой недостаток: здорово пил и в пьяном виде ругал жену, хотя по природе он был очень добр. Выпьет, бывало, и говорит сыну: „Захар, я тебе гостинцев привезу”. — „Не надо, ты пьян”, — отвечает ему семилетний сыниш-

ка, который с детства отвращался от всего дурного и некрасивого. „Ах ты, мошенник, разве можно папаше так отвечать”, — останавливала сынка мать, Татьяна Минаевна.

А надо сказать, что мать Захарии была святой жизни человек. Всем-то она помогала, всех-то она любила. Хлеб ковригами бедным давала, и мясо, и всякие съестные припасы. Ничего-то она для немущих не жалела! Да кроме того, советы давала. Без ее совета замуж не идут и не женятся. Все надо у Татьяны Минаевны спросить и сделать так, как она скажет; громадным уважением и авторитетом пользовалась она в среде своих односельчан.

И сынка-то она воспитывала так, чтобы больше всего привить ему любовь помогать всем бедным и страждущим, чем только он сможет. Бывало, играет он с ребятишками, проголодается, попросит хлеба, мать дает большую ковригу и говорит: „Ты сначала товарищей накорми, а потом сам съешь”.

Эти требования святой матери быстро привились к нежному сердцу мальчика. [...] Мать души не чаяла в мальчике, а он, как только подрос, ему минуло семь лет, стал убегать из родного дома в поле, в лес и пропадал там по нескольку суток. Заснет, бывало, его матушка, он ночью встанет потихонечку — да только его и видели.

Зайдет куда-либо подальше, заберется на высокую елку, обнимет ее и сидит в своем уединении, молится и думает о Божественном. Всю ночь без сна проводит, не слезая со своего убежища. Он знал, что делал, его влекло к уединению, к подвигам. Все эти дни он ничего не вкушал, кроме корешков от травы, и радостью святой и ревностью о Боге переполнялось его детское сердечко.

Станет рассветать, он ненадолго слезет с елки, а чуть увидит какого-нибудь прохожего, опять забирается на нее.

Мать, конечно, весьма беспокоилась, видя такое исчезновение на несколько суток своего возлюбленного сына, она искала его повсюду, плакала, горевала. Наконец решила пойти к местному священнику, поговорить с ним и попросить его совета в своей горе.

Священник в селе был заштатный, лет ста от роду: добрый, милосердный, милостивый, больных исцелял, бесов изгонял. Отец Алексей за свое смирение был одарен Господом — Его благодатными дарами и прозорливостью.

Пришла к нему Татьяна Минаевна вместе с сынком и плача говорит: „Батюшка, отец Алексей, один сынок остался у меня, пятерых похоронила, и этот цыпленок не уцелеет, убегает он из дома, скрывается целыми сутками в лесу...”

О. Алексей помолился и открыл ему Бог будущее Захарии, и сказал он матери: „Не плачь, твой сын на радость тебе будет, но не кормилец; он будет монах и доживет до глубокой старости”.

Когда Захарии минуло 15 лет, его отдали в город работать рогожи, грамоте совершенно не учили. Вскоре после его отъезда заболела матушка, Татьяна Минаевна, и слегла в постель.

[...] Вот как старец рассказывал свое прощание с умирающей матерью. Поутру Марья и Анисья ушли в деревню. „Садись со мною, мне тебя только одного и жалко... — сказала мать. — Захарушка, вот какие тебе искушения будут, слушай: много тебе будут невест сватать, а ты не женись, и из нашей деревни и из чужих будут невесты... и назвала их по име-

ни. Помни, если пойдешь в монастырь, я радоваться буду, отец будет принуждать к семейной жизни — ты его не слушай. О. Алексей сказал, что ты монахом будешь”.

Потом взяла икону Казанской Божией Матери, которую она купила, когда Захарии было 6 лет, и благословила сына. „Вот твоя путеводительница”, — сказала она ему, указывая на икону Божией Матери. Потом распорядилась, чтобы вернувшиеся дочери затопили печь, накормили хорошенько возлюбленного ее сына и отвезли обратно в город.

[...] В тот миг, когда преставилась Татьяна Минаевна, Захария почувствовал, как чудный аромат ладана как бы объял его: „Умерла моя матушка”, — сказал он и заплакал. Наутро к нему приехали и сказали, как тихо и спокойно скончалась мать. Она не хотела видеть бесов и говорила дочери: „Ты помолись и постой около меня, а то я бесов боюсь, я вас задержала по случаю Захарушки, а то бы раньше умерла”. Но дочь что-то испугалась и отошла. Тогда матушка привстала, перекрестила подушку и отлетела душа ее.

Впоследствии, когда Захарушка стал старцем, он рассказывал, как разговаривал с бесом, он спросил его: „Есть ли у вас в аду христиане?” — „Как же, — отвечал бес, — и твой отец был, да ты отнял его своими милостынями, творимыми за его душу, и молитвой”. „А мать?” — „Мать не была, она всю дорогу кусками хлеба забросала, мы не видели, где она прошла, хотя мы зорко смотрели”.

Кончина Татьяны Минаевны (31) октября. Старец Захария часто говаривал: „Кто будет моих родителей Татьяну и Иоанна за упокой поминать, того Сам Господь помянет”.

В сороковой день (кончины матери) Захария спешил домой, одежды теплой у него не было, и он почти совсем раздетый тронулся в путь, а идти нужно было более семи верст, мороз стоял свирепый, градусов 30 с чем-то и сильный ветер. Долго он шел, наконец совершенно замерз и заснул на снегу... Вдруг слышит он повелительный чудный голос — то Ангел-хранитель будил его. „Встань, пора, иди!” Так повторялось несколько раз, пока Захария не проснулся и не осознал всей опасности своего положения. Он поднялся и пошел, и так тепло ему стало, будто разогрел кто его, будто лето настало...

После смерти матери, как и предсказала она ему, посыпались на Захарию искушения. Стали ему невест сватать, он все отказывался, а отец настаивал. Захария всеми мерами отстранялся от женитьбы. Наконец, по приказанию отца, повезли Захария на сторону смотреть невесту. Приехал за ним старик и повез за 25 верст от родного дома. „Эх, — говорит, — как внучка у меня хороша, не хочешь ли жениться?” Захария завернулся в шубу и молчал, наконец подъехали к воротам. „Отопри ворота!” — закричал старик. — „А, это ты, дедушка?” — „Да, я жениха тебе привез, ты его посмотри”. Она же, услышав об этом, ну бежать... Через несколько времени приходит соседка и говорит: „Анастасия Максимовна у нас: коровы не пришли, они ждут...”

Подали ужин — невеста пришла и села рядом с отцом, лицо же все покрыла платком. Стала после ужина отцу сапоги снимать, а лицо все не показывает, закрылась да и все.

На следующий день, к обеду, сняла Анастасия Максимовна платок и вспыхнула вся, и полюбила

она Захарию. На несколько минут их оставили вдвоем. „Ты пойдешь за меня замуж?“ — спросил Захария. — „Согласна“, — ответствовала невеста.

Но дела сложились так, что года полтора Захарии не удавалось жениться, и начала невеста сниться ему, и будто говорит жениху своему: „Что же это ты не женишься?“, а он отвечает: „Женюсь! женюсь! Смотри только, чтобы тебя не выдали за другого“.

От всех этих переживаний, снов и дум, Захария очень похудел, приходит он как-то постом к своей родной сестре, а она и говорит: „Что это ты запостился, совсем худой стал“. Брат отвечал: „Мне 20 лет, должно быть жениться пора, я сам себе готовлю, ем раз в сутки. Отец настаивает, чтобы я вступил скорее в брак. Я три года просился у отца, чтобы отпустил он меня в монастырь, да не соглашается он, а теперь мне все невеста снится, женюсь-ка я“.

Сестра Захарии, Мария, была замужняя женщина, гораздо старше его. Внушил ей Господь сказать следующее: „Ты, братец, пойдешь другим путем, это все на тебя вражье наваждение. Сегодня ночью, Захарушка, твоя судьба решится, как будешь ты ложиться спать, перекрести свою кровать большим крестом в голове и в ногах, и сверху и снизу, и с боков также. Вот тогда и увидишь, что будет“. Захария так и сделал и уснул спокойно. К утру видит он сон: приходит к нему в комнату женщина в белой, как снег, мантии, сделала три низких поклончика на иконы и, обратясь к нему, сказала: „Что это ты, Захария, жениться вздумал? Нет, не женись, ты монахом будешь. Помнишь, мать благословила тебя,

чтобы ты ходил к Троеручице в Белые Берега, вот и сходи. Отец не пускал, а теперь отпустит”.

Захария сразу узнал Покровительницу рода христианского Пречистую Приснодеву Матерь Божию. Легко так стало у него на душе, тихо и радостно. Будто прошла какая-то внутренняя болезнь и настало полное выздоровление.

Утром в Лазареву субботу он обратился к отцу: „Отпустите меня сходить в Белые Берега к Матери Божией Троеручице. Мать обет дала и не успела его исполнить. Отец поверил и говорит: „Ну что же, иди, теперь пост, делать нечего, а потом, как придешь, так и женишься”.

Захария взял с собой благословение матери, икону Казанской Божией Матери, завернул в полотенце, положил в сумку и, обратясь к отцу, сказал: „Благослови и ты меня, батюшка”. — „Да у тебя есть материнское благословение”. — „Нет, и ты своим благослови”. Отец взял икону Воскресения Христова, чтобы благословить сына. Благословил и вдруг зарыдал и упал на пол. Захария подхватил икону, чтобы она не упала. Отец, обратясь к нему, сказал: „Чувствую, что ты совсем меня покидаешь”.

Тяжело стало Захарии, жалко отца. Он поскорее простился с ним, говоря: „Пусть твое благословение пока дома останется, я только к Троеручице схожу”. Простился и ну бежать чужим полем, лесом, скорей, скорей. Захария боялся, как бы отец не передумал и не было бы погони.

Ну вот, наконец, он с иконой Божией Матери Казанской прибыл в монастырь Белые Берега. Начал просить начальников принять его в число братии, но не тут-то было, ему все время отказывали.

Раз пятнадцать юный Захария чуть не со слезами умолял оставить его. Наконец, приняли временно и дали послушание пасти телят. Но раньше, чем приступить к послушанию, игумен послал домой за документами. Да еще велел сходить в Оптину пустынь. „Я, — говорит, — не прозорливый, а ты зайди к о. Амвросию, что он скажет, то и делай”. Захария очень боялся идти в Оптину пустынь, его беспокоила мысль: „вдруг да там его совсем не благословят принимать монашество”. Но раз посылают, надо идти. Послушание — беса ослушание.

Взял Захария свою сумочку и пошел; пришлось ему проходить лесом. Видит, стоит маленькая деревянная часовенка, а около нее величественная женщина, погруженная в глубокую молитву с воздетыми вверх руками, как изображают Матерь Божию на Ее иконе „Знамение”. Захария спрятался за дерево, чтобы не помешать, и стал ждать... Вот она окончила молитву. Взглянула, увидела Захарию и говорит: „Ты у нас был в монастыре, у Троеручицы? Тебя берут ведь в обитель? После скольких прошений берут... А сейчас идешь за паспортом? Сперва, однако, иди за мной”, — сказала она. Захария сразу покорился слову Неведомой женщины и пошел за Нею. Во время пути Она твердо и со властью сказала ему: „Ты сходи в Оптину, побывай у старца Амвросия, пусть он благословит тебя. Но раньше, чем к нему идти, зайди на могилу старца Макария и помолись за него. Положи за него 12 поклончиков и говори: „Со святыми упокой, Господи, старца иеромонаха Макария”. Он святой был человек”...

[...] На следующий день добрался Захария до Оптиной пустыни, и первым делом, как ему и было

сказано, отправился на могилу старца Макария, но никак не мог найти ее. У кого бы спросить? Вдруг из святых ворот выбежал мальчик, так лет 12-ти, и говорит: „Давайте я вас сведу на могилочку старца Макария”. Захария пошел за ним. Мальчик подвел его к могиле старца и сказал: „Ну, теперь сотворим 12 поклончиков, причем на каждом поклончике говори: „Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего старца Макария, со святыми его упокой”...

[...] В Оптиной все нравилось Захарии, святая тишина, молитвенный дух, который как бы переходил и на природу, все углубляло и просветляло ее.

Остановился Захария в монастырской гостинице, в которой можно было жить определенное количество дней. Ежедневно старался он попасть к великому старцу Амвросию, но это ему никак не удавалось. Толпы народа теснились около кельи старца Амвросия, всех принять не было никакой возможности.

[...] Настал последний день его жизни в гостинице и горестно ему стало, что не повидал о. Амвросия, надо уходить ему из Оптиной. Отстоял Захария раннюю и позднюю литургии, молился горячо-горячо. Заметили его монахи, позвали в трапезную, покормили, напоили, но грусть его не проходила.

Возвратясь в гостиницу, взял он сумочку, чтобы складываться и уходить, но сперва вынул он из сумки икону Божией Матери Казанской – материнское благословение. Взглянул на Пречистый Лик Приснодевы и залился слезами, говоря: „Матерь Божия, не Ты ли меня провожала, не Ты ли сказала мне, что я побуду у о. Амвросия, а вот я ухожу и не видал его”. Горячие слезы залили всю икону и

как дождь падали на пол. Вдруг Матерь Божия стала живой и вышла из иконы наружу, как будто бы девица неопикуемой красоты. Взглянула на Захарию и говорит: „Иди за Мной”. И пошла быстро, быстро, так быстро, что Захария едва нагонял Ее.

[...] Вот и святые ворота. Матерь Божия остановилась и произнесла: „Сюда женам вход воспрещен. А ты иди теперь к о. Амвросию, он примет тебя”. И невидима стала святая Путеводительница.

Захария как бы окрылился и смело пошел к домику, в котором жил старец.

О. Амвросий сам вышел на крылечко и позвал Захария. Принял так, как бы давно дожидался его. Ввел его в отдельную комнатку, посадил на диванчик и говорил с ним так хорошо, ласково, по душам. Старцу вся жизнь юного послушника была открыта. Захария еще и рта не раскрыл, а о. Амвросий уже заговорил: „Ну что, голубчик, мать умерла твоя. Послушай меня, оставь невесту, не женись, а иди в монастырь. А об отце не думай теперь, он сам тебя отпустит, не будет препятствовать тебе в твоём намерении стать монахом. А что ты сюда пришел, хорошо сделал. Видишь, у меня на стене записаны твои четыре греха. Ты покайся в них, сходи в Белые Берега и отговей там. Помни, в Царстве Небесном для тебя посажен зеленый дуб”. Много еще о чем назидательном и для души полезном поговорил с Захарией этот поистине великий старец. Потом благословил и отпустил. Взял Захария свою сумочку и пошел в обратный путь. „Сначала зайду в Белые Берега, — думал он. — Отговею там, как старец Амвросий велел. Действительно имею на совести я четыре греха, как это он угадал о них? А

там я пойду к родителю за паспортом и вернусь в монастырь для окончательного жительства в нем”.

По приходе в Белые Берега он отговел и почти тут же занемог, да так сильно, что отправили его в больницу в Брянск. Дали знать отцу, что сын при смерти. Отец приехал в Брянск и был поражен тяжелым состоянием его здоровья. Ежедневно старик ходил в церковь молиться о своем Захаре, но сын все не поправлялся, все хуже и хуже становилось молодому послушнику. Вот уже три месяца прошло, а он все был между жизнью и смертью. Лекарства, которые ему предлагали пить, он не принимал, а только усердно молился Матери Божией. Наконец, доктора отказались его лечить и написали в Белые Берега: „Вот уже три месяца лежит у нас ваш монах, у нас не богадельня, он лечиться отказывается, только и говорит: „Не верю я вашим лекарствам, вот придет Матерь Божия и исцелит меня””. Что это за слова, что за самочинство? Он так болен, что умрет обязательно, а помочь мы при его характере не можем, просим вас взять своего монаха обратно”.

Из Белых Берегов пришел следующий ответ: „Не надо нам такого послушника, мы его вон из монастыря прогоним”.

Взмолился тут Захария к Божией Матери: „Царица Небесная, Ты одна у меня Заступница, помоги мне, исцели меня...”. И вот видит он сон. Пришла к нему Пречистая Приснодева, коснулась рукой его головы и сказала: „Ты еще поживешь, монахом будешь, ты у Меня поживешь...”.

[...] Наутро он, к удивлению всех, проснулся совершенно здоровым. Напился он в городе чайку в

первый раз за все время своей болезни и ушел в Белые Берега.

В Белых Берегах приняли Захарию очень неласково, но все же оставили. Всего он там жил один год (в 1870-1871 г.г.).

[...] Когда Захария несколько оправился, отец посоветовал ему пожить в лесу у отшельника старца Даниила, который лет сорок жил в одном уединенном месте Калужской губернии. „Ты будешь келейничать у старца Даниила, — говорил отец, — а я буду вам туда продукты доставлять”.

Теперь отец как бы понял призвание сына к монашеству и ничего не имел против его аскетической жизни. Хотел же, чтобы он пожил в лесу у старца, как бы для отдыха и для некоторой поправки своего здоровья перед поступлением в монастырь.

Захария поселился со старцем, который охотно принял его. Пожил он с ним несколько месяцев, до недели „жен мироносиц”. Старец Даниил был подвижник и постник. Во весь Великий пост он ничего не вкушал, а лишь в Благовещение и Вербное Воскресение подкреплялся скудной пищей.

О. Даниил очень чтил старца Мельхиседека, который жил 110 лет (житие его описано в подвижниках благочестия XVIII и XIX вв.). Он подвизался в лесу на месте подвижника Мельхиседека и был как бы связан с ним душой. У старца в келии висела мантия Мельхиседека.

Хорошо жилось Захарии у старца, на деле поучался он истинно христианской монашеской жизни. Часто стал напоминать Захарии старец, что все же скоро придется ему отправиться в Белые Берега на свое прежнее послушание. А Захария, когда тяжело бо-

лел, дал обет поселиться в Троице-Сергиевой Лавре у преподобного Сергия...

[...] Когда Захария прибыл в Троице-Сергиевую Лавру [...] он остановился в монастырской гостинице. Здесь из разговоров приезжих узнал он о существовании старца Варнавы, который жил в Гефсиманском скиту. К нему ежедневно стекалась масса народа с разными нуждами и вопросами. Захарии посоветовали сходить к о. Варнаве посоветоваться и получить благословение. Молодой послушник Захария немедленно пошел. Приходит и видит: масса народа, и не перечесть, все толпятся, хотят увидеть старца, но пройти к нему нет никакой возможности.

Но вот о. Варнава вышел и, обратясь к толпе, сказал: „Где тут лаврский монах, иди-ка сюда”.

Никто не откликнулся на его зов, так как в толпе не было лаврских монахов. Старец сошел вниз по лесенке и говорит: „Дайте, дайте пройти лаврскому монаху”. Подошел к юному послушнику, взял Захарию за руку, ласково говоря: „Ну, иди в мою келью”. — „Я не лаврский монах, я из Белых Берегов”, — возразил Захария. — „Ну, я знаю, что ты там жил, а теперь будешь жить в Лавре и будешь лаврским монахом”.

Вводя в свою келию обрадованного Захарию, старец благословил его, сказав: „Ты живи у преп. Сергия и ко мне будешь в Гефсиманский скит приходить”. — „А вдруг да меня не примут здесь?” — сказал Захария. — „Примут, иди к лаврским воротам, там тебя уже три начальника ожидают”.

После приема у старца Захария пошел к воротам и, действительно, там стояли игумен и еще два монастырских начальника. Захария попросил их при-

нять его на жительство к ним в Лавру. Они охотно приняли его, и Захария стал лаврским монахом.

Так Промыслу Господню было угодно рассудить о Захарии.

„Надо уметь различать сны, — говаривал сам схиархимандрит Захария, — сны, которые от Бога, дают душе тишину и радость, возбуждают сердце к покаянию, уничтожают помыслы самомнения и тщеславия, возбуждают человека к ревностной борьбе с грехами. Истина же подтверждается фактами...”.

[...] Трудная жизнь началась для Захарии со дня поступления его в Лавру, как на распятие, на крест пришел он сюда. Ни от кого из братьев не видел он сочувствия себе, ни с кем не сходилась он. Захария любил молитву по четкам, а четки у него отнимали. „Ты еще не пострижен, — говорили ему, — а молишься, как монах”. Душа Захарии рвалась к молитве, тосковала по ней. Он стал прятать четки в карман, чтобы не отобрали.

Вскоре Захария начал проходить различные послушания. Сперва попал в хлебную, по 110 пудов в сутки выпекал, так уставал, что и не передать, весь мокрый был от усталости. Спал в хлебной, не раздеваясь, на деревянной скамье.

До принятия монашества Захария прошел двадцать видов послушания. Где только он ни был, где ни терпел: и в трапезной был, и пономарем, и свечником, и келейником, и трапезником. Все виды монастырских послушаний прошел, везде помучился. Когда Захария стал старцем, упоминая время своего послушничества, он всегда говорил: „Слава и благодарение Господу за все, за все”.

Весьма скоро после водворения Захария в Лавре, поступил туда же новый послушник из Киева, ему тоже дали послушание в хлебной. Этот послушник оказался горьким пьяницей и вообще преступником.

Напился он как-то до последней степени, идет по двору, качается, безобразничает, ругается из последних слов. Говорят братья Захарии: „Смотри, твой хлебный послушник идет, пьян совсем, проводи его до келии”. Кроткий Захария тотчас же начал исполнять приказание, как ни тяжело оно было для него. С трудом втащил он потерявшего облик человека инока в его келию и положил на кровать за ширму. Исполнив приказание, войдя в свою келейку, Захария начал прислушиваться к своему сердцу, ибо с детства внимал ему — всецело отдавая свою волю и разум голосу Божию, говорящему в совести. Сердце и говорит послушнику: „Ты на крюк закройся, да вынь ключ из двери”. Он так и сделал. Вдруг через некоторое время раздается страшный стук в дверь: „Отворяй, а то дверь разобью!” Захария молчал. Стучали все сильнее и сильнее; наконец дверь расщепилась надвое и к Захарии ввалился Федор, находясь в страшной ярости. Он давно возненавидел юного инока за то, что не жил тот, как ему нравилось, а монастырской жизни он не переваривал (как потом оказалось, Федор был беглый арестант). Живя в Киеве под видом инока, убил там одного иеромонаха и убежал в Москву [...]. Лавра приняла его, не имея никакого понятия о его прошлом. Когда Федор сломал дверь, увидел Захарию, то, как дикий зверь бросился на него, схватил за голову и начал колотить о пол, бить и топтать ногами. Кости Захарии так и хрустели, ребра сломались,

живот он ему совсем смял, в нем что-то оборвалось. Видя, что он еще жив, Федор обратился к нему с вопросом: „Что тебе — жизнь или смерть?“ — „Оставь меня на покаяние“, — прошептал Захария. — „Ну, крестись, что не будешь говорить начальникам, целуй икону и поклянись“, — озверелым голосом произнес убийца.

Вдруг Захария почувствовал в себе ревность о правде. „Нет, не стану, не буду давать ложную клятву. Ты сам покайся и поцелуй икону, я в церкви уже прикладывался к иконам“. — „А, вот как!“ — вскричал преступник, сел на Захарию и ну с удвоенной силой топтать и бить его. Кровь хлынула у Захария из горла, носа и ушей [...]

Но Господь не оставил своего избранника. Захария внезапно почувствовал в себе неземную силу, [...] схватил Федора, сбросил с себя и ну бежать, что есть силы, выбежал на двор и, не помня себя, все бежал, бежал, пока наконец совершенно не ослаб, потерял сознание и упал, обливаясь кровью.

Это было в Рождество Христово. Наутро нашли Захарию, думали, что он мертв, но, заметив признаки жизни, снесли в лазарет. Пятнадцать дней страдалец лежал без памяти.

После этого злополучный Федор еще одного монаха убил, и его увезли из Троице-Сергиевой Лавры в карете в тюрьму.

После такого избиения 23-х летний Захария потерял почти все зубы. И без того слабый здоровьем стал совсем немощным и никак не мог оправиться [...]

В 1879 году перевели нашего труженика в трапезную пономарем. Почти десять лет прошло с тех пор, как поселился Захария в Лавре. Многих из его свер-

стников давно постригли. Горело сердце Захарии любовью к Господу, ему тоже очень хотелось принять постриг, чтобы в чине ангельском еще ревностнее отдать всего себя Богу. Да не все любили его из монахов. То время, в которое жил он в монастыре, было временем упадка подвижничества [...]. Некоторые были только по виду монахами, сами же жили совершенно мирской жизнью: заводили себе жен, ели мясо, объедались, копили деньги, не творили милостыни, молились только напоказ и лишь устами, совершенно не ревновали о том, чтобы сподобиться получить монашеские добродетели. Трудились мало, а некоторые совсем стали тунеядцами. А о цели христианских подвигов в сердце своем совсем забыли.

О Захарии так отзывались они: „Кабы ты жил, Захария, как люди, так давно бы был монахом, а ты святошу какого-то из себя разыгрываешь, все время молишься, никуда не ходишь, людей к себе принимаешь, кормишь их, даешь советы. Тоже еще... Вишь, какой нашелся...”.

[...] Как-то раз стоял юный подвижник в церкви, в которой находился чудотворный образ Святителя Николая, тот самый образ, который в 1608 году был ранен ядром. Все знают, что в России в эту годину обстреливали Лавру. Ядро пробило железную дверь и ударилось в щеку Святителя Николая и, отлетев от него, попало в венец Архангелу Михаилу. Венец отлетел, да так и не нашли. Неизвестно, куда он задевался.

Стоял как-то раз Захария в этом храме у образа Спасителя и плакал, он усиленно молился о том, чтобы Господь удостоил его принять монашеский

чин. В это время по церкви шли два странника. Один очень старый, другой молодой, так лет тридцати с чем-то. Они только что отстояли обедню. Молодой, увидев Захарию, остановился и сказал: „Что ты скорбишь о монашестве, и в миру выше монахов бывают. Не скорби. И кроме того, у тебя есть надежда получить монашество”.

Захария пригласил к себе странников попить чайку. Они пришли. Захария поставил им угощение, они ни к чему почти не прикасались. Опять заговорили о монашестве. Захария просил странников пожить в Лавре до его пострига. „Погостите, вы тогда имя мое узнаете”. Молодой странник сказал: „Твое имя давно уже записано и лежит в книге”. А Захария, действительно, все время думал о монашестве и задолго еще до того времени написал то имя, которое ему хотелось носить в постриге, а именно „Зосима”, и положил это имя в Евангелие, тайно надеясь, что Господь услышит его желание и исполнит его просьбу. Молодой странник, едва войдя в келию и не прикоснувшись к вещам Захарии, уже знал все, даже и этот тайный его поступок.

Когда ушли странники, Захария почувствовал что-то очень особенное... „Что со мной делалось, не знаю, — думал он, вспоминая, как, сидя между странников, он горел как в огне. — Не передать того, что я ощущал, — думал он, — то Дух Святой, сходящий с небес, лишь может дать ощутить человеку”.

[...] При малейшем воображении, самомнении можно ошибиться и счесть вражье за истинное и впасть в самомнение, впасть в прелесть. „О, если бы они опять пришли ко мне, — думал он, — если бы я мог узнать, кто они, ангелы или люди? Я бы попросил Господа открыть мне о них. Если то ангелы, то

пусть бы молодой странник, придя ко мне, без всякой на то моей просьбы, прочел бы что-нибудь из Апостола, из Евангелия и из Псалтири, или бы меня заставили прочесть, и это было бы показателем того, что не простые это странники, а ангелы, посланные для вразумления и обращения к покаянию нас грешных”.

Странники были у Захарии 27 февраля. Еще вспоминал Захария следующее: молодой странник удивительно менялся в лице, в церкви он был такой видный, совсем не истощенный, скорее полный, а как пришел в келию, то лицо стало худое, изможденное даже.

Наступила вторая половина марта. Опять увидел Захария тех же двух странников. Они стояли обедню и по окончании отправились к иеродиакону, а у него в это время были гости, он отдыхал, принять странников было неудобно. Иеродиакон знал, что Захария любит всех нищих и убогих, скорбящих и странников, и сообразил отослать их к нему. „Идите к о. Захарии, он напоит вас чайком”. Как только вошли странники к о. Захарии, молодой вынул из своей одежды книжечку и, раскрыв ее, велел Захарии прочесть Апостол 1-ю главу к Римлянам с 1 до 25 стиха, кончая словами „благословен во веки. Аминь”.

[...] Всю эту главу прочел Захария, кончая словами: „встаньте, пойдем отсюда”.

Пока Захария читал, молодой странник обливался слезами.

После прочтения Евангелия странник спросил:

- Что это за большая книга лежит у тебя?
- Это Псалтирь.
- Прочти-ка 90-й псалом.

Захария прочел этот изумительный псалом и еще прочел несколько псалмов.

— О, если бы кто-нибудь как следует понимал, что значит Псалтирь.

— Почитай-ка еще толковый Псалтирь.

С умилением сердца следил Захария за всем происходящим, чувствовал всю душою, что исполнились его молитвенные воздыхания, что Сам Господь утверждает, что странники эти от Бога, что это не воображение, не прелесть, а видение. Это чудо Божие! Во время чтения Псалтири Захария молился Матери Божией: „Заступница усердная, Мати Господа Вышнего! За всех молиши Сына Твоего Христа и Бога нашего и всем твориши спастися под державный Твой покров прибегающим. Всех нас заступи, о Госпоже, Царице и Владычице, иже в напастех и скорбех и болезнях, обремененных грехми многими, предстоящих и молящихся Тебе умиленною душою и сокрушенным сердцем пред Пречистым Твоим образом со слезами, и невозвратно надежду имущих на Тя, избавление всех зол, всем полезная даруй, и вся спаси, Богородице Дево: Ты бо еси Божественный покров рабом Твоим” (Тропарь Казанской иконе Божией Матери).

Эту удивительную молитву Божией Матери от всего сердца возносил Захария — мысленно, про себя.

Это внутреннее делание не укрылось от странника. Он сказал: „Вот возносится моление к Божией Матери... ты в скорби был и взывал... и услышан был и помилован”.

Странник сказал: „Брат, помяни меня через два года и три поклончика положи... Помяни меня через десять лет и три поклончика положи... и через

двадцать лет помяни и три поклончика положи”. — „Не проживу я двадцать лет, — возразил Захария, — я больной...”. Странник ничего не ответил на эти слова и заговорил: „Епископ, святитель, теперь не поймешь, тогда поймешь... Вот что, братец, будет через два года, города, губернии, Питер, а потом скоро, скоро назад вернешься. Будут у тебя три креста, три креста...”.

Вскоре после этого Захария получил рясофор с именем Зосимы.

Через два года о. Зосима был послан в Петербург митрополитом Иоанникием, который взял его к себе в качестве помощника. Здесь в церкви он увидел громадных размеров икону Пресвятой Троицы. Он духом почувствовал ту благодать, которая озарила его при посещении странников. Умиленный он упал пред иконой св. Троицы, сотворив три поклончика.

Действительно, очень недолго пробыл о. Зосима в Петербурге, он был скоро отослан назад благодаря своей малограмотности. И исполнились слова странника: „Через два года три поклончика положи”, „через два года города, губернии, Питер, и опять вернешься назад...”

Через 10 лет Зосиму посветили в диакона и опять послали в Петербург, и снова он увидел ту же икону Пресвятой Троицы и положил перед Нею три поклончика. А через двадцать лет в Москве в Даниловском монастыре в храме Пресвятой Троицы его посветили в архимандрита. Посвящал его владыка Серафим Чичагов. Так-то исполнились сроки, назначенные странником.

А три креста, о которых говорил странник, о. Зо-

сима действительно получил. Первый царский, второй — синодский, а третий — архимандритский.

[...] Еще до получения им священнического сана дали ему послушание келейничать у иеросхимонаха о. Николая. Задумчивый, скучный был о. Николай. В келии у него вещей было много, он не исполнял обетов монашества. Любил прикопить денег и не необходимые, а так, нравящиеся ему только вещи загромождали его жилище, наподобие того, как лишние вещи загромождают квартиры мирских людей.

Вот заболел иеросхимонах Николай и заболел смертельно. Боже, что это была за жуткая болезнь. „Он страдал, как в аду, и не так от физических болей, как от душевных и нравственных. Совесть его мучила так, что он кричал, и в голос, от боли души: „О. Зосима, убей меня, не могу больше мучиться...”. — „Старец, что вы говорите, жизнь вечна, смерть — это утончение и углубление жизни души, еще тяжелее сделаете ваши муки, если не познаете грехов своих. Покайтесь, пока не поздно, я вижу у вас массу лишних вещей, отдайте их нищим. Да необходимые для вас вещи раздайте, не жалея, все равно на земле вам больше не жить. Кайтесь, творите милостыни, потому что нет милости не сотворившему милости... Блаженны милостивые, яко тии помилованы будут...”

О. Зосима подал умирающему Евангелие приложиться, говоря: „Вам станет легче”. Тот же бросил Евангелие на пол. — „Что это с вами? Бросили вы на пол книгу, через которую Спаситель всегда говорит с нами, вокруг которой всегда летают ангелы”. Схимонах в каком-то отчаянии и как бы в бешенстве рыдал, рвал на себе одежду и стонал: „Ох, ох, ты и

не знаешь, какой я грешный, давай я облегчу свою душу и тебе, тебе принесу покаяние, а ты умоли за меня Бога, чтобы не мучиться мне так, как мучаюсь здесь. О, что здесь за муки в сравнении с адскими муками, вечными, непрестающими?

„Старец, я позову вам духовника и вы покаетесь”. — „Молчи, не хочу духовника, никому не открою души, тебе только открываю, принимай покаяние, иначе убью себя, я не знаю, что сделаю, я весь горю в огне геенских мук. Сжался, сжался, о. Зосима, хотя ты еще молод, но когда ты будешь духовником, то отпустишь грехи мои, слышишь, я умоляю тебя”.

О. Зосима покорился, но, Боже, чего он ни выслушал от старца. Грехов своих он не открывал из-за стыда и страха, а к святым Тайнам приступал и причащался в суд и осуждение. Несчастный извивался, корчился от боли душевных мук. О. Зосима пал на колени перед образом Царицы Небесной и, обливаясь слезами, молил Ее о помиловании кающегося грешника. И обещал ему, если кто-нибудь попросит еще раз за него (кающегося схимника Николая) отпустить ему грехи, тогда он будет на то иметь право. А пока не поздно, он умолял его начать творить дела милосердия. О. Николай согласился и вскоре вся келия умирающего, все вещи, находящиеся в ней, перешли в руки нищих; все деньги, которые он копил всю жизнь, также были отданы неимущим. И старец тихо умирал, шепча покаянную молитву...

Через много лет с глубокой скорбью рассказывал мне старец драму несчастного о. Николая. Я спросил его: „А вы отпустили ему грехи, батюшка?” — „Нет еще, я творил за него милостыню и

молился, а ты просишь за него, просишь?” — „Да, прошу”. — „В таком случае на твоей голове отпускаю я ему все грехи его, за всю его жизнь, а тебя благословляю всю жизнь поминать его за упокой и, по возможности, добрые дела творить за него”.

[...] При пяти наместниках жил о. Захария в Лавре. При о. Антонии он поступил и имел в то время послушание стоять у мощей преп. Сергия. При наместнике о. Леониде о. Захарию 4 апреля постригли в рясофор с именем Зосимы, как писал ему об этом о. Андрей и как предсказал ему старец о. Варнава: „что не пройдет и года, как получит он мантию”, — и действительно, 9 марта о. Зосима был облачен в мантию.

[...] Будучи общим лаврским духовником, о. Зосима нес свое послушание, благоговей перед великим Таинством исповеди, учрежденным еще в раю в тот момент, когда Господь говорил с Адамом и Евой после их грехопадения, призывая их исповедать свой грех.

О. Зосима всегда сознавал все великое милосердие и неизреченную любовь к нам Спасителя, проявившуюся в учреждении таинства исповеди. Никогда не спешил он отпускать исповедника, и бывали случаи, что одному исповеднику отдавал три с половиной часа времени. Ведь бывали и такие грешники, которые открывали всю свою жизнь и просили руководства и совета во всех многообразных своих потребностях и обстоятельствах. Большинство же духовников того времени гнались больше за деньгами, нежели за спасением душ человеческих. „Ах, о. Зосима, не умеешь ты исповедывать, — насмеха-

лись они над ним, — ты с одним всю службу возил-ся, а я уже за это время 38 рублей набрал”.

Обет нестяжания всю попирался монашествующими. Был такой случай при наместнике Антонии в Лавре. Пришла богомолка старушка из Смоленской губернии, бедная, измученная. Подошла она к раке преп. Сергия и просила отслужить молебен Преподобному. „Давай 30 копеек, — заявил монах. — „Да нет у меня, батюшка ты родной, нет, за холстинку послужи”. — „Ну что мне твоя холстинка, поди продай ее и тогда завтра приходи, отслужи”. Не обиделась, не осудила никого старица, а опечаленная вышла из церкви. „Обет дала отслужить молебен; видно, недостойная... Кому я продам холстинку?” Вдруг видит идет старичок со светлым таким лицом: „Что продаешь, милая, давай, вот тебе 30 копеек”. Обрадовалась старушка, пошла в богадельню, где приютили ее, и ждет не дождется завтрашнего дня. Наутро пришли в храм очередные служители, открывают раку с мощами, не поддается, как будто тайным каким замком закрыли ее; послали за наместником, тот горячо помолился, и наконец, рака открылась, и к удивлению всех, увидали в раке холстинку, которую как бы держал в руке своей Преподобный. „Что это? откуда она? кто вчера служил молебен?” Монах, который отказал старушке, сказал: „Согрешил я, вот что было вчера со мною”, — и рассказал о старушке. Позвали старушку. „Твоя холстинка?” — „Моя, у меня ее купил старичок, а как она в раку попала, не знаю! Да вот этот купил”, — сказала старушка на большой образ преп. Сергия. Всем ясна стала милость Преподобного к старушке и обличение им стяжательства монаха.

О. Зосима упрашивал не любить имения и отнюдь не искать денег. Был в Лавре монах о. Феоктист, он накопил несколько тысяч. Узнал об этом Зосима и стал упрашивать его: „Зле собранное, добре расточити. Раздай деньги неимущим, пожертвуй в церковь” и т.д.” Послушался Феоктист, и после смерти его у него в келии осталось лишь 20 рублей. О. Феоктист с того света явился во сне Зосиме и просил его оставшиеся 20 рублей отдать нищим на помин души. А старец не знал об этих 20 рублях, так как другие жили в келии о. Феоктиста, а деньги были запрятаны.

[...] „О христиане, — часто говаривал о. Зосима. — Мы живем так суетно и не думаем о вечности, а думать очень и очень надо. Перед лицом Господа ходите и помните, что каждый ваш добрый поступок записан ангелом-хранителем, приставленным к вам Господом, а каждый грех записывается темной силой. Ничего нельзя сделать тайного, что бы не стало явным. Кайтесь же, пока не поздно, смиряйтесь и спасайте душу свою. Читайте Евангелие, читайте как следует, старайтесь проникаться им. [...] Пропал для вечности тот день, в который ты не сотворил милостыни. Пропал для души твоей. Милостыня помогает нам получать благодать Святого Духа. „Блажени милостивии, ибо они помиловани будут”. Милостыня может даже из ада извлечь душу грешника. Ангел этой добродетели безгласно предстоит перед престолом Господним и вопиет о сотворившем милостыню. Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам будет заботиться о себе, довольно для каждого дня своей заботы.

Смотрите на каждый свой день, *как на последний день своей жизни.*

[...] Наши сердца хуже, чем в муках всех видов земных страданий, будут болеть об утраченном благе навеки, попав в ад. Будьте же добры и осторожны, деточки, не унывайте, терпеливо несите каждый свой крест, возложив всю печаль на Господа. Энергично побуждая себя ко всему доброму, идите по узкой святой дорожке добродетелей, которая приведет вас в Царство Небесное.

Помните, что Бог дал нам свободу и насильно *Он не берет к Себе никого. Надо проявлять усилие в воле своей,* чтобы получить в сердце своем благодать Св. Духа.

Если бы Бог не дал нам свободы. Он бы уничтожил путь веры и привел бы к Себе всех путем принудительного знания. Не говорите, как некоторые невежды: „Докажите нам существование Бога, и тогда мы поверим...”. Тогда не будет веры, если доказать, а будет принудительное знание, и не будет тогда дороги к спасению.

А когда в сердце свободном совершен акт веры, тогда Бог дает такие доказательства истинности веры, которые несравненно выше всех научных доказательств.

Всегда помните: нужно проявить в жизни свободное усилие для приобретения добродетелей и для общения с Богом в молитве. Насильно к Себе Господь души не берет.

Берегите жемчужину веры, которая есть путь к вечному блаженству вашему и близких сердцу вашему людей”.

Был у о. Зосимы в Лавре друг о. Ириней, архимандрит, человек высокой духовной жизни. Однажды приходит он к о. Зосиме и говорит: „Друг, отец Зосима, пришел я к тебе проститься и исповедоваться, ты подробней меня исповедуй, почище, я завтра помереть хочу. Схожу на раннюю обедню, причащусь да и помру”. — „Что ты, о. Ириней, — говорит о. Зосима, — ты еще не стар, здоров, что за мысли такие нашли на тебя?” — „Нет, я верно говорю, завтра умру. Ты меня выручай, во втором пришествии будь мне защитником”. — „Поживи еще, ты нужен многим”. — „Нет, умру завтра, а ты живи и будь наставником, утешителем, молитвенником для страждущих, грешных, одиноких людей, будь отцом для сирот, калек, отроков и младенцев. Тебя Царица Небесная поставила на службу людям”. — „Ириней, родной мой...” — „Что говорю, то говорю, ты слушай, исповедуй в последний раз”.

Трогательная исповедь и прощание друзей состоялись. Но все же у о. Зосимы не было полной уверенности в том, что действительно о. Ириней завтра Богу душу отдаст. Может быть, скоро, но не завтра. Поутру, идя на свое послушание и проходя мимо кельи своего друга архимандрита Ириней, о. Зосима увидел прислуживающего ему послушника и с чувством глубокой любви к своему другу сказал: „Передай другу моему архимандриту Иринейу поклон от меня”. — „Поклон передать ему, — смутился послушник. — Да друг твой уже на столе лежит. Причастился он на ранней обедне, пришел домой, я бросился ставить самовар; прихожу в его келью звать чайку попить, а уж он блаженный лежит, ручки сложив, у себя на кровати”.

Много чудесного и полезного открывал Господь своему избраннику о. Зосиме, видя его твердую веру в Промысел Божий... Если кто верит в Бога, то с несомненностью должен верить, что все обстоятельства нашей жизни совершаются по воле Божией или с соизволения Божия и попущения Его. Часто повторял старец: „Без воли Бога и волос с головы не упадет”. И что мы должны быть бодры, и очень оскорбляем волю Господа, когда от печалей и горестей, постигающих нас, впадаем в уныние, ропот, отчаяние, безмерную печаль, окамененное нечувствие. Эти страсти – преддверие геенны огненной. Душа, унывая, уже вся горит в огне, хуже геенского, нет в ней больше никакого чувства, кроме одного, острого, болезненного, все убивающего, все сжигающего. Несчастья и горести ниспосылаются нам Провидением для испытания нас, для укрепления нас в жизни подвижнической. Величайший подвиг терпеть без ропота до конца дней своих все, что ниспосылается нам в этой земной жизни, полной печали и слез. Претерпевший до конца, тот спасен будет.

Никогда не нужно приписывать себе тяжелых случаев, бывших с тобою и близкими тебе. Нет, все сие не от тебя, а ниспосылается тебе как крест. Неси же его благодушно, воодушевленный светлой надеждой и твердой верой, что там „идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание”, там, в вечной жизни, скорбь, перенесенная здесь с упованием и терпением, даст тебе и твоим близким такую радость и такую близость к совершенной Любви и Истине, которую и вообразить себе человек не может. Если ты несешь скорбь с терпением, этим ты свидетельствуешь свою верность Христу, свою преданность

Спасителю и свою любовь к Воскресшему из мертвых и нас всех к Себе зовущему.

Не будем же мы любить то, что непрочно; всякое земное благополучие непродолжительно и оканчивается смертью. Будем всегда стремиться прежде всего к вечному и помнить о вечной жизни и, главное, помнить о своем конце и святые слова Евангелия: „В чем застану, в том и сужу”.

Был у старца еще дружок в Сергиевой Лавре — это блаженный Николай. Замечательная это была личность. Фамилия его была Ивансен Николай Александрович. Отца его звали Оскаром. Он переменял имя, приняв православие. Имя его матери Наталия. Блаженный Николай по званию был военный, но недолго он был здоров. Тяжелый крест болезни нес он; заболев, он сорок лет не вставал с постели. Сначала он лежал на частной квартире, а впоследствии его перевели в монастырскую богадельню. Родные его умерли, и ухаживать за ним было некому — всем он был чужой. Он мужественно терпел и молился. За его необыкновенное терпение и смирение Господь одарил его прозорливостью. О. Зосима стал часто к нему похаживать, и блаженный очень полюбил его. Николай за десять лет до революции предсказал, что царя не будет и что Сергиева Лавра будет закрыта и всех монахов разгонят и будут они жить по частным квартирам. О. Зосиме даже сказал место его будущего жительства: „В Москве жить будешь, и дадут тебе разоренное подворье монастыря. У чад своих духовных будешь жить. И в Москве же сделают тебя архимандритом. Я говорю вам: готовьтесь все вон из Лавры”. Никто ему в

то время не верил, странными и нелепыми казались всем его слова.

Однажды исцелил Николай болящую слепотой Марию, сестру о. Зосимы. Десять лет не видела старушка Божьего света. Блаженный благословил помазать ей глаза из лампадки, горевшей у него перед иконой, и прозрела раба Божия Мария и еще десять лет прожила зрячею.

Однажды пришел к нему один молодой человек, а о. Зосима сидел у своего дружка. Блаженный хватил у него шапку и говорит: „Не отдам, не твоя, твоя за вагоном валяется”. Когда он вышел от блаженного, о. Зосима попросил открыть ему, что он сделал со своей шапкой. „А вот что, — произнес молодой человек, — когда я шел из вагона, смотрю, пьяный валяется, а около него лежит новая шапка, я и взял ее себе, а свою старую бросил за вагон; вот и обличил меня блаженный, видно, ему все открыто”.

Поистине это был дивный раб Божий. Несколько лет подряд его причащали ангелы, приходя в виде монахов с игуменом во главе, — который исповедовал его. Монахи дивно пели... Приходили они к нему ночью. Блаженный не знал, что это небесная милость к нему, принимая их за монахов и думая: „Вот как хорошо относятся ко мне игумен и братия, днем им некогда, так вот ночью в святые дни они утешают меня многогрешного”. О. Зосима не знал об этом, и когда узнал от братии, что в монастырской богадельне лежит тяжело болящий Николай и что его вот уже более тридцати лет никто не приобщал Св. Таин Христовых, он пошел к нему причастить и посповедовать его. Поблагодарил его блаженный Николай и сказал ему: „Я так счастлив, что все боль-

шие праздники игумен с братией меня всегда причащают”, и рассказал ему все. Сложил в сердце о. Зосима слова блаженного, но ничего не сказал ему и только после смерти его поведал о дивном чуде, явленном многострадальной душе, которая в великом терпении несла свой крест.

Дар прозорливости дан был и о. Зосиме.

[...] Ему можно было ничего не говорить, он знал все — и прошлое, и будущее. Один старый священник пришел к нему на исповедь, и очень трудно ему было все открыть, что мучило его. Старец начал перечислять ему грехи и говорит: „Вот сколько у меня грехов и какие, ну и у тебя ведь те же грехи, кайся, и я отпущу тебе их”. Священник был поражен. Старец нарочно перечислил все его грехи, и чтобы прикрыть свою прозорливость, сказал: „Вот какие у меня грехи...”. Этот священник сам мне рассказывал об этом.

Как-то раз о. Зосима сказал: „Я просил Господа, чтобы Он вошел в меня, чтобы я ничего сам не смел говорить, а говорил лишь то, что повелит мне сказать Господь. И бывает мне иногда благоговейно страшно внутри себя ощущать силу и голос Божий. Знаю, что больно иногда словом моим делаю людям, а иногда Бог утешает словом моим, но я обязан им говорить то, что внушает мне сказать Бог. Своего я никогда не говорю теперь, ничего, ничего”. И сбывается всегда слово Божие, потому что оно есть Истина и Жизнь.

[...] Не переставал старец Зосима напоминать людям о вечности, не проходил равнодушно мимо душ, гибнущих от неверия. Всех-то ему было жаль. Не пройдешь же мимо реки, в которой бедные не-

сознательные дети тонут [...] Как же пройти мимо безбожников, грешников, мимо еретиков, которые тонут, тонут в реке заблуждений и тонут на всю вечность, в которой дно адаво поглотит их навсегда. Бедные заблудшие дети, не видящие козней дивола!

Старец иногда говаривал неверующим людям: „Что вы забыли Бога, не знаете Бога, не видите Бога, тогда как верующие люди видят Бога гораздо ярче, чем вы видите солнце и небо... Но видят сердцем... Ну а меня, грешного Зосиму, вы все знаете и видите, вспоминайте хоть меня и мою любовь к Богу, а я за вас припаду ко Господу и умолю Его. О бедные, потерявшие разум люди, кто повредил вам? Думаю, те, кто, называя себя христианами, не исполняют основной заповеди любви к ближнему. Ведь цель христианской жизни состоит в том, чтобы стяжать Духа Святого внутри себя и чтобы этим Духом измененная природа человеческая, как бы вся просвещенная и укрепленная, служила своим ближним в подвиге чистой любви, в примерах высочайшей мудрости и красоты. Как надо приобретать это сокровище сокровищ Царя Небесного в сердце свое, об этом учат нас все святые житиями своими и боговдохновенными писаниями.

Любовь к преп. Сергию была у старца особенно глубока, он как бы жил его мыслями и желаниями, проникая в глубины сердца Преподобного. Не хотелось старцу расставаться с местом подвига любимого святого [...] Вся братия была выселена и он остался один [...] Пришли несколько человек из администрации и стали требовать, чтобы старец немедленно оставил свою келью. „Уходи вон из Лавры”. —

„Нет, сейчас не пойду”, — сказал старец. — „Мы вытолкаем тебя, что это такое!” — гневно кричали на старца. Старец взял крест и им обвел помещение, вернее, обнес и сказал: „Попробуйте-ка, осмелитесь перейти через эту черту, которой я так обвел свою келью, попробуйте и тотчас же упадете мертвыми...”. — „Что это за старик?” — смущенно заговорили пришедшие. Сила слов старца была так велика, что никто из них не осмелился переступить за черту, за которую не велел им входить о. Зосима. Страшно даже было: молодые, здоровые, вооруженные, почувствовали страх и сказали: „Оставим этого старика, он сам уйдет”. Постояли и разошлись.

До последней минуты молился старец и за всех, и просил Преподобного простить тех, кто нарушил заповеди Бога. Просил благословения для всех разъезжавшихся по частным квартирам братьев. Просил Преподобного снова, когда будет это угодно Царице Небесной, открыть свою Лавру, чтобы в ней спаслось монахов множество. Он вспоминал видение преп. Сергия, который однажды узрел множество птиц и было ему откровение, что так умножатся ученики его, что и счесть их будет трудно.

Наконец, пришло и его время, о. Зосима последним ушел из Троицкой Лавры Преподобного и Богоносного отца нашего Сергия игумена Радонежского. Когда закрыли Троице-Сергиеву Лавру, то настоятель Лавры обратился к старцу с великой скорбью: „Куда же мне теперь поместиться?” Старцу стало жаль настоятеля, он сказал ему: „Иди туда, куда меня благословил Преподобный, там тебе будет хорошо, а я пойду туда, куда глаза глядят”. И пошел о. Зосима в Москву. Приходит к Сухаре-

вой башне, там недалеко была часовенка. Монах, прислуживающий в часовенке, спросил его: „Откуда ты, старче Божий?“ — „Из разрушенной пустыньки“, — был смиренный ответ. — „Останься у нас ночевать“. — „Нет, — ответил старец, — я боюсь, вас всех арестуют“. И ушел. Старец пробрался на Сербское подворье к своему духовному сыну о. С.Б.В. В это время у С.Б. была в гостях Е.Г.П. Узнав, что старцу негде жить, она пригласила его к себе. Таким образом и переехал на Тверскую многострадальный наш изгнанник. Во дворе их квартиры было еще не закрыто Саввинское подворье, и старец иногда служил там.

Через несколько времени народ почувствовал благодать, живущую в старце, и стал приходить к нему в келию. Но хозяева далеко не всех допускали к нему. В церкви же толпа теснилась к старцу, он и утешал, и ободрял, и бесов изгонял. Стоило скорбящему человеку хоть несколько минуток поговорить со старцем, вдруг сразу вся тоска и грусть куда-то пропадали, в сердце водворялась тишина, ум зрел Бога, и так хорошо, детски чисто и ясно становилось на душе, как в пасхальную ночь счастливому ребенку, окруженному любовью близких и родных, еще не вкусившему горя, еще не знавшему страстей и грехов. Старец как бы воскрешал, обновлял души, обращавшихся к нему. Прозорливость старца невозможно описать, он видел далеко вперед жизнь каждого человека. Некоторым людям предсказывал их близкую кончину, других же, как нежная заботливая мать, ничего не говоря, подготавливал к переходу в вечность.

Не раз мы слышали от старца такие слова: „Иной раз я говорю совершенно неожиданно для себя, нечто такое, чему и сам дивлюсь. Я передал и уста, и сердце свое, и душу свою Спасителю и Господу нашему Иисусу Христу, и что Он внушает, то говорю и то делаю. Нет у меня своих слов, нет у меня своей воли”.

Однажды пришла старушка со своей родственницей, здоровой и цветущей девушкой, к старцу. Вдруг старец говорит девушке: „Ты завтра приобщись Св. Тайн Христовых, я исповедую тебя. А сейчас иди и вымой мне лесенку, она, правда, почти чистая, да это так для тебя говорю, да на каждой ступеньке вспоминай свои грехи и кайся, а когда будешь вытирать, вспоминай все хождение души по мытарствам”. Когда девушка ушла мыть лесенку, ее родственница с удивлением спросила старца: „Зачем же ей причащаться завтра, ведь не пост, она не готовилась, здоровье ее цветущее, она и в пост поговееет”. — „Завтра поймешь, почему ей нельзя откладывать причастие, после ранней обедни сама придешь ко мне, тогда и поговорим”. Когда девушка вымыла лесенку, старец ее поисповедовал, отпустил ей грехи за всю ее жизнь и так ласково, ласково, с отеческой любовью смотрел на нее. Напоив их обеих чайком, он простился с ними. На следующий день девушка причастилась, чувствовала она себя прекрасно и радостная пришла домой. Ее родственница напекла пирогов и пошла ставить самовар. А девушка присела на стул и как бы заснула. Господь взял ее душу безболезненно, моментально. Ошеломленная ее кончиной, старушка побежала к старцу и застала последнего за молитвой за новопреставленную. Он утешал старушку: „Ну,

что же ты, я же знал, что Господь ее возьмет, потому и благословил ее спешно причаститься". И много еще говорил он, утешая пораженную внезапной кончиной старушку.

Однажды, когда батюшка служил в церкви, пришла на службу никогда не знавшая его дама и, увидав его, такого старенького и удивительно худого, подумала: „Ну уж какой монах, где ему привлечь в церковь народ, он и ходящих-то всех разгонит". Вдруг старец вместо того, чтобы входить в алтарь, стал пробираться сквозь толпу прямо к этой даме и сказал ей: „Ольга, не бойся, никого я не разгоню". Пораженная его прозорливостью, дама, имя которой действительно было Ольга, упала в ноги старцу, прося у него прощения за свои мысли, а потом всегда приходила к нему за советом.

Одна монахиня, сидя за столом с батюшкой, подумала: „Если бы я была ученая, совсем бы другое дело было, я бы угодила Господу скорее, чем теперь, когда я такая малограмотная". Старец, взглянув на нее, сказал: „Богу ученые не нужны, Ему одна любовь нужна".

Одной рабе Божией негде было отдохнуть, ни у знакомых, ни у родных, а батюшка и говорит: „Не горюй, каждый кустик ночевать пустит". И к удивлению одинокой женщины малознакомые люди стали умолять ее приехать к ним на отдых в деревню.

Однажды старец сидел со своими духовными детьми за столом и угощал их обедом, вдруг быстро встал и говорит: „Вот так Пелагея моя, как кается, как просит меня отпустить ей грехи, плачет даже, подождите деточки, оставьте трапезу, помолитесь со мной". Старец подошел к углу с иконами, прочел

разрешительную молитву и благословил кающуюся духовную дочь. „Да где же она сейчас кается, батюшка?” — „Да она на севере сейчас. Вот я и спрошу ее, когда приедет, о ее покаянии. Запомните нынешний день и час”. И действительно через полгода приехала на родину Пелагея, рассказала старцу, как глубоко она каялась и просила старца разрешить ее в тот час и день, в который старец разрешил ее от грехов.

Еще был случай с двумя дамами; идут они в келию к старцу и одна всю дорогу кается о своих грехах: „Господи, как я грешна, вот то-то и то-то не так сделала, того-то осудила, прости же Ты меня, Господи!..” Всю-то жизнь она перебрала и все каялась.

Другая же шла спокойно к старцу. „Приду, исповедуюсь, во всем грешна, скажу, а завтра причащусь, вот сейчас по дороге обдумую, какую бы мне материю купить на платье моей дочурке и какой бы фасончик ей выбрать, чтобы шло к ее личику...”. И тому подобные мирские мысли занимали сердце и ум второй дамы.

Обе вместе вошли в келию к батюшке Зосиме. Обращаясь к первой, старец сказал: „Становись на колени, я сейчас отпущу тебе грехи”. — „Как, батюшка, да ведь я вам еще не сказала”. — „Не надо говорить, ты их все время Господу говорила, всю дорогу каялась Ему, а я все слышал, так что я сейчас разрешу тебя, а завтра благословлю причаститься”. „А ты, — обратился он через некоторое время к другой даме, — ты иди, купи на платье своей дочери материи, выбери фасон, сшей, что задумала. А когда душа твоя придет к покаянию, приходи на исповедь. А сейчас я тебя исповедовать не стану”.

Еще значительную силу прозорливости старца Зосимы испытали на себе две студентки, пришедшие в келью старца. Наслушались они от других о замечательном уме батюшки и его необыкновенной рассудительности и решились спросить у него обо всем, что только их интересовало и мучило. Они решили сразу выяснить все недоумения своей жизни. Они записали вопросы самые разнообразные: и общественные, и эстетические, и философские, и семейные, и просто психологические затруднения. У одной студентки оказалось таких вопросов чуть не сорок, у другой пятнадцать. Пришли... старец занят, у него много народа. „Подождите, деточки, посидите там в уголку, я должен с ними сначала заняться, они издалека приехали”. Студентки ждут и ждут. Вот уж и терпенья не хватает больше ждать. Вдруг старец взглянул на них: „Что спешите? Ну, ты первая, Любовь, вынимай свои сорок вопросов, бери карандаш и пиши”. — „Я сейчас прочту их вам, батюшка!” — „Не надо читать, так пиши ответы”. И на все 40 вопросов дал ответы старец, не пропустил ни одного, и все ответы — исчерпывающие. И у другой, опять, не читая, не спрашивая, что хотят узнать от него, дал ответы в том же порядке, как были записаны вопросы. „Ну, теперь идите. Обдумайте, что я вам сказал. Господь да благословит вас, а ко мне страждущие придут, мне сегодня некогда, приходите в другой раз”.

Всю свою жизнь эти две студентки были глубоко преданы старцу. Одна из них умерла сорока с чем-то лет от чахотки, и на смертном одре увидела старца — он пришел к ней и благословил ее. Живой стоял у кровати. А когда она была в ссылке, то старец приснился ей, во сне совершил над ней постриг и нарек

ей имя Анастасия, хотя жизнь ее сложилась так, что и думать о постриге было трудно.

Несколько раз старец назначал людям смерть или предсказывал о ней. Была у старца одна духовная дочь — старушечка, купчиха Решетникова. Часто посещала она старца. Вот приходит она однажды к старцу в слезах. „Измучилась, — говорит, — я с сынком своим Павлом, он совсем опустил, впадает в тяжкие грехи. Бога не почитает, в церковь не ходит, Таинства не принимает, родителей обижает, пьет, курит и кутит с разными женщинами. Я говорила ему, останавливала, просила, увещевала. Насмехается он надо мной и все свое творит. Ночи перестала я спать, глаз не осушаю, жаль сынка-то, гибнет сердечный, гибнет желанный. Жизнь земная, как сон пролетит, а что он заслужит там, в вечной-то жизни? Ведь верь-не верь, а каждому человеку придется давать Господу ответ за каждое свое дело и слово. А мой Пашенька ругаться стал непристойной матерной бранью, черное слово употребляет постоянно. А покойный батюшка, о. Аристоклий, говорил, что худшего нет оскорбления Господа и Царицы Небесной, как если кто ругается этой бранью — этим он оскорбляет Господа и Царицу Небесную и мать сыру землю, и матушку свою родную. А мой Павел... — и старушка горько заплакала.

Жаль было старцу страданицу, он утешал ее, давал советы, да все не впрок. Павел попирал их ногами, ставя их в ничто, и продолжал неистовствовать. Однажды мать чуть не насильно привела к о. Зосиме сынка. Он нагрубил старцу и продолжал жить так, как ему хотелось, удовлетворяя все прихоти плоти. Старец молился за Павла, стараясь пробудить в нем хоть искру покаяния, но тот не исправ-

лялся. С грубой насмешкой и презрением относился он к духовенству и не желал слушать ничего духовного, святого. Однажды старец встретил Павла на улице и заговорил с ним с лаской и сердечным вниманием. Грубо оборвал его молодой человек и с какой-то насмешкой сунул ему рубль. Старец тотчас отдал этот рубль нищим и молил Господа, чтобы и эту милостыню, так холодно поданную, все же Господь принял и ради этой милостыни спас бы душу заблудшего и потонувшего в грехах юноши. „Господи, Царица Небесная, откройте мне, что надо сделать, чтобы не погибла душа Павла, чтобы он покался и наследовал жизнь вечную”. Не раз у Престола Божия ходатайствовал он за него, и открыл Господь старцу, что Павел только тогда покается и спасется, если назначить ему скоро смерть и определенный месяц и число. Жаль стало старцу матери, молил он Господа, может быть, можно как-нибудь иначе исправить Павла. Ответ был опять такой же. „Нет иного пути для него, поговори с матерью, назначь смерть”.

Вот опять пришла старушечка-мать к старцу и, заливаясь слезами, рассказала о безобразиях сына. „Мать, — сказал ей с дерзновением старец, — если хочешь, чтобы спасся сын твой, то согласишься на то, что я назначу ему через год смерть; тогда он опомнится, заболит — одумается, покается, причастится Св. Христовых Тайн и умрет христианином, иначе не придет он к Богу и погибнет душа его навек. Согласна или нет? Говори!”

Долго не соглашалась старушка, но время шло и шло, и Павел становился все хуже и хуже, и наконец, сама мать, придя к старцу, стала просить его, чтобы он поступил с ее сыном, как ему на то укажет

Бог, и если нужно, чтобы назначена была ему смерть, пусть назначает, лишь бы спаслась душа любимого сына. „Ну, старица, скажи сыну твоему, что назначаю ему смерть ровно через год такого-то месяца и числа в такой-то час, пусть кается и готовится к вечности”. Заплакала старушка, но уже не слезами отчаяния, а глубокими слезами веры, прозревающими в даль, в вечность. Мать сказала сыну, тот не обратил ни малейшего внимания на ее слова. Но время шло, приближался срок исполнения слов о. Зосимы, и молодой цветущий Павел слег на смертный одр, заболев сыпным тифом. Через несколько дней пришел к покаянию, позвали священника из Новодевичьего монастыря; умирающий поисповедывался, причастился, простился со всеми и, как дитя, спокойный, умиленный, отошел в вечность, попросив у всех прощения, укрепившись в вере, надежде и любви. Пораженная мать немедленно пошла к старцу, чтобы сообщить ему о кончине сына. Войдя в келию она была крайне удивлена, застав старца, кончающего панихиду о ее новопреставленном сыне Павле.

„Вот видишь, старица, какова милость-то Божия. В Царство Небесное попал твой сыночек, не пропал его рубль, поданный неимущим. Легкую, блаженную кончину дал ему Господь. Он забыл грех один исповедовать духовнику, и я отпустил его ему заочно. Ну, а теперь ты не горюй, а радуйся и сама готовься в Небесные обители. Твой час тоже очень близок”.

Павел скончался именно в тот месяц, день и час, в который назначил ему скончаться о. Зосима.

Старец Зосима учил своих духовных детей чтить и любить Пресвятую Троицу. Бог один, но троичен,

и эта тайна Святой Троицы есть величайшая Любовь, Мудрость и Истина. Вне Троицы мыслить и чувствовать Бога нельзя. Бог есть Троица. Все, что напоминает Св. Троицу, о. Зосима отмечал и благоговейно возносился сердцем к Богу. Если просто соберутся три человека, он тотчас же вспомнит Св. Троицу и говаривал: „Хорошо, хорошо втроем в честь Святой Троицы и трапезы вкусить, и побеседовать о Вышнем”. Горит ли лампадка, старец выговаривал: „Вот теплится огонек, гореть он может потому, что есть фитилек, масло и огонь. Три составляют одно — горение лампы”.

Одну из своих духовных дочерей старец благословил нарисовать ветхозаветный образ Св. Троицы. Он изображается так: Авраам принимает трех странников в виде ангелов и служит им. А новозаветная Св. Троица на иконах изображается так: Бог-Отец в виде старца, Бог Сын Спаситель Господь наш Иисус Христос, а Дух Святой изображается в виде голубя. С иконой Св. Троицы не расставался старец и всегда держал ее в своей келии, а после смерти эта же икона сопровождала тело его и в церковь, и в могилу.

„Надо каждому христианину познавать и любить Святую Троицу”, — наставлял своих деток старец. „Упование мое — Отец, Прибежище мое — Сын, покров мой — Дух Святой”, „Пресвятая Троица, помилуй нас”.

„Необходимо каждому христианину знать службу Св. Троицы. Нужно изучать церковную службу и церковный устав, так как красота христианского богослужения и глубина выше ангельской, это связь земли с небом. Это хор ангелов и людей, стремящихся к соединению своих сердец с Богом и воли

своей с волей Божьей. Нужно следить за тем, чтобы чиста была душа, чтобы предана она была вся, вся Богу. Не надо лгать, лукавить, унывать словом, делом и жизнью, и помнить надо, что диавол — отец лжи, и кто лжет, делает себе отцом диавола”.

Старец рассказал и даже продиктовал один случай, трогательный по своей глубине, происшедший с одним человеком, совершенно не знавшим лжи, отличавшимся младенческой правдивостью. Здесь выведена душа чистого, прямого, по-детски крепко и просто веровавшего человека, не имевшего никакого образования, но обладавшего чистою душою и волею стремящегося к Богу, которая делает человека, мало чем меньше ангела, поистине он становится мудрым, способным видеть горняя как дальнее.

Этот случай произошел в России в глухой-преглухой деревне, отстоящей от села в нескольких сотнях верст. Жил там крестьянин, сирота, совершенно неграмотный, но очень трудолюбивый, он всегда трудился, ни одной минуты не проводил праздну. Душа у него была кристально чистая. Всегда и во всем он прислушивался к своей совести. Совесть его была правая, не немощная, а истинно правая, чуткая, строгая. Не оскорблял простец никогда ее послушанием и потому всегда слышал ее голос. Если человек раз, два и т.д. слушается своей совести, то перестает ее слышать. Подобно тому, если человек поставит себе будильник и не будет вставать по звонку, раз, два, то потом будет спать и совсем перестанет слышать звонок будильника. Но вернемся к простцу. Простец был постник, довольствовался самым малым; всегда был бодр и жизнерадостен, никого не осуждал, себя считал гораздо хуже и ниже всех. Однажды слышал он от какого-то странни-

ка, что для того, чтобы спастись, надо взять крест свой и идти за Христом. Наш простец взрослым ни разу не был в церкви, так как она была очень далеко от деревни. Младенцем его крестили в церкви, но он сего не запомнил. „Надо взять крест свой и идти за Христом” — наш простец понял эти слова буквально. Заказал огромный деревянный крест и решил идти с ним вслед за Христом. Его чистой душе хотелось к Богу, сердце жаждало спасения, но как идти? Куда? Где Христос? Крест есть, но куда нести его? Оставил простец все небольшое имущество свое, работу свою, взвалил крест на плечи и пошел... Пошел, как говорят, куда глаза глядят... Долго-долго он шел и наконец в глухом лесу наткнулся на какой-то мужской монастырь. Он постучал в ворота. „Ты кто такой? — спросил удивленно привратник. — Куда с крестом лезешь-то?” — „Да вот крест свой несу, не знаю, как к Христу прийти, не укажете ли мне?” — „Вот чудак какой, пойду скажу игумену”.

Пошел монах, сказал игумену; тот подивился и велел привести к себе простеца. „Да не идет, все не хочет оставить креста своего, а с крестом не может войти к вам в келию, столь он велик у него”. Игумен вышел сам к простецу. Поговорил с ним и узрел в нем игумен человека Божия.

— Ну хочешь, мы поможем тебе прийти ко Христу, мы тоже идем к Нему?

— А где же ваши кресты? — спросил пришедший, — ведь без креста Господь не примет.

— Они в нас, мы несем их внутри себя, — сказал игумен.

— Как это? — подивился пришедший.

— А вот сам увидишь, как. А пока благословляю

остаться, и будет тебе послушание — уборка в церкви. Туда же, в церковь, возьми и снеси свой крест.

С трепетом вошел в церковь простец и стал убирать ее. Поднял голову и замер. Там наверху, как раз над алтарем, был сделан большой деревянный крест и на нем изображен был Господь распятый во весь рост. Ничего подобного никогда не видел наш простец. Он взглянул пристально. В руки и ноги были вбиты гвозди и сочится кровь. На груди тоже кровь и рана. Голова вся окровавлена, лицо опухло и избито... Кто это? Кто Ты, человек? Ты тоже нес свой крест и не расставался с ним? Но как это Ты там на нем все висишь? — и сердце простеца все излилось кровью. Он почувствовал такую любовь и жалость к страдальцу, что, кажется, жизнь бы отдал, лишь бы служить страдальцу и помочь ему. „Но как же Ты без еды там все висишь? Сойди, сойди с креста, я покормлю Тебя”, — и простец на коленях воздел руки и все молил и молил... „Сойди, приди ко мне, научи меня, как и куда нести свой крест, может быть и мне надо распяться на нем?” Так молил он Распятого несколько дней и ночей, всем сердцем припадая к Нему и сам весь обливаясь слезами. И сошел распятый Господь со креста, вняв мольбам, возносимым к Нему от всего сердца, и учил Господь простеца, как надо нести крест свой, чтобы прийти в Царство Небесное, и открыл Господь тайну Троицкого Бога простецу. Тайну любви Святой Троицы: Отца и Сына и Святого Духа. „Я Сын Отца Небесного и крестом Своим род человеческий искупил, и без креста никто не войдет в Царство Небесное. Никто без креста не получит в сердце свое благодати Духа Святого. Только надо соединить свой крест с крестом Гол-

гофским и обвить его, как розами, делами милосердия”.

Всему внял простец и принял в сердце Духа Святого, и открыл ему Господь, что через несколько дней отойдет он в Царство Небесное. И стал с радостью готовиться к смерти наш простец, непрестанно молясь и благодаря за все Бога. И открыл он игумену час кончины своей. Игумен прослезился и просил замолвить и за него слово перед Господом. От всего своего чистого сердца стал просить простец за игумена. „Возьми и его в Царство Небесное, освободи от этой временной жизни”. — „Но за что его, он еще не готов”. — „О, возьми его за ту милостыню, которую он давал мне, двойную порцию хлеба, половину которой я и приносил Тебе. Сотвори ему милость ради его милости. Возьми его в Царство Небесное. Господи Боже наш, Ты Спаситель наш, за нас распятый, исполни мольбу мою, не лиши и его Своей неизреченной милости и радости”.

И внял Господь мольбам простеца и открыл ему Господь час смерти игумена, и поведал тому простец час кончины его. И стал игумен готовиться к переходу в вечность. В назначенный день и час отошел простец к Господу, и через две недели, в назначенный день и час, отошел игумен ко Господу.

Особенно любил о. Зосима Царицу Небесную. Он всегда как бы предстоял перед Нею. Старец велел всем своим чадам, как к игумении своей, постоянно к Ней обращаться и на все дела свои брать у Нее благословения. „Без благословения Царицы Небесной, детки мои, ничего ... (в рукописи страница пропущена) любовью к Богу и духовных чад своих, уча их не привязываться к земле, а смело готовить-

ся к вечной жизни, всегда пребывая с Царицей Небесной. Другой, о. Александр Гумановский (в монашестве Даниил), кроткий и тихий, весь ушедший в любовь к Царице Небесной. Вся его жизнь была как бы постоянным служением Приснодеве: все его духовные чада ежедневно творили 150 молитв Богородице, некоторые из них удостоились перейти в вечную жизнь, вознося Архангельское обрадование Честнейшей Херувим и Славнейшей без сравнения Серафим. Оба эти старца умерли в ссылке.

Вот отрывок из письма кротчайшего о. Александра Гумановского, прозванного за любовь к Царице Небесной „Богородичным старцем”, к одному из духовных чад:

„...забыл я вам предложить существенный спасительный совет. Читайте ежедневно 150 раз „Богородице Дево” и эта молитва вас спасет. Это правило дала Сама Матерь Божия, около VIII века, и его исполняли когда-то все христиане. Мы православные забыли о нем, и преп. Серафим напоминает нам об этом правиле. У меня в руках рукописная книга из келии преп. Серафима с описанием чудес по молитве к Богоматери и, в частности, от чтения 150 раз „Богородице Дево”. Если по привычке трудно будет одолевать ежедневно 150 раз, читайте поначалу 50 раз. После каждого десятка читайте один раз „Отче наш” и „Милосердия двери отверзи нам”. Кому бы ни говорил я об этом чудодейственном правиле, все оставались благодарны...”

Старец Зосима весьма ценил и любил владыку Серафима Звездинского и всегда отзывался о нем так: „Это святой архиерей”. (Владыка Серафим Звездинский ежедневно исполнял Богородичное правило, причем, исполняя его, он молился за весь

мир и охватывал этим правилом всю жизнь Царицы Небесной.) Одному из своих духовных детей он дал списать схему, в которую он вкладывал свою молитву Приснодеве Матери. Вот она:

Первый десяток: вспоминаем Рождество Богородицы — молимся о матерях, отцах и детях.

Второй десяток: вспоминаем Введение во Храм Пресвятой Девы Богородицы — молимся о заблудших и отпавших от Церкви.

Третий десяток: вспоминаем Благовещение Пресвятой Богородицы — молимся об утлении скорбей и утешении скорбящих.

Четвертый десяток: вспоминаем встречу Пресвятой Богородицы с праведной Елизаветой — молимся о соединении разлученных, у кого близкие или дети пропали без вести.

Пятый десяток: вспоминаем Рождество Христова — молимся о возрождении душ, о новой жизни во Христе.

Шестой десяток: вспоминаем Сретение Господне и прореченное св. Симеоном слово: „и Тебе Самой оружие пройдет душу”. Молимся, чтобы Матерь Божия встретила душу в час кончины и сподобила при последнем издыхании причаститься Св. Тайн и провела бы душу через страшные мытарства.

Седьмой десяток: вспоминаем бегство Божией Матери с Богомладенцем в Египет. Молимся, чтобы Царица Небесная помогла избавиться от искушений в этой жизни и избавила бы от напастей.

Восьмой десяток: вспоминаем исчезновение 12-летнего отрока Иисуса в Иерусалиме и скорбь Божией Матери по поводу этого. Молимся, испрашивая у Богоматери постоянную Иисусову молитву.

Девятый десяток: вспоминаем стояние Божией

Матери у Креста Господня, когда скорбь, как оружие, пронзила Ее душу. Молимся Божией Матери о подкреплении душевных сил и об отгнании уныния.

Десятый десяток: вспоминаем чудо, сотворенное в Кане Галилейской, когда Господь превратил воду и вино по слову Божией Матери: „Вина нет у них”. Просим у Божией Матери помощи в делах и избавления от нужды.

Одиннадцатый десяток: вспоминаем Воскресение Христово и молитвенно просим Божию Матерь воскресить душу и подать новую бодрость к подвигу.

Двенадцатый десяток: вспоминаем Вознесение Христово, при котором присутствовала Матерь Божия. Молимся и просим Царицу Небесную вознести душу от земных и суетных забав и направить на стремление к горнему.

Тринадцатый десяток: вспоминаем Сионскую горницу и сошествие Святого Духа на Апостолов и Божию Матерь. Молимся „сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей. Не отвержи мене от Лица Твоего и Духа Твоего Святого не отыми от мене”.

Четырнадцатый десяток: вспоминаем Успение Пресвятой Богородицы и просим мирной и безмятежной кончины.

Пятнадцатый десяток: вспоминаем Славу Божией Матери, которой увенчивается Она Господом после переселения Ее от земли на небо и молим Царицу Небесную не оставлять верных, сущих на земле, но защищать их от всякого зла, покрывая их честным Своим Омофором.

После каждого десятка Владыка Серафим молился своими собственными молитвами, которых он

никому не открывал, так что эти молитвы знают только Господь и Царица Небесная.

Некоторые из исполняющих Богородичное правило придерживаются схемы влад. Серафима, но уж своих молитв не умеют возносить. Одна из монахинь возносила такие молитвы после каждого десятка:

После 1-го: О Пресвятая Владычице Богородице, спаси и сохрани рабов Твоих (имена родителей, и сродников, и знакомых), умножь их веру и покаяние, а умерших со святыми упокой в вечной славе Твоей.

После 2-го: О Пресвятая Владычице Богородице, спаси и сохрани и соедини к Святой Православной Церкви заблудших и отпавших рабов (имена).

После 3-го: О Пресвятая Владычице Богородице, утоли наши скорби и пошли утешение скорбящим и болящим рабом Твоим (имена).

После 4-го: О Пресвятая Владычице Богородице, соедини в разлуке находящихся рабов Твоих.

После 5-го: О Пресвятая Владычице Богородице, даруй мне во Христа крестившемуся, во Христа облекошуся.

После 6-го: О Пресвятая Владычице Богородице, сподоби меня при последнем издыхании причаститься Св. Тайн Христовых и Сама проведи душу через страшные мытарства.

После 7-го: О Пресвятая Владычице Богородице, не введи мя во искушение в сей жизни и избави мя от всяких напастей.

После 8-го: О Пресвятая Владычице Богородице, даруй мне непрестанную Молитву Иисусову.

После 9-го: О Пресвятая Владычице Богородице,

помоги мне во всех делах моих и избави мя от всяких нужд и печали.

После 10-го: О Пресвятая Владычице Богородице, укрепи мои силы душевные и отжени от меня уныние.

После 11-го: О Пресвятая Владычице Богородице, воскреси душу мою и даруй мне постоянную готовность к подвигу.

После 12-го: О Пресвятая Владычице Богородице, избави мя от помышлений суетных и даруй ми ум и сердце, стремящееся к спасению души.

После 13-го: О Пресвятая Владычице Богородице, ниспосли и укрепи благодать Св. Духа в сердце моем.

После 14-го: О Пресвятая Владычице Богородице, даруй ми мирную и безмятежную кончину.

После 15-го: О Пресвятая Владычице Богородице, сохрани мя от всякого зла и покрой мя Честным Твоим Омофором.

Но далеко не все могут исполнять Богородичное правило по схеме, данной влад. Серафимом, почти все исполняют его так, как написал старец о. Александр Гумановский своему духовному сыну в приведенном мною письме.

Еще очень чтил и никогда не оставлял старец Зосима чтения Псалтири. Ежедневно читал 3 кафизмы, а когда бывал болен, благословлял других прочесть их ему вслух. Неукоснительно читал Евангелие и Псалтирь и творил постоянную молитву.

Нас, духовных детей своих, учил почаще обращаться с молитвой к преп. Сергию Радонежскому чудотворцу, которого он не раз видел наяву. „Свидетельствую моей совестью, — говорил старец, —

что преп. Сергей с воздетыми руками стоит у престола Божия и молится за всех. О если бы вы знали силу его молитв и любви к нам, то каждый час обращались бы к нему, прося его помощи, заступничества и благословения за тех, о которых болит ваше сердце, за живущих здесь на земле родных и любимых и находящихся уже там — в вечной жизни.

Одну из своих духовных дочерей старец совершенно вручил преп. Сергию. „Благословляет тебя на постоянную молитву Преподобный и Богоносный отец наш Сергей игумен Радонежский, — прими эти четки, как из рук его”. Частенько, отпуская грехи, говорил ей: „Не я отпускаю грехи твои, а преп. Сергей их отпускает тебе”. В епитрахили старца была зашита часть мощей преп. Сергия.

Много чудес видел старец, стоя по послушанию у раки мощей Преподобного. Видел, как о. Иоанн Кронштадтский подошел к раке и сказал: „Преподобный отче Сергие, друг мой, я хочу тебе подражать, по твоим стопам идти”. И мы знаем, что внял его прошению преп. Сергей.

„Не забывайте, чада мои, никогда подвигов преп. Сергия и преп. Серафима, Саровского чудотворца, подражавшего ему”. „Оба эти святые особенно связаны с милостию Матери Божией. Владычица наяву являлась им, укрепляла, исцеляла их. Не будем же мы забывать Ее любви к этим святым, о которых Владычица сказала: „Этот роду нашего”. Будем как можно чаще прибегать к их заступничеству, будем тщательно запоминать их жития. Будем выучивать на память их наставления. И Матерь Божия не оставит нас и близких нам за молитвы избранных Своих”.

Святые любили Бога и в Боге любили всех людей.

Весь мир во зле лежит, но мир не есть зло (миром во зле называются все страсти вместе). Мы должны святой глубокой любовью облегчать жизнь других людей, особенно страждущих. Мы должны, сами приближаясь к небу постоянным покаянием, и других приближать к Богу. Бог наш есть Бог любви.

Некоторые люди, не имущие в сердцах Бога, называют любовью нечто совершенно противоположное любви, а именно: страсть, эгоистическую привязанность, увлечение и т.п. „Бог любви есть”. Он молился за нас так: „Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил меня прежде основания мира.

Отче праведный! И мир Тебя не познал; а Я познал Тебя, и сии познали, что Ты послал Меня; и Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет и Я в них” (Иоан. 17, 24-26).

Учитесь, учитесь, чада мои, у преп. Сергия и преп. Серафима, учитесь у них постоянной молитве и смиренной православной любви к Богу и ближним”.

Одну из своих духовных чад старец благословил заниматься чтением священных книг и выписками из них. Придет бывало она к старцу; хочет помочь ему чем-нибудь в хозяйстве, не соглашается старец. „Нет, — скажет он, — я уж сам лучше посуду вымою, пол подмету, а ты почитай, расскажи, спроси у меня, что для тебя неясно. Попиши, что подиктую тебе. Благословил я тебя, чадо мое духовное, написать мою биографию. Не хотел бы я ничего о себе другим

передавать, да велит мне сделать сие совесть моя, потому что не для меня недостойного являл Господь тьмочисленные милости Свои и чудеса; а для всех нас, верующих во имя святое Его, для всех чад Церкви Православной... И велит мне Царица Небесная продиктовать хоть часть из тех милостей Божиих, которые видел я за свою многолетнюю жизнь, и избрал я тебя благословением своим, чтобы написала ты все сие и передала это другим, которых я уже не увижу своими телесными очами, но о которых буду молиться и увижу их в другой, вечной жизни, которая одна только поистине и может называться жизнью. Те чудеса, которые явил мне Бог, не для меня одного были явлены, а для всех, как я уже говорил, чтобы прославляли люди Троиединого Господа, чтобы припадали к Царице Небесной во всех своих нуждах и печалях, а также во всех радостях и удачах”.

„Необходимо прославлять Имя Господне. Апостолы и святые именем Господним творили чудеса. Им же и все таинства совершаются. Имя Божие есть самое сильное оружие против нечистой силы, против всех грехов и страстей. Именем Господним бесы ижденут. В имени Божиим Сам Господь Вездесущий”.

Очень часто старец поучал нас постоянной молитве, без которой очень трудно стяжать Святого Духа.

„Навыкайте ни одного дела без молитвы не начинать. Работаешь ли ты по специальности твоей, прежде всего возьми благословение у Царицы Небесной. Перед Ее лицом произнеси молитву Иисусову. А во время службы сердцем чувствуй присутствие Господа. Он все видит, даже мысли и чувства твои. Старайтесь каждое движение ваше, каждое

прикосновение к предмету соединять с молитвой. Молитва рождает смирение, а без смирения нет спасения. Окончив работу, возносите благодарность Господу и Царице Небесной. Чада мои, даже когда по лесенке поднимаетесь или спускаетесь, на каждой ступеньке говорите (про себя и в себе) по словечку из постоянной молитвы. Не благословляю иначе ходить по лестницам. Не спешно творите молитву — и для души это оздоровление и для сердца польза. „Не задаром воздух бьем”. Каждое слово святое — это великая сила. Каждое слово молитвы приближает нас к Богу. Мы опустошили наши слова, оторвав их от Господа. Даже если нужно что житейское сказать, надо в сердце держать молитву. А кто еще не привык держать молитву при разговоре, тот пусть хоть помнит, что говорит он в присутствии Господа, и все, что он скажет, что почувствует, все видит Он, Отец Небесный, находясь здесь. Никогда нельзя забывать о всеприсутствии Божию. Забывать это — грех.

Для водворения в сердце постоянной молитвы требуется: чтобы молящийся не говорил ничего лишнего, праздного, а также чтобы не мечтал, не беспокоился, и необдуманно не делал ничего, что ему захочется, а старался во всем творить волю Божию.

Когда вы читаете утренние и вечерние молитвы, не забывайте, что молитва есть беседа с Богом. Вот вы обратились благодатными словами святых к Богу, но может быть, это для вас и все? Нет. После прочтения молитв с великим вниманием в безмолвии мыслей и чувств нужно постоять хоть несколько минут, ожидая сердцем своим ответа, вразумления и т.д. Эти несколько минут вас многому научат:

сначала три минуты, пять минут, а потом... сами увидите, кому сколько нужно. Прошу вас это исполнить и благословляю. Это усилит вашу постоянную молитву и отречение от своей воли и даст жажду получить (стяжать) в сердце Духа Святого. Молитва — это начало вечной жизни, это дверь, через которую мы входим в Царство Небесное, это дорога, которая ведет нас к Господу и соединяет с Ним. Без молитвы человек не живет, а постепенно умирает, хотя и не сознает этого.

Чада мои, старайтесь приобрести постоянную молитву. Крепко просите о том неусыпающую за нас Молитвенницу Матерь Божию, как я уже не раз повторял вам. Будьте мужественны даже и тогда, когда великие испытания Господь посылает. Одолевают страсти, молитва слабеет, даже не хочется ее творить; все внимание поглощают разные желания и страсти. Да тут еще, как нарочно, такие беды внешние и внутренние встречаются, от которых слабый человек в уныние впадает. Эта страсть — уныние — мертвит все святое, все живое в человеке. Скорей тогда распнитесь крестом, молясь так, как в древности многие из подвижников молились, борясь со страстями. Читайте: „Да воскреснет Бог и расточатся врази Его”. Если у кого есть, прочтите канон Честному и Животворящему Кресту Христову, а потом опять распнитесь крестом и умоляйте Утешителя душ и телес наших умилосердиться над вами, простить вас и войти в душу вашу и изгнать то ужасное уныние, которое убивает вас. Вот несколько слов из канона Честному и Животворящему Кресту:

„Крест всех воскресение, крест падших исправле-

ние, страстей умерщвление, крест помыслов отгниение”.

„Кресте, Ты ми сила буди, крепость и держава, избавитель и предратник на борющая мя, щит и хранитель, победа и утверждение мое, присно соблюдая мя и покрывая”.

„На кресте, Всенепорочная, Сына Твоего яко узрела еси, оружие скорбное утробу Твою растерза, и восклицала еси рыдаючи в болезни: но абие прославила еси Креста силу”.

„Крестообразно, Пречистая откровице Богородице, длани Твои распростерши, ко иже на Кресте Воздвиженному, и молитвы, Дево, ныне принеси, за всех верно молящихся Тебе”.

„Лучами света Твоего падшую мою душу возведи от глубины, Благий Боже, препетый и всесильный, поползшуюся от света благодатного, и во тьму возглубльшуюся”.

„Крестообразно простерши руке, Чистая, к распростершему Свои руке на древе крестнем и вознесшему естество наше и умертвившему враждебные полки, молящи не престай”.

„Кресте честный, хранитель души и тела буди ми, образом своим бесы низлагая, враги отгоняя, страсти упраздняя и благословение даруя ми, и жизнь, и силу, содействием Святаго Духа и честными Пречистыя мольбами”.

Старец о. Зосима иногда при нас изгонял из одержимых нечистых духов, помолясь сначала, распявшись крестом.

Всех чудес, всех наставлений старца невозможно описать, их было так много. Незадолго до своей смерти о. Зосима ездил на богомолье в Саров. Как-

то раз подошел он к источнику Преподобного, в который погружались для исцеления приезжие. Подошел и никак не решался войти в воду. Наконец вздохнул и сказал: „Отче Серафиме, ты знаешь, какой я старый, слабый, больной, дохлый — снести не могу холодной воды, как искупаюсь — заболел и домой не попаду. Помоги мне, согрей воду”. И когда старец вошел в воду — источник стал очень теплый, почти горячий. С великой благодарностью вспоминал об этом старец.

Несмотря на свои тяжелые болезни, о. Зосима всегда был бодр и за все благодарил Бога. Постоянная молитва светилась во всех его движениях и словах. Нас он особенно учил остерегаться уныния. Уныние — это преддверие ада, оно убивает волю, чувство и разум. Еще старец часто говорил нам такие слова: „В чем застану, в том и сужу”. Это говорил он нам для того, чтобы мы никогда не забывали смертного часа, ибо в любой миг можем быть призваны в вечность и потому всегда к этому должны готовиться. Старец очень не любил многословия и неоднократно повторял нам: „В раю много покаявшихся грешников, а говорливого — нет ни одного”.

Когда старец совсем ослаб и не мог себя обслуживать, ему стала ежедневно помогать одна из его духовных дочерей, Агриппина — Грушатка, как он ее называл. Она провела свою молодость в монастыре, живя у своей тетки, монахини. Там получила иноческий постриг. После смерти тетки Агриппина стала жить в миру и служить; образование у нее было малое, опыта духовного тоже мало, но дух стро-

гий, монашеский был у нее. Приходя к старцу, она все время работала: чинила ему белье, варила, убирала, покупала что нужно и т.п. Мы ее прозвали келейницей. Хороший она была человек, с золотыми руками, но несколько упрямый и суровый.

Пришла как-то к старцу его духовная дочь, которая писала его биографию. Старец радостно сказал: „Вот наконец-то и человек пришел”. Эти слова раздражили келейницу: „Что это вы говорите, старец, разве мы, тут все сидящие, — не люди? (А старец это сказал для испытания ее смирения.) Вот наконец-то и человек пришел, сказали вы. Ну уж я вам расскажу про нее кое-что, не будете вы ее называть человеком, не будете радоваться ее приходу”. И начала Грушатка говорить: „Была это я как-то в большой праздник в Даниловом монастыре — народу масса... а ваш-то человек, смотрю, причащается в главном приделе, я ушла в боковой. Смотрю, пришла она и сюда, и тут причащается, так и причастилась и в главном, и в левом приделах. Вот какова она!” — „Что ты говоришь такое невероятное, Грушатка, что с тобой? Неужели ты сама не сознаешь, что говоришь про меня небылицу?” — сказала обвиняемая, смотря на старца и ожидая, что он сделает замечание Грушатке. Но старец молчал. Наконец, Грушатка ушла в кухню, тут старец заговорил: „Ну, какая ты мне дочь духовная, раз такой малой напраслины не могла перенести и начала оправдываться. Вот теперь вернется из кухни Грушатка, кланяйся ей в ноги и проси прощения”. Обвиняемая сейчас же исполнила повеление старца.

Глубоко заботился старец о душах, вверенных ему Господом. Он часто говорил нам слова о св.

Иоанне Златоусте, приоткрывая нам море его любви к людям и указывая на то, как разнообразны бывают виды христианской любви в зависимости от немощей человеческих, и какое надо иметь рассуждение, чтобы любить каждого той любовью, которая способствует спасению души его. А чтобы получить эту добродетель рассуждения, надо иметь постоянную молитву.

[...] Еще старец просил нас вникать в житие преп. Исидоры, которая была унижаема и обижаема всеми, многие считали ее даже сумасшедшей и прямо издевались над ней. Она переносила это с великим христианским смирением, служа всем и любя ненавидящих. И достигла она святости — Дух Святой жил в ее сердце. О ней было возведено одному великому старцу, который, придя из далекой пустыни, пал ей в ноги, прося ее святых молитв и беседуя с ней, как с сосудом Духа Святого. Удивлению сестер, обижавших ее, не было предела. Житие блаженной Исидоры старец велел читать (память ее 10 мая) и благословлял всех стараться внутренне подражать ее кротости и смирению, т.е. не признавать себя за что-то лучшее, чем другие, не желать ни похвал, ни чести, ни даже любви к себе, а всецело искать славы Божией и правды Его, служа Богу и ближним, сливаясь молитвой со Святой Троицей в страхе Божьем и полном покаянии, считая себя хуже и грешнее всех.

Однажды, сидя в своей келии, старец взглянул в свой угол на иконы. Посмотрел и ужаснулся. Перед иконами стоит бес с отвратительной страшной головой, формой кокосового ореха. Стоит и быстро-быстро бормочет псалмы св. царя Давида. „Что это? Неужели молишься?“ — спросил старец. „Я надруга-

юсь над молитвой, а не молюсь”, — пробормотал бес и исчез.

Старец остерегал нас, чтобы мы не молились как-нибудь, сами не слыша даже слов молитвы и сердцем погружаясь в немолитвенные чувства и мыслями блуждая, кто где хочет. „Молитва — это не механическое делание, а предстояние пред Богом, беседа с Ним. Молитесь же смиренно со страхом Божиим, боясь, чтобы вместо молитвы не получилось у вас надругательство над молитвой”.

[...] Тяжелейшие переживания расстроили вконец здоровье и без того больного старца. Пришлось ему выехать на воздух. Мы его и там изредка навещали. А как о. Захария любил природу! Он любил ее, как любят ангелы, дети и мудрецы. Когда он гулял с нами по лесу, мы чувствовали силу его молитв, забывая все земное. Будто ангельский чин окружал нас. Старец мало говорил, находясь среди природы, а если что и скажет, то с такой детской радостью и простотой, что земной возраст исчезал. Как-то раз идем мы по лесу, старец и говорит: „Хорошо б нам белых грибков найти, да что-то ни одного сегодня нет. Попрошу Господа, чтобы послал нам сразу по числу апостолов 12 белых грибков, а в середине чтоб стоял самый красивый и большой белый гриб. Чтоб эта группа напомнила нам Спасителя с учениками Своими”.

Мы шли-шли, и все грибов нет. Лицо старца сияло, он весь был в молитве. Через полчаса мы, к удивлению нашему, наткнулись на замечательно расположенные белые грибочки. В середине необыкновенной красоты и величины большой белый гриб и вокруг него 12 белых же, но небольших, тоже креп-

ких и хороших грибов. Старец взглянул, улыбнулся и сказал: „Прости, Господи, что мы, как дети, Тебя попросили, а Ты милосердный и в этом нас утешил”.

Природа была для старца книгой святых Божиих откровений. Иногда, взглянув на небо, на цветок, старец открывал нам, как мудрец, тайну любви в Троице Единого Бога к нам многогрешным. Не опишешь всего о старце, столь много он дал нам жизнью своей, и наставлениями, и молитвой.

Иногда о. Захария ночью вставал, наливал из водопровода в пустые бутылки воды и начинал потихонечку, чтобы никто не слышал и не видел, мыть пол в своей келии после ухода посетителей. Наутро Грушатка, придя к старцу, набрасывалась на него: „Что это ты совсем больной, а пол, видно, всю ночь мыл! Да я в четверть часа лучше тебя вымыла бы”.

Грустно старец взглянул на келейницу и смиренно заговорил: „Ты так не вымоешь пол, как мою я, ведь я знаю, кто приходит ко мне, и иногда я молитвенно отчитываю некоторых, о других же молюсь глубоко-глубоко, очищая грязь на полу и прося Господа, чтобы они так очищали грязь со своих душ, чтобы воскрес в них Христос, чтобы храм души их осветился ярче солнца всеми добродетелями. Мне не легко мыть пол, я с болью нагибаюсь и мою с болью, пусть же и они не боятся трудностей, уничтожая в себе все, неуютное Господу. Я и плачу об их душах, молясь о них, и водой со своими слезами оттираю пол. Если мне иногда и такая молитва о них нужна, что же ты нападаешь на меня? Я и о своих грехах плачу и готовлю себя к переходу в вечность”.

Наконец, слег наш старец, — так разболелся, что не было надежды на его выздоровление. Радостно готовился он к переходу в вечность, и было ему возвещено, что он через несколько дней умрет. Отходную прочел себе старец, пасхальный канон пропел едва слышным голосом и вдруг почувствовал сердцем, что он очень нужен владыке Трифону и что Господь продлит его жизнь, даст отсрочку. „Что это? Почему? — молитвенно вздохнул старец. — Почему я так нужен владыке Трифону? Вызову-ка я его к себе, пусть он сам скажет, в чем тут дело”. И вот старец берет свои четки, прикладывает их ко лбу и в присутствии своей квартирной хозяйки Евд. Г.П. говорит: „Пусть эти четки будут мне сейчас телефоном. Друге мой, Трифон, приходи ко мне сейчас же, я умирать собрался, а сердце говорит, что для тебя я еще нужен. Приходи, побеседуем с тобой”. Хозяйка, с насмешкой смотря на старца, говорит ему: „Ну чего вы чудите и юродствуете? Четки телефоном называете, ребенка из себя какого-то разыгрываете. Кто вас услышит? Да если бы вы и по-настоящему позвали к себе митрополита Трифона, и то он к вам не поедет”. „Я вызвал его, увидим, что будет”, — кротко сказал старец. Через полчаса раздался звонок. Открыли. Приехал иподиакон от митрополита Трифона с тем, чтобы предупредить, что сейчас приедет к старцу митрополит, он уже выехал. Удивлению хозяйки не было предела.

Весьма трогательно было свидание старцев. Митрополит Трифон со слезами на глазах молился о выздоровлении о. Зосимы, в схиме Захарии, причем говорил так: „Ты нужен мне, да продлит Господь твою жизнь, чтобы ты после меня перешел на тот свет, чтобы ты помолился за мою душу, когда по-

летит она по мытарствам. (О мытарствах о. Зосима велел читать „Житие Василия Нового и о прохождении мытарств его духовной дочери Феодоры”.)

— Встань, старец, встань, исповедуй меня, — говорил митрополит Трифон.

— Не могу, родной Владыко мой, не могу голову поднять с подушки.

— Встань за послушание.

С трудом поднялся старец и, поддерживаемый владыкой Трифоном, подошел к иконам, поисповедовал своего дорогого гостя и опять слег, ему стало хуже.

Митрополит, обливаясь слезами, просит Владыку мира Господа нашего Иисуса Христа исцелить старца. Все сердце владыки Трифона соединилось с Господом, его молитва была пламенно горяча. Он молил и Царицу Небесную, чтобы Она, Пречистая Богородица, умолила Сына Своего дать отсрочку смерти о. Зосиме, чтобы старец за чудо встал бы и чтоб окреп настолько, чтобы ему прослужить службу соборно с ним (митрополитом).

Простились сотаинники. Бледный, как мертвый, лежал на своей кровати старец. Владыка же, глубоко тронутый послушанием и любовью старца, но и глубоко взволнованный его тяжелой болезнью, прямо от старца поехал в церковь Большого Вознесения, где он должен был служить. По окончании богослужения владыка Трифон обратился с речью к народу: „Братия и сестры, прошу вас, помолитесь за болящего старца Зосиму. Его не все знают здесь, но я скажу вам, кто он такой. В молодости я жил в Петербурге в сане архимандрита и был в таком ужасном положении, что хотел снять свой сан и начать совсем другую жизнь; но мне посоветовали по-

знакомиться с одним послушником из Троице-Сергиевой Лавры, который приехал в Петербург по сбору, говоря, что это не простой человек, для вас он будет небезыntenесен. Я выразил свое желание с ним познакомиться. И вот после проведенной ночи с ним в беседе наутро мои мысли и чувства стали совсем другие. И благодаря этому старцу вы видите перед собой старого дряхлого митрополита Трифона”.

После этого весь народ пал на колени, и митрополит отслужил молебен о здравии болящего старца Зосимы (в схиме Захарии). О, как прилежно и горячо молился владыка! „Ведь это наставник мой, — говорил он, — который дал вам митрополита Трифона, ведь он вывел из тьмы искушений мою душу и дал ей свет и силу любви. Теперь он лежит на смертном одре, он стал великим старцем, в сердце которого живут тысячи убогих и несчастных. Он при смерти, преклоните же еще и еще колена сердца ваших в молитве о благодетеле моем, тяжело болящем старце Зосиме!”

Этот соборный молебен совершил чудо, через несколько дней старцу стало легче, он начал поправляться. Когда ему сказали о молебне, отслуженном за него в церкви Большого Вознесения, то о. Захария, слегка улыбнувшись, произнес: „Да уж слышал, слышал, чудак-огарок этот Трифон”. „Огарком” владыку Трифона старец называл потому, что знал, что жизнь его земная скоро-скоро кончится.

Когда владыка смертельно заболел, старец с трогательной любовью молился о нем. А когда владыка преставился, молитвы старца о нем сугубо усилились, и нам, всем своим духовным чадам, о. Захария велел поминать владыку и всех его умерших

духовных чад и сродников. К гробу владыки Трифона старец послал меня. Гроб был без цветов, владыка не благословлял украшать свой гроб. Множество народа со слезами на глазах окружало его останки; похоронили владыку на Немецком кладбище. „Друже мой владыка Трифон хотел, чтобы я после его смерти еще два года пожил. Ну, так и будет по его святым молитвам”. И остался наш дорогой старец Захария с нами на земле еще на два года.

Совсем ослабевший, погруженный всецело в молитву, он по-прежнему направлял души людей к Господу, приводя их к покаянию, которое за его святые молитвы перерождало их. Он, как на руках, носил наши сердца, смиряя нас своей молитвой и жизнью. Он старался, чтобы мы все глубже и сильнее любили и воспринимали Святую Троицу и стремились к стяжанию Духа Святого в сердце своем.

Как-то собралось нас несколько человек, и старец начал поучать нас: „Начало ревностной борьбы со страстями и порождаемыми ими грехами должен положить страх Божий, он есть начало премудрости. Премудр тот, кто стяжал Духа Святого, стараясь исполнять все заповеди Христовы, боясь грехами оскорбить Спасителя. И если он премудр, то смиренен; чем выше человек в духовном отношении, тем больше он видит, сколь велик Господь и сколь он — человек — ничтожен и беспомощен, сколь грешен в сравнении с тем, к чему мы должны стремиться. Величайший святой, святитель Иоанн Златоуст, в своей молитве перед причащением говорит: „Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос,

Сын Бога Живаго, пришедый в мир грешныя спасти, от них же первый есмь аз”.

Одна из вас сказала мне как-то: „Если не согрешишь, не покаешься”. Чада, эта мысль скверная, она может натолкнуть человека на грех. Будто и хорошо, что согрешил, по крайней мере, покался. Нет, хуже греха ничего нет. Грех родил диавола. Избегайте грехов, боритесь с помощью Царицы Небесной со всем нечистым. И чем ближе вы будете к Господу, тем больше откроются очи смирения в вас, и вы будете иметь глубочайшее и постоянное покаяние. И творя молитву Иисусову: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного”, вы еще ближе будете к Господу, и Он даст вам небесную любовь ко всем, и даже к врагам вашим.

Бывают иногда и такие беды с людьми, когда человек, вместо того, чтобы стремиться смирением соединиться с Господом, впадает в гордыню, прелесть, в воображение, в осуждение других, а себя чуть не святым считает, а некоторые даже святыми себя воображают... На таковых попускает Господь, как наказание и вразумление их, что они впадают в какой-нибудь тяжелейший и постыднейший грех, от тяжести которого они иногда начинают приходить в себя. Как бы опомнятся. Каются и иногда совсем исправляются. Но это бывает далеко не всегда. Очень часто они погибают. Не дай Бог никому быть на их месте.

Еще раз прошу и благословляю бояться впадать в грехи. Не распинайте ими еще и еще раз Спасителя. Берите на все благословения у Царицы Небесной, и Господь подаст вам первую степень благодати: зрение грехов своих.

Берегите совесть свою, она есть глас Божий —

голос Ангела-хранителя. Нельзя не заботиться о своей совести, ибо можно и потерять ее, она может стать сожженной или немощной, и тогда не будет она гласом Божиим. Как надо беречь свою совесть, учитесь у моего старца о. Амвросия Оптинского, от которого я получил благословение на монашество и наставления на всю мою жизнь. Усвойте хорошенько его мысли о совести; бывает еще и скрупулезная совесть — это болезнь и притом пагубная. Читайте его биографию, письма; там найдете его рассуждения о совести. Великий мудрец был о. Амвросий, он стяжал благодать Святого Духа. Мудрость без благодати есть безумие. Это вы хорошо поймете, когда будете стараться жить для Бога и в Боге. Помните слова старца Амвросия: „Где просто, там ангелов со сто, а где мудрено, там нет ни одного”.

Достигайте простоты, которую дает только совершенное смирение. Словом это не объяснишь, только опытом познаете. А в Боге и для Бога можно жить только в смирении и простоте. Достигайте в смирении любви, святой, совершенной, обнимающей молитвой всех, всех... А милосердием к немощным, больным, непонятым, несчастным, погрязшим в грехах — подражайте своим небесным покровителям — святым. Радость небесную постарайтесь стяжать, чтобы с ангелами радоваться покаянию всякого заблудшего человека.

Итак, чада мои, берегите этот великий дар Божий, совесть свою, она соединяет с небом, она покоряет нашу слабую грешную волю святой всемогущей воле Божией. Надо, родные мои чада, иметь правую совесть. Молитесь же и о сем Царице Небесной и просите помощи у Оптинских старцев, поминая их

за упокой. Учитесь, детки, смирению у св. старца Макария Оптинского, которого так чтит мой старец Амвросий Оптинский, что велел себя похоронить в рубашке батюшки Макария Оптинского, который был его духовным отцом. Старец о. Макарий, несомненно, свят. Об этом сказала мне недостойному, многогрешному Сама Царица Небесная, явившаяся мне наяву, когда я шел к старцу Амвросию. Я молился на его могиле по Ее благословению, как я вам уже и говорил. Прошу вас, всегда поминайте его. Когда поминают праведников, то и они поминают нас у Престола Господня. Учитесь же у о. Макария Оптинского, все усваивайте, что он писал своим духовным чадам. Есть три или четыре тома напечатанных его писем. Лучшего для нас учителя смирения я не знаю. В сердца свои вкладывайте все его советы и исполняйте их. „Без смирения нет спасения”. „Бог гордым противится, смиренным дает благодать”. Всегда носите в сердцах ваших слова Спасителя: „Научитесь от Меня, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим” (Мф. 11, 29).

Старец глубоко вздохнул и сказал: „Устал я, детушки, сейчас прилягу, а вы идите домой, да благословит вас Господь и Царица Небесная. Еще и здесь увидимся, приходите ко мне. Что же вы так печально смотрите на меня? Я еще погощу немного на земле. А слов моих, сказанных сегодня, не забывайте”.

Старец как бы таял, делался все слабее и слабее, но еще с большей любовью и каким-то прозорливым вниманием принимал всех проходящих к нему, утешал, ободрял и поучал. Пришла духовная дочь прот. Владимира Богданова к старцу и, горько плача, стала ему жаловаться: „Умер мой духовный

отец, и осталась я одна, брошенная, никому не нужная. Нет о. Владимира, к которому я ходила и утешалась”. Резко и с болью в душе оборвал ее старец: „Как нет?! Он теперь гораздо более жив, чем тогда, когда временно пребывал на земле и готовился к переходу в вечную жизнь. Если он теперь стоит у Престола Божия, зрит всем существом своим Пресвятую Троицу, зрит Заступницу рода человеческого, общается с ангелами и святыми, так как же его нет? Как смеешь ты говорить такую ложь?! Такую неправду?! Теперь, когда он зрит души своих духовных детей во всей их глубине и знает о них несравненно больше, чем тогда, когда жил на земле, ибо беседует о них с их ангелами-хранителями и небесными покровителями и готов совместно с ними помогать своим духовным детям, если они к нему обращаются... А ты говоришь, что его нет, что ты одна, одна, как же это так? Или ты хочешь забыть его? Уйти от него? Или ты забыла, что на Страшном суде он скажет: „Се аз и мои дети”?” Или, может быть, ты, хотя и исповедовалась у него, но не была его духовной дочерью, т.е. не рождалась к вечной жизни твоя душа через его молитвы, советы и наложенные на тебя послушания и заповеди. Может быть, его не было для тебя, когда ты видела его на земле и он говорил с тобою, поучая тебя, разрешал от грехов, причащал Св. Христовых Тайн? Может быть, ты имела к нему пристрастие, привычку и все...! скажи?.. подумай хорошенько и скажи...”. Пришедшая молчала, глубоко задумавшись. Просидела довольно долго у старца в келии, смотря на иконы, видно, что-то серьезное совершалось в душе ее. Старец ласково, видимо, молясь за нее, смотрел на нее... Пришедшая встала, подошла к о. Захарии и сказала:

„Батюшка, благословите меня придти к вам завтра поговорить. Душе моей стало легче, лучше...”. — „Хорошо, родная, приходи”, — сказал старец. Она взяла благословение, поклонилась и ушла.

Здоровье старца все ухудшалось и ухудшалось. Лицо стало прозрачное, сам он походил на тень, столь был худ, а глаза горели тем же огнем Божественной любви ко всем страждущим, больным, одиноким, непонятым.

Слег наш старец, у него сделался рак мочевого пузыря и вообще внутренностей. С кроткой покорностью, забывая себя для других, весь погруженный в молитву, лежал он бледный, как восковой.

Я, по его благословию, говела у разных духовников и очень полюбила одного из них, архимандрита из Данилова монастыря, имеющего великий дар любви к душам человеческим, перегруженного множеством исповедников, о которых он так заботился, что даже многие из них были у него на откровении помыслов. Уставая в церкви невероятно, потому что не перечесть его исповедников и не учесть его внимания к каждому из них, он уходил в свою келию, унося с собой тетради и листки, часто написанные невозможными, неразборчивыми почерками — это откровения помыслов его духовных чад. И каждому-то из них он еще письменно отвечал на все их вопросы и недоумения и делал различные выписки из святоотеческих книг для назидания их и притом каждому отдельно, что для кого нужно. И еще общие выписки из отцов церкви и подвижников благочестия делал для всех чад своих. Временами он изнемогал. Ангел и тот бы устал от такой нагрузки, но человек, имеющий плоть... Мне стало

его бесконечно жаль, потому что я понимала, как много он любит и переживает и как могут на него многообразно нападать бесы, злобясь на его святую неземную любовь к своим духовным чадам, на его заботу о спасении душ их.

И пошла я к нашему родному старцу схиархимандриту Захарии. Став на колени у его кровати, я попросила его помолиться за архимандрита С. и дать ему свое старческое благословение на то, чтобы он справлялся со своими духовными чадами, несмотря ни на какие трудности и искушения и чтобы старец вымолил ему такую силу, чтобы он не изнемог, чтобы Царица Небесная во всем помогала ему. Старец серьезно отнесся к моей просьбе. Он помнил о С. хорошо. Помолился о нем и дал свое старческое благословение. Кроме того, послал ему со мной икону — свое благословение. Я передала ее отцу С. Он был доволен и сказал: „Старец часть своей силы мне передал”. Больше никому из духовных лиц старец такого благословения не давал.

Отец С., узнав от меня, что старец при смерти и что он много заповедей и благословений наложил на меня, а после его смерти никто не сможет их снять, пожалел мою немощь и сказал: „Сходи-ка ты к своему старцу Захарии и попроси его снять с тебя хоть некоторые наложенные на тебя послушания, заповеди, благословения, потому что ты можешь и не справиться с ними”. Я послушалась о. С. Пришла в келью старца, положила три поклона перед иконами, как он заповедал всегда делать, входя в дом, где есть иконы. Подошла к старцу, взяла благословение. Он велел мне сесть на стул около его кровати. И вдруг сразу заговорил: „Чадое мое, я тебя прошу, я тебя умоляю, не снимай ни одного

благословения, данного мною тебе. Не я на тебя их наложил, а Господь. Такова Его святая воля о тебе. И да благословит тебя Царица Небесная исполнить их все". Я была поражена его прозорливостью и после его слов, конечно, не заикнулась о цели моего прихода. Такова Воля Божия, и Царица Небесная, несмотря на мою полную немощь и никуда-негодность, поможет мне за молитвы старца нашего, схиархимандрита Захарии, исполнить возложенное на меня.

Очень трудно было исстрадавшемуся, тяжело больному старцу о. Захарии; никакого покоя не имел он даже во время своей смертельной болезни. Несколько раз приходили к нему из НКВД, желая его арестовать, но увидя, что он при смерти, оставили его дома и наложили на него домашний арест, чтобы он не смел принимать к себе народ. Нам, его духовным чадам, удавалось в этот период очень редко к нему пробираться. Хозяева боялись пускать. И еще много, очень много было причин, заставлявших глубоко болеть его святое сердце, любящее всех-всех...

Как-то посчастливилось мне попасть к старцу. И старец сказал мне: „Я уже поминаю тебя не как Елисавету, а как послушницу Елисавету”, — как бы подчеркивая этим, что я должна быть его послушницей и исполнять все, возложенное на меня. Я попросила его благословения, чтобы съездить ненадолго в Полтаву, проводить туда больную, в большом горе находящуюся душу. Старец благословил, он особенно любил дела милосердия, и заповедь любви слилась с его сердцем. Он как бы взглянул в мою душу, благословляя меня, как бы сказал что-

то без слов. Я поклонилась и ушла. Ушла, но сердце больно жалось... Но ведь я ненадолго уезжаю... я еще увижу своего отченьку, своего дорогого старца, и тут ведь теперь к нему почти никого не пускают... Почему-то слезы душили меня.

Вот я в Полтаве. Моя больная очень довольна. А мне тяжело, не по себе. Креплюсь, жду писем из Москвы. Наконец и письмо от Л.М., она мне сообщает, что наш дорогой схиархимандрит Захария скончался и его похоронили. Когда я прочла это, невероятная скорбь охватила меня, не о том, что он переселился в вечную жизнь, где ему будет гораздо лучше, чем было на земле, а о том, что я уехала и не видала его последних минут на земле, не была с его духовными чадами у его тела в келии, не была в церкви на отпевании, не дала ему последнего целования, не простилась с ним и не была на похоронах, на кладбище, не молилась, когда его тело, лежащее в гробу, опускали в могилу. Невыразимо я опечалилась, уединилась и, читая псалмы, горько-горько плакала. Уехала и не простилась с тобой, мой незабвенный и дорогой отченька... И вдруг вижу, дверь открывается и входит о. Захария в полумантии с крестом и епитрахили и прямо идет ко мне. Глаза его были столь любящие и живые, что я от радости мгновенно забыла всю скорбь. Смотрю на него с пасхальной радостью и умилением наполнилось мое сердце. Подойдя ко мне совсем близко он сказал: „Ну что ты, не грусти, не унывай, ты знаешь, как я отношусь к унынию! Дай я тебе все грехи отпущу”. Закрыв мою голову епитрахилью и отпустил грехи. Потом посмотрел в мои глаза, как мать смотрит на своего младенца, с такой лаской и властью и сказал: „А ты все горевала, что не попрощалась со

мною, да тебе как раз и не надо было со мной прощаться, потому что я всегда с тобой”. И исчез. Вот так утешил меня мой отченька, как я его всегда называла.

Приехав в Москву, я отправилась к Грушатке, чтобы узнать все подробно о кончине старца и о похоронах его. Старец скончался в полном сознании 2 июля по старому стилю, 15-го по новому 1936 года около 10 часов утра, поручив Царице Небесной всех своих духовных чад. Он просил, чтобы отпели его в греческой церкви, но хозяева побоялись везти его туда. Повезли отпевать его тело в церковь „Воскресение словущее”, что в Брюсовском переулке. Принесли нашего многострадального схиархимандрита-старца в его схимническом одеянии и поставили гроб в главном приделе перед царскими воротами. Незадолго до начала службы подошел ко гробу служащий священник о. Николай Пospelов и спросил, обращаясь к собравшимся: „Кто посвящал архимандрита в схиму? Может быть, не нашей церкви иерарх?” Все молчали. „Ну, я его отпевать как схиархимандрита не буду”. И он посадил старца в гробу, приподняв его тело, снял с него схимническое одеяние и бросил его на окно. Все чада просто обомлели внутренне, но молчали — они понимали, что надо молчать. Когда о. Николай снимал с тела старца схиму, то руки его сильно дрожали. Вскоре после этого он умер. По окончании отпевания тело старца повезли на Немецкое кладбище. Схимническую одежду, снятую с него в церкви, благоговейно несла его духовная дочь, раба Божия Наталия. Перед опусканием гроба в землю духовные дети старца облачили его в схимническое

одеяние. Больно было всем знающим и любящим его. Но что делать? Когда несли гроб к могиле, то на дороге нашли небольшую икону преп. Серафима Саровского чудотворца. Эту икону повесили старцу на крест. В этой иконе как бы сам преп. Серафим присутствовал, глядя, как снятую в церкви схиму снова надевали на старца, и молитвой своей провожал в землю опускаемое тело многострадального схиархимандрита Захарии, любившего Царицу Небесную так же глубоко, как любил Ее сам преподобный, завещавший всем своим чадам творить Богородичное правило. Так восприняли многие из духовных детей старца о. Захарии найденную икону преп. Серафима...

Епископ Серафим (Звездинский)

**ЕПИСКОП ДМИТРОВСКИЙ СЕРАФИМ
(ЗВЕЗДИНСКИЙ)**

Николай Звездинский родился в 1883 году в семье священника единоверческой церкви на Волковом кладбище г. Петербурга о. Иоанна Звездинского. В 1902 году Коля перенес тяжелую болезнь, был приговорен врачами к смерти, но был чудесно исцелен, благодаря заступничеству преп. Серафима, о чем был составлен документ, способствовавший прославлению преподобного. В 1908 году, учась в Троице-Сергиевской духовной Академии, принял постриг с именем Серафим. В 1910 году, по окончании Академии, был направлен в Вифанскую семинарию преподавателем. В 1914 году стал архимандритом и настоятелем Чудова монастыря. С прежним настоятелем Чудова монастыря, архимандритом Арсением (Жадановским) его связывала многолетняя дружба. В 1919 году был хиротонисан во епископа Дмитровского. Управляя епархией, пользовался горячей любовью прихожан. В 1922 году был арестован и сослан на два года в Зырянский край. В 1925 году возвратился в Москву и был одним из заместителей митрополита Петра. В 1926 году направляется митр. Сергием в очередную ссылку — в Дивеево. В сентябре 1926 года вновь заключение, встреча с митрополитом Сергием и за отказ сотрудничать — вновь ссылка. В 1932 году новый арест и высылка в Казахстан — сначала в

Алма-Ату, затем в Гурьев. В 1936 году арест, а в 1937 году владыка был расстрелян, о чем близкие были извещены в следующей форме: осужден на десять лет лагерей без права переписки.

*

Письмо сестры Н. Звездинского к брату Михаилу

Здравствуй, дорогой брат Миша!..

Мы просили Колю написать тебе, он обещал. Вот и его путь избран! Мы с ним были два дня в Зосимовой пустыни, где он проводил неделю перед постригом и говел. Молились вместе, плакали, прощения просили друг у друга, вспоминали и тебя, милый брат, душой желая тебе того же мира, той же отрады, которые жили в нашей душе. Никогда еще доселе не видала я такого спокойствия в Коле: ясный, сосредоточенный взор, улыбка на устах, и все лицо такое светлое-светлое, какое было только у родного нашего (неразборчиво). Воистину нашел он то, к чему стремился, рвался, страдая! 26 сентября за всеобщим бдением совершился трогательный обряд пострига. И не стало у нас брата Коли, остался смиренный инок Серафим! Надо было видеть его лицо, когда после пострига подходили к нему монахи, спрашивая: „Что ти есть имя?!“ Каким небесным миром сияло оно! Итак совершилось... Есть у нас теплый молитвенник, брат наш Серафим. И радуется душа, и трепещет в умилении сердце!.. На другой день мы видели его после литургии у о. ректора, где пили вместе чай по приглашению ректора. Всю ночь он просидел в храме и причащался за литургией. Вскоре он со старцем, который принял

его от Св. Евангелия, пошел утром в Гефсиманский скит, где находится и теперь. Скоро вернется в Академию. После отъезда брата Серафима мы еще долго сидели и беседовали с о. ректором, и он рассказал, что ночью был у брата и спросил его: „Ну что? Как себя чувствуешь, брат Серафим?“ А он ответил: „Слышу, как бы Ангелы поют кругом, Владыко“. И ректор сказал, что не всякому это дано, особая благодать почилла на брате Серафиме. Он, милый наш брат Серафим, и просил написать тебе о его постриге, а ему-то теперь не до писем.

1908, 2 окт.

Твоя любящая сестра Нюша

С. Пос., окт. 31-го 1908 г.

Дорогой, родной мой брат. Христос посреди нас!

Только что получил от тебя теплое, сердечное письмо; спешу ответить. Та теплота, та братская сердечность, с которыми ты пишешь мне, до глубины души тронули меня. Спасибо тебе, родной мой, за поздравление и светлые пожелания. Ты просишь, чтобы я поделился с тобой своими чувствами, которыми я жил до времени пострижения и в последующее святое время. С живейшею радостью исполняю твою просьбу, хотя и не легко ее исполнить. Как выражу я то, что переживала и чем теперь живет моя душа, какими словами выскажу я то, что переполняло и переполняет мое сердце!..

Я так бесконечно богат небесными, благодатными сокровищами, дарованными мне щедродатель-

ною десницею Господа, что, правда, не в состоянии сосчитать и половины своего богатства.

Монах я теперь. Как это странно, непостижимо и страшно! Новая одежда, новое имя, новые, доселе никогда не ведомые думы, новые, доселе никогда не испытанные чувства, новый внутренний мир, новое настроение — все, все новое, весь я новый до мозга костей. О, какое дивное и сверхъестественное действие благодати. Всего переплавил она меня, всего преобразила... Пойми ты, родной, меня, прежнего *Николая* (как не хочется повторять мирское имя) нет больше, совсем нет, куда-то взяли и глубоко-глубоко зарыли, так что и самого маленького следа не осталось. Другой раз силишься, силишься представить себя „Николаем” — нет, никак не выходит, воображение напряжешь до самой крайней степени, а прежнего „*Николая*” так и необразишь. Словно заснул я крепким-крепким сном... проснулся, и что же? Гляжу кругом, хочу припомнить, что было до момента засыпания, и не могу припомнить; прежнее состояние словно вытравил кто из сознания, на место прежнего втиснул совершенно новое. Осталось только настоящее, новое, доселе не ведомое, да далекое будущее. Дитя, родившееся на свет, не помнит ведь своей утробной жизни. Так вот и я: пострижение сделало меня младенцем, и я не помню своей мирской жизни; на свет-то я словно только сейчас родился, а не 25 лет тому назад. Отдаленные воспоминания прошлого, отрывки, конечно, сохранились, но нет прежней сущности, душа-то сама другая, „я”-то мое другое, уже не „*Николай*”, а „*Серафим*”.

Расскажу тебе, как постепенно я подходил, или лучше, как постепенно благодать Божия вела меня

к тому, что есть теперь я. Это воспоминание полезно и мне самому, ибо подкрепит, ободрит и окрылит меня, когда мир, как говоришь ты, соберется подойти ко мне. Я писал тебе, что внутреннее решение быть монахом внезапно созрело и утвердилось в душе моей 27 августа. 4 сентября я словесно сказал о своем решении преосв. ректору. Оставалось привести решение в исполнение, решение было — не было еще решимости — нужно было подать прошение. И вот тут-то и началась жестокая, кровавая борьба, целая душевная трагедия. Подлинно был я „стения и трясыйся” на этот период времени до подачи прошения. А еще находятся такие наивные глупцы, которые отрицают существование злых духов. Вот если бы пришлось им постригаться, поверили бы тогда! Лукавый не хотел так отпускать меня. И, о, что пришлось пережить! Не приведи Бог! Ночью неожиданно проснешься, бывало, в страхе и трепете: „Что ты сделал? — начнет нашептывать Помысл, — ты задумал быть монахом! Остановись, пока не поздно! И борешься, борешься... Какой-то страх, какая-то непонятная жуть сковывает всего. Потом в душе поднялся целый бунт, ропот, возникала какая-то бесовская ненависть, отвращение к монахам и монашеским одеяниям, даже к Лавре, хотелось бежать, бежать куда-нибудь далеко-далеко... Борьба эта сменялась необыкновенным миром и благодатным утешением — то Господь укреплял и утешал в борьбе. Эти-то минуты мира и благодатного утешения я и назвал в письме к тебе: „единственные, святые, дорогие, золотые минуты”. А о минутах борьбы и испытания я молчал тогда. 6 сентября я решил поехать к старцу, чтобы попросить благословения на подачу прошения. Что-то внутри не пускало меня туда, си-

лясь всячески задержать и остановить. Помолился у Преподобного и поехал. Беру билет и только хотел садиться в вагон — вдруг из одного из соседних вагонов выходит Т.Ф. и направляется прямо ко мне. Подумай, никогда, кажется, не была у Троицы, индифферентна, а вот на тебе — приехала и именно в такой момент. Я не описываю, что было со мной: целый рой чувств и мыслей поднялся в душе, хотелось плакать, одна за одной стали проноситься светлые, нежно-ласковые картины семейной жизни, а вместе с тем и мрачные, страшные картины монашеского одиночества, тоски, скуки, уныния... О, как тяжко-тяжко было! И был момент, когда я хотел (с болью и покаянным чувством вспоминаю об этом), когда хотел отказаться от своего решения, подойти к ней и поговорить. И, конечно, если бы не благодать Божия, подкрепляющая, я отказался бы от своего решения, ибо страшно было. Но нет! Лукавый был посрамлен. Завидя, что Т.Ф. подходит по направлению ко мне и так, словно участливо, посматривает на меня — я поспешил скорее войти в вагон и там скрылся, сел так, чтобы нельзя было видеть ее. Поезд тронулся.

В Зосимовой пустыни старец мною дивился и не велел больше медлить с прошением. „Иначе, — сказал он, — враг и еще может насмеяться”. Так, с помощью Божией, я одержал блестящую победу в труднейшей борьбе! Теперь глупостью непролазною, пустяком, не стоящим внимания, кажется мне то давнее увлечение. 10 сентября я подал прошение. 26 сентября назначен день пострига. Быстро пронеслось время от 10 до 26-го. В этот период времени я так чувствовал себя, как будто ждал приближения смерти. Со всем мирским прощался, и со всеми про-

щался, и со мной прощались. Ездил в Москву на один день, прощался с нянькой и всеми знакомыми. Словом, все чувства умирающего — и тревога, и недоумение, и страх и в то же время и радость, и мир. И чем ближе становился день пострига, тем сильнее замирало сердце и трепетала, тревожилась душа, и тем сильнее и ощутительнее были и благодатные утешения. Знаешь ведь: „чем ночь темней, тем звезды ярче”, так: „Чем глубже скорбь, тем ближе Бог”.

Наконец, настал он, этот навек благословенный и незабвенный день. 26 сентября я был в Зосимовой пустыни. В 5 часов утра я должен был ехать в Посад. В 4 часа утра, вместе с одним зосимовским братом, я вышел из гостиницы и направился на конный двор, где должны были заложить лошадей. Со мною ехал сам игумен пустыни о. Герман. Ему нужно было быть в Посаде. Лошадей заложили...

Я подъехал к воротам, откуда должен был выйти о. Герман. Жду. Кругом дремлет лес... Тихо-тихо... Чувствуется, как вечный покой касается души, входит в нее, и душа, настрадавшаяся от борьбы, с радостью вкушает этот покой, отдыхает, субботствует. Вот показался и великий авва, седовласый, худой, сосредоточенный, углубленный, всегда непрестанно молящийся. Мы тронулись. Так подъехали к станции, и поезд понес нас в Посад. В Посаде был я в 7 часов утра. Приехал к себе в... (не в... теперь, а близ ректора), немного осмотрелся и пошел на исповедь. Исповедь самая подробная, вся, вся жизнь с 6-летнего возраста. После исповеди отстоял литургию, прошел к себе, заперся и пережил то, что во всю жизнь, конечно, не придется уже пережить, разве только накануне смерти. Лаврские

часы медленно, величаво, спокойно пробили полдень. Еще 6-7 часов и все кончено — постриг. И, о, если б знал ты, как дорога была мне каждая минута, каждая секунда! Как старался я ни одной минуты не потерять напрасно, а или заполнял время молитвою, или размышлением, или чтением Св. Отцов. Впрочем, чтение что-то не шло на ум. Перед смертью, говорят, человек невольно вспоминает всю свою прошлую жизнь; так и я: картины одна за другой потянулись в моем сознании: мои увлечения, моя болезнь, папа, ласковый, нежный, любящий, добрый; потом припомнилось: тихо мерцает лампада, ночь... Я в постели... боль кончилась, изумленный, сижу я, смотря на образ Серафима. Потом... потом так же мерцала лампада, больной лежал родной отец, умирающий; а там гроб, свечи у гроба, могила, сестра, ты — все, все всплыло в памяти... И что чувствовал я, что переживал... о, одному Богу только известно! Никогда, никогда, ни за что не поймешь этих переживаний гордый, самонадеянный мир! В 3 часа ко мне пришел ректор; стал ободрять, утешать меня. Затем приходили студенты и некоторые прощались со мной, как с мертвецом. И какой глубокий смысл в этом прощании. То, с чем простились они, не вернется больше, ибо навеки погребено. С 4-х часов началось томление, родной мой! Страшно вспомнить: какая-то сплошная тоска, туча, словно сосало что сердце, томило, грызло; что-то мрачное, мрачное, беспросветное, безнадежное подкатилось вдруг, и ниоткуда помощи, ниоткуда утешения... Так еще только будет, знать, перед смертью. То демон борол последней и самой страшной борьбой. И веришь ли, если бы не помощь Божия, не вынес бы я этой борьбы, тут-то и бывают самоубий-

ства. Но Господь всегда близ человека, смотрит, как он борется, и едва увидит, что человек изнемогает, как тотчас посылает Свою благодатную помощь. Так и мне в самые решительные минуты попущено было пережить полную оставленность, покинутость, заброшенность, а потом даровано было и подкрепление. Вдруг ясно-ясно стало на душе, мирно, Серафим так кротко, так нежно глядел на меня своими ласковыми голубыми глазами. (Знаешь образок, от которого получил исцеление?) Дальше почувствовал я, как словно электрический ток прошел по всему моему телу — это пришел папа. Я не видел его телесными очами, а неведомым, чудным образом внутренне, духовно ощущал его присутствие, он касался души моей, ибо и сам он теперь дух; я слышал опять внутренне, интуитивно — слышал его ласковый-ласковый, нежный голос, он ободрял меня в эти решительные минуты, говорил, чтобы я не жалел мира, ибо нет в нем ничего привлекательного... И исполнилась душа моя необыкновенного умиления и благодатной теплоты; в изнеможении упал я ниц перед иконами и, как ребенок, зарыдал сладкими слезами. Лаврские часы пробили в это время 5 с половиной часа. Там-там-там-там-там... плавно, величаво, невозмутимо прозвучали они. Оставалось только полчаса до всенощной. Умиренный, восхищенный стал я читать Евангелие. Открылось: „Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте. В дому Отца Моего обители многи суть... Да не смущается сердце ваше и да не устрашается... Иду и прииду к вам... Грядет бо сего мира князь, и во Мне не имать ничего. Но да разумеет мир, яко люблю Отца и якоже заповеда Мне Отец, тако творю. Восстаните, идем от-

сюду”. Чу... ударил колокол академического храма. О, этот звук! Если бы знал ты, что делал он с душою! Потом послышался тихий стук в дверь моей келии: тук-тук-тук! Я отпер. Это пришел за мной инок, мой друг, о. Филипп. „Пора, пойдем”, — сказал он. Встали мы, помолились. До праха земного поклонились образу Пр. Серафима. Затем пошли... Взошли на лестницу, ведущую в ректорские покои. Дальше вошли в самые покои, прошли их сквозь и остановились в последнем зале, из которого ход в церковь. В зале полумрак, тихо мерцает лампада... дверь полуотворена, слышно поют: „Господи Боже мой, возвеличился еси зело, во исповедание и в велелепоту облеклся еси... Дивна дела Твои, Господи!” Вошел я в зал, осмотрелся; тут стоял о. Христофор, поклонился я ему в ноги и он мне и... оба прослезились; ничего, ни слова не сказали друг другу, и без слов все было так понятно. Потом я остался один, поскольку в стороне стояли ширмы. За ними аналой, на нем образ Спасителя, горящая свеча. Я стою в студенческом мундире... Гляжу — на стуле лежит власяница, носки... Господи, куда я попал? Кто я? Что я? (Помнишь, папа говаривал?) Страшно, жутко стало!.. Надо было раздеваться... Посмотрел в последний раз на свой мундир, потрогал его... помолился... пришел несколько в себя и стал раздеваться. Все снял, остался в чем мать родила. Отложил ветхого человека и облекся в нового. В одной власянице да в носках стоял я всю ночь за ширмами перед образом Спасителя. С упованием и верою взирал я на Божественный Лик, а Он, кроткий и смиренный сердцем, смотрел на меня и... хорошо мне было, и мирно, и отрадно. Взглянешь на себя: весь белый стоишь,

власяница до пят... один... такой ничтожный, ничтожный, раздетый, необутый. И в сознании этого ничтожества, этой своей перстности ринешься ниц, припадешь, обхватишь голову руками... так лежишь, лежишь... и исчезаешь, и теряешься, и утопаешь в Божественной беспредельности, Божественном величии... Запоешь „Слава в вышних Богу...” „Святой Боже...” последний раз тихо, плавно, как при погребении: „Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас”. Мирными, величавыми, какими-то торжественными шагами приближался ко мне сонм иноков... в клобуках, в длинных мантиях... с возженными свечами в руках... Подошли ко мне. Я вышел из-за ширм, и меня повели в солею, где на амвоне стоял у аналоя с крестом и Евангелием преосв. ректор. „Объятия Отча отверзти ми потщуся”... тихо, меланхолически-грустно, заунывно пел хор. Едва вошел я в притвор, закрытый мантиями, как упал ниц на пол, ниц в собственном смысле, лицом касаясь самого пола, руки растянув крестообразно... Потом — потом... не помню хорошо, что было, все как-то помутилось, все во мне пришло в недоумение — сплошное недоумение... Еще упал... еще. Вдруг, уже когда лежал у амвона, слышу: „Бог милосердный, яко Отец чадолюбивый, зря твое смирение и истинное покаяние, чадо, яко блуднаго сына приемлет тя кающагося и к Нему от сердца припадающего”. Преосвященный подошел ко мне и поднял меня. Дальше давал всенародно, пред Лицем Бога великие „трудные монашеские обеты”. Потом облекли меня в иноческие одеяния, на рамена мне надели парамон, черный с белым крестом, а кругом его написаны страшные и дивные слова: „Аз язвы Господа Моего Иису-

са Христа на поясе моем ношу”. Порою так сильно, так реально дают ощущать себя эти слова. Надели на грудь деревянный крест, во всегдашнее воспоминание злострадания и уничтожения, оплевания, поношения, раны, заушения, распятия и смерти Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Дальше надели подрясник, опоясали кожаным поясом, облекли в мантию, потом в клобук и на ноги мне дали сандалии, в руки горящую свечу и деревянный крест. Так погребли меня для мира! Умер я и перешел в иной мир, хотя (неразб.) и здесь еще. Что чувствовал и переживал я, когда в монашеском одеянии стоял перед образом Спасителя, у иконостаса, с крестом и свечою, не поддается описанию. Всю эту ночь по пострижении провел в храме в неописуемом восторге и восхищении. В душе словно музыка небесная играла; что-то нежное-нежное, бесконечно ласковое, теплое, необъятно любвеобильное касалось ее, и душа замирала, истаевала, утопала в объятиях Отца Небесного. Если бы в эти минуты подошел бы ко мне кто-нибудь и сказал: „Через два часа вы будете казнены” — я спокойно, вполне спокойно, без всякого трепета и волнения пошел бы на страшную казнь и не сморгнул бы! И в теле, или вне тела был я, — не вем, Бог ведает! За Литургией 27 сентября приобщался Св. Таин. Затем старец отвез меня в Гефсиманский скит. Тут я 5 суток безвыходно, день и ночь, провел в храме, каждый день приобщаясь Св. Христовых Таин. Пережил, передумал за это время столько, что не переживу, наверное, того за всю последующую жизнь. Всего тут было: и блаженство небесное, и мука адская, но больше блаженства.

Кратко скажу тебе, родной мой, о моей тепереш-

ней новой иноческой жизни, — скажу словами одного Отца Церкви, инока: „Если бы мирские люди знали все те радости и духовные утешения, кои приходится переживать монаху, то в миру никого бы не осталось, все ушли бы в монахи; но если бы мирские люди наперед ведали те скорби и муки, которые постигают монахи, тогда никакая плоть никогда не дерзнула бы принять на себя иноческий сан, никто из смертных не решился бы на это”. Глубокая правда, великая истина! 22 октября я рукоположен в сан иеродиакона, и теперь каждый день служу Литургию и держу на своих недостойных руках Содержащего вся, и вкушаю Бессмертную Трапезу. Каждый день праздник для меня. О, какое счастье и какой в то же время великий и долгий подвиг. Вот тебе, родной, мои чувства и переживания до пострига и после. Когда писал я все эти воспоминания, что произошло, то жутко-жутко становилось мне: если бы не помогла благодать Божия, не вынес бы я этого, что пережил теперь. Слава Богу за все!

ПИСЬМА ЕПИСКОПА СЕРАФИМА
ЕГО ДУХОВНОЙ ДОЧЕРИ ЕКАТЕРИНЕ АНУРОВОЙ

Дочка моя духовная и любимая и приснопоминаемая Ка[тенька], з[олотая] гол[убк]а! Спаси тебя, Господи, за огнепламенные строки, полученные мною от тебя.

Очерки пиши. Да и вообще смотри на все это, как на делание палаток, необходимое для существования. О моем устроении в Зырянском крае

расскажет Т. Если будешь пылинкой, то не бойся никаких ветров; пылинку куда ни занесет, она все останется, а вот дуб гигантский, коли будет надломлен — затрещит, загремит и будет падение его велие. Очень рад, что беседовала с другом моим. Все вести о Д. — не то еще будет, радость моя!

Храни Господь Тебя. Шуреньку благословляю и крепко, крепко молюсь за нее и маму твою.

+

1923, декабря 14 ст. ст.

Мир тебе и радость, и утешение, и укрепление и свет от Трапезы Господней светоносной, всеукрепляющей, всеутешающей, радость моя, Божия золотая п[чел]ка, ныне послушница Ек., но и К[атеньк]а!

Спаси тебя, Господи, за поздравление с праздниками 16, 17, 19, 22, 24, 26 и 29 ноября.

Тот „страшный день”, о котором пишешь, был таковым лишь со вне, а свнутри сей день радостный, Божий, яко ныне познах. „Страшный день” да объяснит тебе и недоумение Твое относительно текста: „кто душу свою погубит, тот сбережет ее”. Изволь внимательно проштудировать и продумать сей текст по всем местам Евангелия, в коих он находится. Они следующие: Мф. 10, 37-39, Мр. 8, 31-35; Лк. 9, 22-24, 14, 26-34. Здесь всюду идет речь о самоотречении. А в Евангелии от Иоанна о сем яснее говорится в гл. 12, 24-25. Примеры: тебе не хочется молиться, не хочется *губить* своей жизни лишением себя сна, утомлением в стоянии и т.д. Это есть беречь свою душу — жизнь, здоровье, силы, покой.

Все Господь устроит, во-первых, *когда* Ему угодно, *как* Ему угодно. К сожалению, ты мечешься, торопишься, волнуешься, суетишься, сроки выдумываешь. Придет час — тебя не спросит. Потихоньку, не мечись, спокойно: дело не в сроках. Яблоко незрелое невкусно. Дай спокойно дозреть и твоему постригу. Чего ты его торопишь, гонишь, тормозишь, рвешь? Чего нет — подожди, когда будет. Что есть — отложи. Нельзя же в месяц-два устроить это святое вечное дело. Будь разумной, главное смиренной во всем. Это Лютер только штурмом брал небо. Молчи, престани.

Тишина.

(Подпись)

+

Радость моя бесценная, дочка драгоценная К[атеньк]а — золотая головка! Прежде всего благодарю тебя за небесные строки в писании твоём: „какое-то большое чувство охватывает душу, когда вспоминаю о том, что вы живете в комнате, где стоит стол Троицы Живоносной... Выну предстоять Лицу Искупителя, ежечасно общаться с Силами Небесными...”. Умница моя, разумница сердечная! Се, воистину рекла еси! Трепещу убо, содрогаюсь, неизреченному милосердию Божию удивляюсь, но, радость моя, Трапеза Небесная издавна врага раздражает, на зависть и месть его подвизает. Не выносит нисшедший денница Сияния Славы Ея, рвется, лает, плюет. И от брызг слюны его тлетворной не избегает часто и живущий пред Лицем Искупителя; не дает он, мятежный, долго и сосредоточенно смотреть

в спокойный Лик Мира тишайшего — завидно ему. Воеет и плюет окаянный в сердечные очи, дабы не смотрели они на Красоту несозданную. Припомни, какая была страшная буря, корабль в конец заливавшая, у апостолов, пред Лицем Искупителя находившихся. — „Он же спасе”. Нужно нам, детка моя, учиться будить Его, чтобы утишал Он наши бури, поднимающиеся и в Его присутствии; дабы ни одна из брызг бесовской бури не попала в очи наши. Запомни хорошенько слова св. Иоанна К..., дабы не бояться и не смущаться тебе николиже: „которые сильнее налегают на молитву, те подвергаются более страшным и свирепым искушениям”. ...Теперь поздравляю тебя от всего отеческого сердца с пострижением в монашество, ибо с того момента, как ты изрекла сии слова: „Примите мое обещание оставить мир”, — ты пострижена внутренним постригом, который выше наружного: первый — документ, второй — печать. Документ у тебя заготовлен — радуюсь и паки поздравляю. Печать уже непременно будет приложена. А то бывает, увы, печать приготовлена, а документа нет, и печать прикладывается в пустышку, ничего не запечатывая, в воздухе повисая. Косынку и ленту получили, благословили, святой водой окропили, помолился, но хотел бы и сам возложить на тебя. Однако, если у тебя такое пламенное желание носить ее, как внешний знак твоего внутреннего расположения, прошу сделать это моего друга о. М.Ф. Но сам им об этом не пишу — можешь показать им эти строки. Да и так, думаю, тебе поверят. Серезжки посылаю обратно: не прииде час им. На жительство в Серг П. благословляю. И освященную воду мною, просфору посылаю. Нюта мне ни единой

строчки не пишет, как ты говоришь: „она напишет”. Ах, цветы мои, цветы: и ветер их качает, и пыль заметает, и буря ломает... Настроение Шуры сравнила с Иустиной правильно. Лечение трудное и нудное.

Передай благословение милой тихой маме. Скоро послушница ее утешает меня. У М-си можешь взять и переписать канон покаянный... составленный из воздыханий, в отчаянной безвыходности внутренней бывших. Такжеде акафист Крестоносному и Терноносному Спасителю.

Передай от меня в утешение и покорность воле Божией просфору р. Б. Клавдии, о почившем супруге которой молюсь. Гербарий твой милый посылаю с рецептами.

Передай прилагаемую записочку А.Ш.

Отныне ты уже не пылинка, а росинка, горé поднимающаяся.

Храни тебя Господь всеблагодушный при всех искушениях.

Твой

(Подпись)

1923, сент. 11
Визинга

+

Дочка моя духовная, родная и любимая во Христе — мир тебе, болящая сердцем и состраждущая страданиям ближних. Я послал тебе почтой ответы на все твои вопросы, написанные тобою в книжечке, листочки пришлось вырвать. Спаси тебя, Господи, и за (неразб.). Относительно одиночества истину ты рекла — тако есть вдвое. Но и сие подобает пере-

нести. Св. Тайны разбивают его, как молотом железным, исполняя сердце Своею полною полнотою. Люблю я твои вопросы. Письмом трудно всесторонне ответить на них.

Одиночество, радость моя, бывает только при отходе сладце беседующей благодати. А когда сия сопребывает, то человек одиночество забывает. Но благодать отходит, да углубится подвиг души, во еже вопити ей: „Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставил!”

Передай мое благословение милой маме твоей, юже любит Преп. батюшка Серафим. Когда ты справляла мои именины, я был у вас духом и утешался. Почему-то задержался о. (?). Как бы сего не случилось и с твоим папой. М[ару]ся заболела чем? И поправляется ли? Очень радуюсь, что ты бываешь у нее: многому научишься. Храни тебя Господь.

Ты взяла подвиг ежедневного посещения Бож[ественной] Литургии — в сем есть источник ежедневной жизни и полноты среди суеты. Точию не уставай очень. По-моему, ты чересчур постишься; Литургию можешь стоять и поевши, по обстоятельствам времени — раз тебе приходится ехать на поезде. Твой пост — твоя тяжелая работа сейчас в атмосфере слишком постной духом жизненно-Христовым. Ты, бедненькая, яко же Лот, мучаешься душою своею. Запрещаю тебе поститься. Довольно с тебя трудов по разным переездам, переходам. Постись в пределах рассуждения. Четочное правило можешь исполнять при ходьбе и езде. Не бойся наплыва дурных мыслей с их уколами в плоть — это бестолковая болтовня завистливого духа тьмы. Ты сильно устаешь и телом и духом. Эта усталость, и особенно с

тугой, есть подвиг, ведущий к утешающей благодати Св. Духа.

Крепись. Помню тебя, поминаю тебя, вспоминаю тебя, понимаю тебя, молюсь за тебя.

Не унывай.

+

Мир тебе Божий Христов, всякий ум превосходящий, до глубины сердца проходящий, даемый Господом за дерзновенное смирение и за смиренное терпение — сей мир да будет с тобою, моя любимая дочка, зол[отая] гол[ов]ка, К[атю]ша, *миру не принадлежащая!*

Ты приехать ко мне собиралась. Ведомо да будет тебе, что весьма буду утешен приездом твоим. Но когда подумаю, с какими трудностями и беспокойствами сопряжена поездка сюда, то скорблю за желающих ехать. Потом, радость моя, никаких приказов чрез Т. о твоём неприезде я и не думал давать. Откуда это она взяла вдруг? Я ей говорил только, чтобы она предупреждала всякого отваживающегося на поездку о трудностях таковой. Радуюсь за тебя, что бываешь у моих. Ты пишешь (вот настойчивая), что все-таки дубом, хотя и гнилым, лучше быть, чем пылинкой, ветром туда и сюда носимой. Эх, ты — Дмиподка-таннур! Вот тебе за это и прозвище! Да ведь пылинка-то пылинке бывает рознь. Не всякую пылинку, небось, дадут ветру носить. Есть пылинка от бриллианта, есть от сапфира, есть от золота. Камень драгоценный — Христос, а ты Его причащица — пылинка от этого Камня. А то дуб да + гнилой! Эх ты, Золголка! А не додумалась!

Благодарю тебя и всех моих родных дм[итровцев], особ. Глух. за сестру. Меня не удивили сообщения о ее смерти. Я знал об этом по другой почте. Упокой ее, Господи, душу. А этот покой небесный, радость моя, зарабатывается земным беспокойством. Особенность почившей была — ее вера, любовь и страх, и трепет к Св. Животворящим Тайнам. Я лично никогда не видал, чтобы она приступала к Св. Тайнам без слез — всегда от умиления плакала. И по Причащении она ликовала всегда, торжествовала, радовалась, пела, как жаворонок в небесах. Она умела, по дару Божию, чувствовать предельную нужду в Св. Тайнах и плоды причащения чувствовать. А иногда дерзала пред Св. Тайнами просить, по-видимому, о неисполнимом. И по дерзновенной вере своей получала. В этом отношении многому научила она и своего младшего брата. Упокой ее, Господи, душу, как часто упокаивала она мою. Почившая должна бы быть монахиней прежде монашества своего брата. Но... Так и тут верным остается слово: „Бог наш Бог ревнитель есть”. Спасибо тебе, ты написала мне некоторые подробности о ее кончине. Спасибо дм[итровцам], милым и родным, и дорогим, и бесценным. Я их в сердце моем ношу. Ведь д[митров]цы — моя первая нива, весна моего а[рхие]рейства; первые цветы мои. Среди них я как на крыльях летал, не чувствуя усталости. Попрошу тебя, радость моя, не в службу, а в дружбу: устрой к[ак]-либо, чтобы поставили крест на могиле А. Ив., и на кресте сделали бы такую надпись, которую я для себя, было, в Дм[итрове] приготовил. Но раз она предварила, буди ей надпись сия:

„Ныне успокоихся, и обретох ослабу многу, яко

преставихся от истления, и приложихся к жизни: Господи слава Тебе”.

Быть м[ожет], м. Сергей (?) это устроит?

Передай благословение маме: ее Скоропослушница скоро слышит. Шуреньке и благословение, и страдание, и молитвы мои за нее — передай. Храни вас всех Господь в утешеньи всеутишающей благодати Своея.

ЕС

1923 г. Авг. 14 ст. ст.

п. Визинга Зырянской Коми области

+

Дочка, детка моя во Христе!

Неправо ты мыслишь, весьма ошибаешься и этой неправостью своей оскорбляешь Таинство Исповеди. Потрудись поразмыслить:

1. Если тяжело больной, весь в язвах и гнойных струпьях, расскажет врачу со всею подробностью весь ход своей болезни, покажет ему свои раны — неужели врач чрез это потерпит какую-то обиду, а больной будет чувствовать себя пред врачом как-то неловко. — Нормально это будет? Не наоборот ли: врачу будет больно, если больной не откроет ему подробно своей болезни?

2. Садовник разве скорбит и смущается, когда любимый его цветок, им взлелеянный и возвращенный, на его глазах начнет распускаться и откидывать от себя загнившие лепестки, заменяя их новыми и свежими?

Запомни, дитя мое, на этот раз очень неразумное, великое чудо и тайну глубочайшую исповеди, Хри-

стом действующую: чем больше грешник открывает духовнику всякой дряни, и мерзости, и нечистоты, тем милее, роднее, ближе, красивее, симпатичнее, драгоценнее становится он для духовного отца. Вспомни: „и мил ему бысть, и паде на выю его, целовал его...”. Се, тайна исповеди, се, чудо благодати Христовой. Христос любит грешника кающегося и капли этой Любви к грешнику в изобилии источает в сердце духовника. Думать иначе — значит оскорблять исповедь. Твоя тягота после исповеди, во-первых, от непонимания, во-вторых, от гордости. Изволь за это три раза со вниманием прочитать 15 гл. Луки, после каждого раза клади по 5 поклонов с молитвой Иисусовой. После чего из золотой головки любимой дочки тяжелый свинец будет исторгнут.

Любящий от.

Ты оставила в полном меня недоумении и смущении, написавши про Москву. В чем дело? Получила... (неразб.)

+

Спасительная Визинга, 1924-VII-30

Мир тебе и радование во Христе Иисусе Господе нашем, в Нем же вся сокровищница сокровенна суть! Призывай Имя Его, паче меда сладчайшее, насколько чаще, нудь себя к этому, невзирая ни на какие помыслы. Зови, зови Его, яко слепец иерихонский, и Христос тебя позовет и очи новые даст тебе, ими же узриши незримое. Так-то, радость моя, нелегко тебе — ведаю сердцем. Крепись, и вся тяготы сладци претерпи. Тягостно совести без тягот этих —

ими очищается она от приставшей к ней греховной пыли и грязи. Маме твоей — благословение и укрепление от Господа. Помоги тебе Господь послужить больным, наипаче верным — бедным, уничиженным. Внутри себя смотри, там Царство Божие ищи. Передай благословение сынку моему, милому Мишеньке и Анечке Щ. Храни вас Господь иже благ есть.

†

Визинга, 1924, X-24
(„Всех Скорбящих Радосте”)

Да исполнит радости и веселия сердце твое, Всех Скорбящих Радость, радость моя, п-ка Божия! Я не послал тебе с Т. никакого писания, ибо трудно было мне очень в тот раз физически: насос отказался подавать воздух, и я стал задыхаться. Бывает это. Кажется, говорил я тебе мой взгляд на болезни: чрез них дух потрясает стены своей темницы, разрушает ее, чтобы удобнее и легче потом было выйти из нее. Тайна — человек, тайна — жизнь его... Тайна — вход его сюда... Тайна — исход его отсюда. И как близок, как близок тот мир безболезненный, беспечальный, безвоздыханный! Мы ближе к нему и он ближе к нам, чем самые близкие — одноверстное или полуверстное расстояние земли. Малейшее молитвенное углубление внутрь себя дает уже слышать молчание его, полное неизъяснимого мира, невозмутимой тишины, сокровеннейших гласов, неизреченных глаголов... А тысячеокое звездное небо — разве не вещает громогласно „мир... (неразб.) . Ей, близок, близок мир потусторонний, до жуткости бли-

зок. Со Христом и Его Христа светом он, без Христа же — какая страшная тьма!..

Очень порадовался, что ты читаешь гимны преп. Симеона памяти и потрудившегося в переводе их с греческого, иеромонаха Пантелеймона, молодого профессора М. Дух. Академии, моего незабвенного, горячо любимого друга. Он откопал их в рукописях на Афоне. Чего стоило ему разобраться в этих рукописях греческих! Перевел и сам перешел в страну живую. Весь-то он был изможденный многими подвигами, как свеча перед Господом, пока не сгорел. Любил я этого строгого монаха-аскета и сам содействовал монашеству его. „Мылий” звали его, ибо он, как малоросс, где „и” выговаривал „ы”, а где „ы” — „и”: мило — мыло, мылий — милый. Скончался он кончиной преподобных на Афоне, куда уехал по болезни. Когда он писал в Академии эти гимны, то нередко, приглашая меня выслушать то или иное замечательное особенно место из этих гимнов, он говорил: „Вот, мылий, послушай...” и дальше с великим умилением, с лицом, яко Ангела, читал выдержку... созерцал... рассуждал, забывая все и вся на земле...

Храни тебя Господь в чувствах и мыслях гимнов преп. Симеона благодатных. В следующую почту получишь ответы на вопросы, присланные с Т. Маме твоей благословение. Береги ее всячески. Всем моим присным — благословения. Я сейчас здоров. Двое из наших: Знаменский и Пойков получили досрочное освобождение. Умница ты у меня — совсем не мирская. Крепись только. Почаще молись Пре-

чистой. Твой отец много милосердия получает*... М[ару] се посылается письмо. Передай записочку по назначению.

+

Мир тебе, радость, покой, утешение, свет, солнце от светозарной Трапезы Господней, п-ка Божия, со днем Ангела! Премудрость твоей Святой да умудрит твой ум мудростью, о ней же речено есть: „начало премудрости – страх Господень”. Да скует тебя всю этот спасительный страх, да свяжет все твои члены так, чтобы и двинуться ты не могла и пошевелиться: Господь близ и видит тебя всю насквозь. „Ходи предо Мною и будь непорочна”, глаголет Всевидящий.

Красота Екатерины да украсит сердце твое красотой чистоты, о ней же пречистыми усты речено есть: „блажени чистии сердцем яко тии Бога узрят”. Богатство твоей святой да обогатит волю твою всякими видами доброделания во имя Христово. Передай мое благослование маме твоей и М[ару] се. Шура как? Когда очень вязко, энергично вытаскивают ноги и шагают, чтобы не завязнуть совсем. Помоги Господь.

(Подпись)

1924, нояб. 12

* от Нся в Зырянском крае чудесного. Нам ли бояться, имея такую Нерушимую Стену и Покров (неразб.)? Проси у Нся себе чистоты. Она – только Она – дает ее. Без Нся не получишь. Докажи себе, что Пречистая и Твоя Мать, и проси Ее как дочь. Мать ли откажет?

ПРОПОВЕДИ

30 сент. 1921

Всенощная. Собор.

Радуйся, Радость наша, покрый нас от всякого зла честным Твоим омофором.

И сказал Господь: „Аще веруеши, все возможно верующему”. Сотник Корнилий отвечал: „Верую, Господи, помоги моему неверию”. Были два города, один высоко на горе, другой — в низине. Так назывались они: один — горный, на высоте, другой — в низине, дольний. И дольний город не мог существовать без горного, между ними была связь через золотой провод. Когда дольному городу было что-нибудь нужно, жители его подходили к золотому проводу, брались за него и давали знать горному, что они нуждаются в его помощи. Жители дольного города очень страдали от двух бед. Первая беда — мгла. Город был расположен в месте низком, где поднимались испарения, которые были так сильны, что затемняли свет. И тьма эта была особенная: люди видели друг друга, но видели не такими, каковы они были на самом деле, а представлялись окружающим с видом диких зверей. Другою бедой дольного города была жажда, потому что источники в этом городе были все соленые и жители, чем больше пили из них, тем больше хотели пить. В бедах своих дольний город находил помощь у горного. Когда облегал его мгла, когда мрачный, странный туман окутывал город, жители подходили к золотому проводу, брались за него и давали знать горным: „Помогите, нам тяжело, темно у нас”. И немедленно, сию же минуту из горного города к ним посылались

целые снопы светлых ярких, блистающих и возрождающих лучей, разгоняющих страшную мглу.

Когда жителей дольного города начинала мучить жажда, они шли к золотому проводу и давали знать в горний город: „Помогите, мы изнемогаем от жажды”. И из горнего города посылались источники освежающей, чистой, благодатной и целительной воды, которая возрождала жителей дольного города. И пока оставался на месте золотой провод, спокойно жилось жителям дольного города. Но вдруг порвался золотой провод, и связь между городами была порвана. Некоторое время еще могли жить жители дольного города, потому что остался у них запас светлых лучей, сохранился некоторый запас живой воды. Но когда потухли яркие лучи, высохли водоемы светлой воды, страшно (стало) жить в дольном городе. Мгла окутала город и неоткуда было получить света, потому что порван был золотой провод, по которому жители обращались за помощью. Жажда мучила жителей, они шли от одного источника к другому, от другого к третьему, четвертому, к пятому, но не утолялась их жажда, потому что соленая вода была в этих источниках.

Вы догадались, возлюбленные мои, что это за города, о которых я говорю. Дольний город — это мы, люди, это наша земная жизнь. Не можем мы без горнего города, не может наша воинствующая Церковь жить без помощи Церкви торжествующей, нужна нам помощь Святых небожителей, святых угодников Божиих. Провод, по которому мы общаемся — золотой, сверкающий, драгоценный провод — вера наша, вера, которая связывает нас с царством святых. У кого есть этот провод, тот всегда получает помощь от горнего града Божия, видит

еще здесь, на земле, жителей светлого царства святых, как видел св. Андрей Пресвятую Владычицу с сонмами ангелов и святых. Для тех, у кого не порван провод, не страшна мгла страстей, потому что она будет разогнана тихим светом Христа, лишь только попросит человек небесной помощи, тому не страшна жажда души, потому что утоляется она из Живоносного источника Христова. Но горе тому, у кого порвался золотой провод веры. А как много теперь таких! Охватывает их страшная мгла страстей, мгла тем ужасная, что не полною тьмою окружает их, а только мешает им видеть других людей в их настоящем виде, вместо людей, они видят злых зверей, которые заставляют их страдать. Дети видят в родителях врагов, мешающих им жить, родители не понимают детей, негодуют на их непослушание, не дают им развернуть свои силы, братья и сестры, вместо любви, ненавидят и презирают друг друга, мужья и жены забывают о своих обязанностях и царит между ними злоба, потому что темные страсти, разгул, измена царят там, где порван провод веры. Жажда томит души, потому что солены те источники, из которых хотят утолить жажду. Устает наша душа, но разве покой и тишину внесут в нее те зрелища и празднества, которыми заполнена жизнь современных людей? Много в наше время кинематографов, бежит в них толпа, и вы не проходите мимо этих кинематографов, не задумавшись. Вся современная жизнь похожа на кинематограф, спешно бежит она, одно сменяет другое, но ничто не утоляет жажды души. Разве может утолиться душа, полная страсти наживы: все больше и больше хочется получить, разве утолит жажду наслаждение, ведь от одного из них человек переходит к другому,

а все не лучше на сердце, все мятется душа. У вас, други мои, не порван этот золотой провод, вы веруете в светлый град небесный. Попросим же все нашу Заступницу: „Радуйся, Радосте наша, покрый нас от всякого зла честным Твоим омофором”. Владычица наша, Царица Небесная, Тебя просим, сохрани нашу веру и восстави порвавшийся наш золотой провод веры, чтобы нам призывать Тебя, Помощницу нашу, светом Твоим разгони мглу страстей наших, дай видеть в людях своих братьев, покрый нас, как покрывала Ты Своим покровом Греческое царство, да все возопием: „Хвалите имя Господне!”

+

Всенощная 2 окт. 1921
Пятницкая церковь

Иисусе воскресший, воскреси души наша! Жил один старец святой подвижник в пустынной келье. Другие отшельники, обитавшие в близлежащих кельях, проходя мимо жилища отшельника, слышали постоянно горькие стоны и плач. Огорчал их этот плач, и они часто советовались, как утешить старца и чем помочь ему. Однажды они решились постучать к нему, и когда пустынный отпер, они его спросили: „О чем ты так горько плачешь и стонешь, старец?” Отшельник ответил: „Я плачу потому, что у меня есть дорогой, близкий покойник”. Пустынники ушли и стали рассуждать так: „Какой же у него покойник? Отец у старца давно умер, мать тоже умерла, братьев и других родственников старец давно

оставил, кто же этот дорогой, близкий ему покойник? И опять пошли пустынноики к старцу, постучались они в его пустынную келью, и когда он открыл им дверь, отшельники спросили у него: „Скажи нам, кто у тебя этот покойник, о котором ты так горько плачешь?“ И ответил старец: „Душа моя – вот мой покойник, о душе умершей плачу я”.

Други мои, умирает не одно тело, и душа умирает иногда. Св. Симеон Новый богослов так говорит о том, что бывает, когда умирает душа. Когда умирает тело, то его покидает душа и всякая деятельность тела уничтожается: очи перестают видеть, уши перестают слышать, руки действовать, ноги двигаться. То же бывает, когда умирает душа: тогда покидает ее дух, Божественная часть нашего существа, и в это время очи наши внутренние перестают видеть чистые лики небожителей, слышать и понимать святые песнопения церкви, обонять и воспринимать благодать Божию, ноги наши перестают двигаться по путям Божиим, руки – действовать на прославление Господа. И наша церковь хорошо знает об этой смерти души, потому что в своих песнопениях она говорит об этом. В святой Великий пост она поет: „Душа моя, душа моя восстани, что спиши!” В каждый понедельник и вторник, которые по уставу полагаются посвящать покаянию, она тоже говорит в своих чудных песнях о покаянии. И как страшно для нас мертвое, разлагающееся, зловонное, пожираемое червями тело, и мы спешим сбросить его в землю, закрыть его безобразие землею, – так отвратительна для ангелов и нашего Ангела-хранителя наша мертвая душа, покрытая червями-страстями.

В древнее время у восточных деспотов, особенно

в Персии, существовали две страшные отвратительные казни — одна состояла в том, что к казнимому привязывали разлагающийся труп так, что руки трупа обхватывали плотно шею преступника. В его глаза постоянно глядели провалившиеся очи мертвеца, он всегда обонял зловоние разлагающегося тела; шел он, за его плечами была страшная ноша, садился с трудом, спать он не мог ложиться, не чувствуя этих страшных объятий. Другая казнь заключалась в том, что осужденного, обнажив, клали на доску и крепко привязывали по рукам и ногам, потом ему на живот клали мышь, накрывали ее глиняным горшком и на горшок клали раскаленное железо. Горшок нагревался, мышь начинала задыхаться от жары и, не находя выхода, прогрызала живот казнимого, забиралась в его внутренности и причиняла страшную боль.

Други мои, и в наш век культуры и цивилизации, в век открытий великих сохранилась и та, и другая казнь. Многие из нас носят за плечами страшный труп; этот мертвец нашего времени — безбожие. Оно же и есть тот гад, который грызет внутренности наши. И с этими ужасными ношами ходят люди нашего времени, потому что страшный палач — дьявол творит над ними казнь. О, какая это отвратительная, какая невыносимо ужасная пытка!

Если бы вы, други мои, пошли на кладбище и все похороненные там встали бы из могил и окружили бы вас, бродили бы бледными тенями вокруг вас, не дрогнуло бы ваше сердце? Не захотелось бы разве вам убежать от этого зрелища? А мы часто ходим среди живых мертвецов. Разве неверующие не мертвы? Но мы должны заглянуть в свои души, не мертвы ли они? Не приложимы ли к нам слова

апостола Иоанна Богослова: „Ты думаешь, что ты богат, а Я говорю тебе, что ты и нищ, и убог, и мертв”. Так и нам кажется иногда, что мы живы, а на самом деле душа наша мертва от грехов, потому что грехи умерщвляют дух Божий в нас. Вот почему нам всем нужно взывать: Иисусе воскресший, воскреси души наша!

+

4 октября. Всенощная

Сегодня мы празднуем память святителей Петра, Алексия, Ионы и Филиппа. Их нет теперь с нами, они ушли в затвор, закрыли двери своего дома. Но мне вспомнилось то время, когда открыты были ворота святого Кремля и в нынешний день много богомольцев собиралось туда, чтобы проводить святителя Алексия, когда он пойдет в гости к трем своим друзьям в Успенский собор. Вот как это происходило. В 4 часа дня монахи Чудова монастыря совершали торжественную вечерню, во время которой большой образ святителя Алексия стоял у гроба его; после вечерни и молебна с крестным ходом икона переносилась в Успенский собор, там она оставалась на Всенощную, а на другой день после Литургии так же торжественно св. Алексей возвращался домой. Теперь Кремль закрыт, святители в затворе. Но у каждого из нас есть свой Кремль, о нем-то и поговорим сегодня.

У каждого, говорю я, други мои, есть свой Кремль, освященный, божественною силой воздвигнутый Кремль души нашей. Этот Кремль нужен для

того, чтобы сохранить от врагов внутреннее духа нашего. У нашего священного Кремля тоже, как и у всякого, четыре стены. Первая стена, обращенная прямо ко внешнему миру, самая большая, самая важная, называется смирение. Вторая стена — самоукорение. Если первая учит не превозноситься, считать себя хуже других людей, то вторая гласит — „что ни случится с тобой, помни, что ты один во всем виноват”. Третья стена — страх Божий. У кого воздвигнута эта стена, тот будет избегать греха, чтобы не оскорбить Господа. Четвертая стена — память Божия. Когда есть эта стена, человек ни на одну минуту не забывает, что он ходит пред лицом Бога, Который видит не только его дела, но и мысли. Но, кроме стен, Кремль божественный защищают четыре стражи, у каждой стены по одному. У первой стены страж — внимание. Этот страж следит за входящими и допускает только тех, кто имеет билет добродетели, остальных же не допускает. У второй стены страж, на долю которого выпало очищать Кремль, если врагам все же удастся проникнуть. Страж этот — покаяние. У третьей стены на страже ревность по Боге, грозный этот страж, он избивает врагов, которые все же проникли в Кремль. И четвертый страж бичом изгоняет и поражает всех врагов, которые сумели спрятаться от первых трех стражей. Имя четвертому стражу — молитва Иисусова. Вот как укрепляется Кремль, в такой не проникнут никакие враги, потому что их не допустят стражи. И каждый из нас посмотри, в порядке ли стены? Не обрушились ли где? На месте ли стража? Если так, то будь спокоен за дом души твоей. Кремль охранит ее и дом тот станет жилищем Самого Бога, а Кремль будет подобен дому, построен-

ному на камне, — ни бури, ни волны житейские не обрушат того Кремля.

Святители Российские да помогут вам, возлюбленные мои, построить прочно ваш Кремль.

+

9 окт. Всенощная. Собор

Отец, умирая, призвал детей своих и отдал им ящичек, а в нем драгоценный камень, и сказал при этом:

„Вот я ухожу от вас и на прощание оставляю вам этот ящичек и камень. Не простой это камень, а чудесный, талисман этот камень. Когда на пути жизни, которым суждено вам идти, постигнет вас болезнь, возьмите талисман в руки и вы получите исцеление. Когда скорбь наполнит душу вашу, возьмите талисман в руки и скорбь ваша в радость превратится. Когда лишения и другие невзгоды придут на вас, возьмите талисман в руки и вы выйдете из невзгод крепкими и спокойными, потому что этот камень не просто драгоценный, в нем, кроме того, скрыта великая сила”.

Умер отец, и дети получили в наследство ящичек с камнем. По-разному отнесли дети к дару отца. Они разделились на четыре группы. Первая группа детей не только не порадовалась подарку, но отнеслась к нему с насмешкою, с издевательством. Они говорили: смешно, что отец придавал такое значение этому камню. Разве может камень оказать какую-нибудь помощь? Непонятно нам это, не можем мы, люди образованные, культурные, поверить

в силу какого-то камня, глупо нам это кажется. Они с пренебрежением отвергли камень, а некоторые пошли дальше, нашлись, которые стали плевать на ящик, ударяли по нему топором, поносили ящичек и камень. Но вот случилось чудо: плевки обратились в бриллианты, рубцы топора превратились в сверкающие лучи.

Вторая группа детей стала изучать камень: они рассматривали его со всех сторон, клали на микроскоп, производили всякого рода исследования. В конце концов было высказано такое мнение: камень ничем не отличается от целого ряда таких же камней, он даже не слишком драгоценный; наконец, некоторые сказали, что попытаются сделать точь-в-точь такой же, и вот появилось много камней, похожих на талисман, и дети второй группы гордились своими успехами.

Третья группа детей отнеслась к камню с величайшим равнодушием — они ни разу не заглянули в ящик, не полюбопытствовали, что в нем находится.

И только четвертая группа детей отнеслась к подарку с величайшим вниманием: они искали утешения и радости в силе талисмана и получали их.

Возлюбленные мои, отец этой притчи — Христос. Он, уходя от апостолов, оставил Церковь Свою и в ней драгоценный талисман, нас утешающее и укрепляющее Божественное Свое Евангелие. Но люди, как и дети притчи, по-разному относятся к дару Своего Спасителя. Есть такие, которые не только отвергают Св. Евангелие, но и стараются его уничтожить, насмехаются над ним. Таковы Нерон и другие гонители, но их гонения достигали противоположного. Плевки превратились в бриллианты, а

рубцы топора в блистающие лучи, это — мученики Христовы — они сверкающие лучи Церкви Божией. Есть среди нас похожие и на вторую группу детей испытующих, умствующих, подменивающих Евангелие Христово — своим.

Разве не сделал такой подмены Толстой? Таков Ренан, Штраус и другие. Много и людей третьей группы, равнодушных к евангельским словам. Наконец, есть и четвертая группа — искренне и горячо верующие дети Христовы, которым дорог дар нашего Господа. Паства моя! Крепче держи в руках Евангелие! Пусть не выпадает оно из рук, ибо в нем сила обновляющая, оживляющая, утешающая.

+

Великая Среда 1921. Литургия

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Евангелие, которое слышали мы ныне, чудный, призывный звон колокола для всякого грешника. Нигде в Евангелии нет такого образа милосердия Божия к кающимся, такого образа возрождения, как в рассказе о грешнице. Злые страсти держали душу ее как бы в плену демонском, много душ погубила она, разбивала и нарушала мир в семьях. Наконец, ей стала тяжела такая жизнь, тоска вселилась в душу, победы не давали радости. Вдруг она слышит о великом пророке, видит Его среди учеников, слышит учение Его, на ней остановился взор Его. Много глаз смотрело на нее с любовью, но в них она читала только страсть, звериное чувство, а в этом взоре она прочитала осуждение всей ее жизни, и в то же время

неизреченную доброту и всепрощение. И этого взора она не могла забыть, ей хотелось еще раз увидеть Учителя, услышать Его, попросить прощения. Долго искала она Его, в одни дома она не осмеливалась войти, потому что о ее грехах знали все, она стыдилась войти, в другие трудно было попасть, потому что ее, как презренную, отталкивали от дверей.

Уже наступил вечер, когда она узнала, что Христос в Вифании, в доме Симона прокаженного. Сюда она решилась войти: ей, всеми презираемой женщине, можно было переступить порог этого дома, чтобы исповедовать свои грехи всенародно, потому что прокаженные сами были отверженные, им нельзя было оставаться даже в городе, к ним боялись входить в дом. В одежде кающейся побежала она туда, не боясь, что будут думать и говорить о ней люди. Из всех сокровищ она захватила только флакон нарда. Это была драгоценность, купленная страшною ценою позора. Нард — чудное, благоуханное миро такой цены, что его держали в драгоценных хрупких сосудах с узким горлышком, чтобы миро вытекало из флакона по капле. С этим сосудом вошла она в дом. Ее не испугало презрение и негодование, с которым встретили ее гости, она видела только чудного Учителя, она заметила, что Его приняли не с должным почтением, что Ему не оказали самое обычное гостеприимство, не вымыли ноги, не помазали голову маслом, как было принято на востоке. Грешница, как бы привлекаемая какою-то силою, осмелилась подойти к самому ложу Христа, потому что на востоке вкушают пищу на ложах, в полулежачем положении. Взглянув в лицо Учителя, грешница поняла, что ей нечего рассказывать, что вся жизнь ее уже известна Ему, вся ее темная жизнь,

все ее страсти, но ей не стало страшно, напротив, она поняла, что если кто может простить, то только один Он, Который все, все понял. Бесконечная благодарность, пламенная любовь к Милосердному охватила ее душу и со слезами раскаяния упала она к ногам Его. Эти ноги были в пыли, но ее слезы смыли эту пыль, ее волосы от сильного движения распустились, и она ими отерла омытые ноги. Не смутили ее насмешки и негодование, она верила, что здесь спасение. Схватив свой флакон, свое сокровище почти бесценное, она стала возливать миро на голову, для которой хозяин пожалел масло, но миро вытекало медленно, по капле. Тогда она разбила хрупкий флакон и благоухающий нард струями полился и на голову, и на одежду, и ноги Сидящего. Все принесла она сюда, к ногам дивного пророка, и свою гордость, и свою известность, не побоялась насмешки. Не флакон, а душу свою она разбила, потому что бесконечная любовь загорелась в душе ее, и всю себя принесла она в жертву. И ее жертва не была отвергнута: „Прощаются тебе грехи твои многие за то, что ты возлюбила много”, — услышала она. Упала к ногам Христа презренная грешница, а встала равноапостольная Мария Магдалина, потому что по преданию это именно она.

†

ПИСЬМО ДУХОВНЫМ ДЕТЯМ ИЗ ССЫЛКИ

Всем, всем моим о Христе Иисусе Господе нашем возлюбленным чадам, их же имена в сердце моем ношу, мир, благодать и Божие благословение. Свер-

шаю длинный и долгий путь с пересадками, утомительными стояниями. Но весь этот путь от Меленков до Москвы, от Москвы до Алма-Аты, от Алма-Аты до Уральска, предстоящий от Уральска до Гурьева на Каспийском море есть путь дивный и незабвенный. Кратко сказать, что это есть путь чудес от чтения 150 „Богородице, Дево, радуйся!” Порою думается, что Господь нарочито и послал меня этим путем, чтобы воочию показать мне, сколь сильна пред Ним молитва Пречистой Его Матери и сколь действительно приносимое ей с верою архангельское приветствие „Богородице, Дево, радуйся!” Верую и исповедую, яко аз познах, как никогда еще на совершаемом мною сейчас пути все тепло, всю защиту, весь покров чудного приветствия сего „Богородице, Дево, радуйся!” Это воззвание в самых непроходимых местах пролагало мне углаженную дорогу с верными моими спутниками, в безвыходных обстоятельствах давало выход, располагало нерасположенных ко мне, злые сердца неоднократно умягчало, а несмягчавшие и обжигало, и посрамляло. Яко исчезати им, яко дым. Архангельское приветствие „Богородице, Дево, радуйся!” при полной беспомощности вдруг подавало неожиданную помощь и притом с такой стороны, откуда и невозможно было никак ее ожидать. Не говорю уже о внутреннем мире среди бурь, о внутреннем устройении при окружающем неустройстве от сего приветствия архангельского, праведно движимый гнев Божий оно от главы нашей отстраняет и самый приговор Судии-Сердцеведа отменяет. О, великое дерзновение! О, страшное заступление! Из огня страстей изымает, со дна падения горé к небесам восхищает. Ограждайте же себя чаще и усерднее, деточки мои милые, сею

стеною нерушимою, оградою сею неразоримою: „Богородице, Дево, радуйся!” С сею молитвою никак не погибнем, в огне не сгорим, в море не потонем. Если же сатана, ненавидящий нас, и запнет нас на пути нашем и сшибет нас, то и тогда архангельское приветствие воссылая, воспрянем, восстанем добре, затемненные грехом очистимся и убелимся, яко снег чистотою „высшей небес и чистейшей светлостей солнечных”. Мертвые, убитые страстями, воскреснем, оживем и в восторге духа возопием: Христос воскрес! Воистину воскрес!

Епископ Серафим

КОНЧИНА АРХИМАНДРИТА ТАВРИОНА

Из ежедневной рукописной православной газеты „В свете Преображения”, выходящей в с. Гребнево Моск. обл., редактор свящ. Дмитрий Дудко.

Кончина старца Тавриона

13 августа в воскресенье скончался архимандрит Таврион, духовник Спасо-Преображенской пустыни, после долгих и мучительных страданий, „своих страстей”, от рака пищевода. Старец называл тяжелые и мучительные болезни, как рак, „язвами Христовыми” и частенько любил повторять, что место истинного христианина на Голгофе, которую он должен пережить как венец своей жизни — умереть на своем кресте, ибо если мы „со Христом умрем, то с Христом и воскреснем”. Воскресная кончина была последним словом его проповеди. Старец всегда призывал тщательно готовиться, сознавать и встречать День Божий — воскресенье — как Пасху, живую и действенную. Переживая этот день как День в Грядущем Царстве и всегда причащаясь, лучше всего подготовишься к смерти.

Так, в полшестого [утра] старец позвал о. Евгения, чтобы тот причастил и читал отходную. После причастия во время отходной он тихо почил в 6.40 утра. Во время отпевания в присутствии архиерея и 22 священников читалось дневное Евангелие — слова в Евангелии от Иоанна, которые чаще всего

Архимандрит Таврион незадолго до кончины

повторял покойный архимандрит: „Ядый Мою плоть и пияй Мою Кровь имеет жизнь вечную и Я воскрешу его в последний день”.

Символичным и радостным стал и его сорокоуст: он приходится на праздник Рождества Богородицы, а в обитель Рождества Богородицы Глинской пустыни поступил 13-летний Тихон по своей великой любви к Богу.

Сообщил А. Столяров

От редактора. Многие ходили к нему, многих он утешал, а многим и помогал, даже материально, и многие теперь, наверно, осиротели. Еще бы услышать от него словечко, а я вот, грешный, и вообще не смог побывать у него, только записочку получил...

Царство тебе Небесное, печальник за землю Русскую!

Иногда ходим около праведника, успеется еще побывать у него, а глядишь уже ушел. Помолись там о нас, оставшихся на этой грешной земле.

Одна женщина рассказала о нем сон. Идет он в окружении епископов. Дойдя до нее, благословил двумя руками, как епископ. Видно, дело, которое он делал, было епископское.

Собирайте теперь по крупицам, что осталось от него...

*Рассказ о посещении пустыньки
в день кончины архимандрита Тавриона*

Вот что рассказала одна паломница в пустыньку 15 августа 1978 года.

В течение двух месяцев я собиралась поехать в

Спасо-Преображенский монастырь, в пустыньку, где духовником был отец архимандрит Таврион. Он тяжело болел уже около года, говорили, что у него рак — не то пищевода, не то трахеи. Временами он служить не мог, но постом, когда я была дважды, на первой и на четвертой неделе, он служил и даже принял нас с мамой, а потом с Мишей А. В последний раз, когда он меня принял, он плохо себя чувствовал, был сильно усталый, о чем сразу сказал, и тут же заговорил о разводах. Мне показалось, что он очень взволнован и огорчен, наверное, новым известием или случаем. Он говорил о том, как это страшно, какой разброд в сердцах, душах, в семьях, о том, что в разводах виноваты женщины. На проповеди он тоже об этом говорил и учил терпению. Я сказала батюшке, что я разведена. Он ответил: очень плохо, терпения не хватило. Еще я его просила молиться об одном человеке и чтобы он разрешил ему приехать, рассказав кто этот человек и какие трудности связаны с его приездом. Он дал согласие, твердо сказал, чтобы А. приезжала, т.е. дал мне благословение на ее приезд. С тех пор передо мной был долг: свезти А. к отцу Тавриону и в монастырь, пока он еще жив. Но и обстоятельства, и мое собственное состояние все время этому препятствовали. Я откладывала и откладывала, даже когда по работе и времени могла бы эту поездку организовать. Но совесть меня беспокоила. Наконец, увидев возможность собрать 4 дня выходных, если на работе поменяться дежурными днями, я решила ехать 11 августа, под первый Спас.

Мы с А. приехали в Ригу 12 августа в 12 ч. дня. Служба в монастыре вечером начинается в 5 часов. Оформление в гостинице — мы не могли ночевать в

пустыньке — заняло довольно много времени, и я поняла, что мы в этот день не успеем. Решили ехать в воскресенье с раннего утра, т.к. по воскресным дням литургия начинается в 7.30. Встали в 5.45 и в начале шестого были на автостанции, чтобы уехать автобусом в 6.40 до Елгавы. А оттуда еще автобусом, всего пути, без ожидания, около полутора часов. На первый автобус мест для нас не хватило, и, боясь опоздать к утренним правилам и исповеди, я решила взять такси. Приехали мы к монастырю в 7.15 или 7.20. По дороге шел страшный ливень, потом стало проясняться. Накануне тоже весь день, хоть и с промежутками, шел сильный дождь, было серо и очень мокро. Солнце почти не выглядывало. Войдя в монастырь, мы сразу пошли в летний маленький храм Преображения. Вокруг не было никакого движения. Никого, кроме одного мужчины, не было видно. В церкви ждали начала службы. Народу было очень мало. Не считая монашек, которые понемногу собирались на правом и левом клиросе, женщин монастырских, двух стариков (один плотник при монастыре) и юноши, всегда молчавшего, тоже живущего при монастыре, — человек 20, не больше, паломников, в основном женщин, простых, но разных по одежде и занятиям, и странниц... Все стояли и читали свои поминальные тетрадошки. Было светло. Я успела подать записку и поставить свечку. Из алтаря в подряснике очень тихо и почти незаметно вышел священник и, остановившись сбоку, у левой двери в алтарь, что-то сказал. Я напрягла слух и подвинулась на шаг. Из первых слов услышала „скончался”. По церкви прошло движение и сдавленный вздох с каким-то вскриком. Казалось, вот-вот заголосят, зарыдают и зашумят. Но наобо-

рот, все собралось, сдержалось, вроде как замерло, но не мертво. Священник говорил тихо, с трудом, видно было, что с болью и потрясением, но спокойно, медленно и аккуратно. Сказал, что батюшка скончался совсем недавно (мне потом сказали, в 7 ч. утра), что над ним прочли молитву на исход души и облачили. А теперь будет, как всегда, утреннее правило, исповедь, чтение слова Иоанна Златоуста и Литургия.

Должна сказать, что кроме часа смерти — 7 ч. утра — мне ничего другого известно не стало. И еще — это мне говорили богомольцы — что никто из них не знал, что батюшка умирает. Не служил уже некоторое время и все. Никаких разговоров, вопросов о том, как умирал батюшка, в каком он был состоянии, был ли в памяти, что говорил — все эти подробности, которые обычно хочется узнать и которые так охотно передаются, я до сих пор, приехав в Москву, — не знаю. Охранялась тайна смерти монаха! Не то чтоб держалось в секрете, а не являлось темой для разговоров.

Литургия шла как при отце Таврионе. В те же моменты и почти — как мне показалось — так же служивший священник говорил: поем всей церковью („Приидите поклонимся”, „Свят, Свят, Свят”). К концу службы приехала мать игуменя из Риги и встала на правом клиросе.

Когда после Причастия я пошла в конец церкви запивать теплоту, я увидела, как пронесли гроб, пустой, закрытый, обшитый черным материалом, в зимний храм. Не знаю зачем, может быть, освящать. Подумала, что гроб был готов заранее. После конца Литургии священник сказал несколько слов о том, что скончался „наш духовный отец, который

был тоже духовным и в других монастырях и многих людей, и что его знали во всей России и дальше, что теперь нам надо о нем молиться, так как он предстанет пред Господом Богом со своей душой и всеми своими делами...”. Дальше он опять говорил о необходимости наших молитв — не помню, какими точно словами, но одно я запомнила точно: мы не знаем, как отец Таврион предстанет пред Богом, праведником или грешником, никто этого не знает, один Господь. Поэтому мы с вами будем молиться... Эти слова были очень страшные и совсем неожиданные. Услышать их было крайне странно. Меня они потрясли и отрезвили. В них был полный отказ судить за Бога, оценивать, высказывать свою точку зрения. И главное, твердое разъяснение и напоминание о том, что сейчас происходит с душой умершего, на какой Суд она представлена. Если бы не эти слова, я бы уехала из монастыря с впечатлением большого мира, тишины, красоты, покоя. Светило солнце, погода стала ясной, чистой, красота и мир были действительно необыкновенными. Но впечатлением гораздо более поэтическим и слишком личным, слишком, скажу, приятным, чем то, что произошло и о чем надо было думать и главное молиться — были строгость и трезвенность этих слов. Они мне напомнили рассказ К.Р. о том, как он присутствовал на Пасху на заутрене в Троице-Сергиевой Лавре на богослужении, совершаемом двумя старыми монахами, и как они строго, без всякого ликования, собранно провозглашали: Христос воскрес!

После Литургии все пошли, как-то само собою, к дому батюшки и встали, как всегда стояли, ожидая, что он выйдет или начнет принимать. Было очень

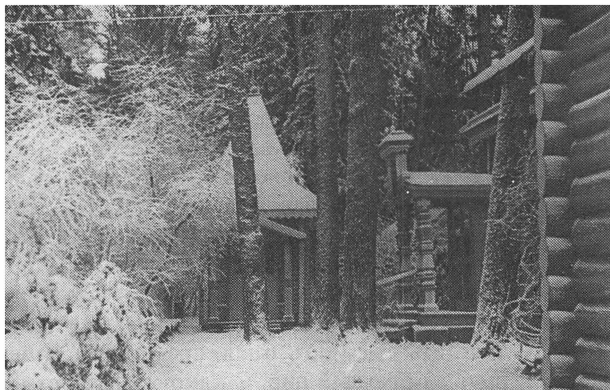
тихо. Иногда Лида — такая там была убогая — начинала вскрикивать и кого-то ругать, и плакать об отце Таврионе. Монашки ее строго, терпеливо и ласково удерживали. Даже по ней было видно, как она не дает полного хода своим чувствам. Принесли большой крест. Потом его внесли в дом и впустили монашек и женщин, постоянно живущих там. Началась небольшая давка в дверях, как и бывает всегда, когда народ ждал. Пришлось кого-то оттолкнуть, но опять-таки все быстро успокоилось. Было слышно, как в доме началась Лития, видно, как зажглись свечи; вышла женщина со свечами и всем раздала. Большие свечи. Их зажгли. Потом вынесли крест, за ним крышку гроба и, наконец, гроб. Несли впереди двое мужчин, послушник и еще молчаливый молодой, сзади две монахини. Запели „Святой Боже” и проводили гроб в большой, зимний храм. Батюшка был в серебряном облачении, с митрой на голове и воздухом на лице. В церкви высвободили руки, вложили в них крест деревянный, Евангелие и молитву. Началась лития, очень короткая, как мне показалось — не обычная панихида. Народ стал подходить ко гробу — людей еще не много, подходили медленно. Началось чтение Евангелия. Тогда батюшка попросил больше не подходить: успеете, храм будет днем и ночью открыт, — теперь идите кушать, вас ждут, все готово, не надо нарушать порядок. Обед прошел точно как всегда. Никто ничего не спрашивал и не говорил. После обеда кто пошел по воду, кто остался мыть посуду и чистить картошку. Мы пошли прилечь на один из чердаков, где было два свободных места. Поспав часа полтора, пошли опять в церковь. Читали Евангелие. Приехал архиепископ Леонид из Риги и один,

без иподиаконов, отслужил такую же короткую литию. Владыка, обходя гроб и кадя ему, несколько раз покачал головой как бы недоуменно. Потом объявил о порядке служб, о назначенном дне отпевания, о порядке чтения днем и ночью Евангелия, просил читать всех, кто может.

Вечером в 5 часов в храме Преображения служили всенощную с выносом Креста, в другом храме продолжали над батюшкой читать. После службы священник опять сказал несколько слов о Кресте и Голгофе, о том, что всякая душа отчитывается перед Богом за свои дела. „Отец Таврион, – говорил священник, – однажды сказал: „Как священник я каждый день иду на Голгофу!” И нам с вами, неся свой крест, надо каждый день идти на Голгофу”, – закончил о. Е.

Простившись с о. Таврионом, уехали в Ригу.

Москва 15-16 августа 1978 г.

Спасо-Преображенская пустынька
Рижского женского монастыря

ОТРЫВКИ ИЗ ПРОПОВЕДЕЙ
АРХИМАНДРИТА ТАВРИОНА

Божественная Литургия начинается словами: „Жрется* Агнец Божий взявляй грехи мира...”. Заклание этого Божественного Агнца — наше возрождение. Мы очень ответственны перед людьми и перед друг другом. Мы и за них должны что-то такое приносить. И вот нет могущественнее благодарности перед Богом как то, когда мы совершаем Божественную Литургию. Это есть благодарение, мы изливаем перед Господом благодарность свою. Почему она не именуется Литургией покаяния, а благодарения? Потому что взял Господь на себя наши грехи, и Агнец заклан за нас. Нам только созерцать, переживать и благодарить этого Агнца, Который взял на Себя грехи всего мира. Вот мы и предстоим. Поэтому наша молитва в церкви очень могущественна. Этой молитвой существует вся вселенная. Если этой молитвой существует вся вселенная, тем паче, конечно, каждому из нас уже легко спастись. Притом не какими-нибудь бедненькими стоим здесь. И не так, словно бы, так сказать, просим с гнетом. Нет! Заклан Агнец за тебя. И Кто? Сын Божий! Поэтому мы, когда присутствуем на Божественной Литургии, мы присутствуем на торжественном Божественном пире, брачном пире возлюбленного Сына Божия. Все это сделано для того, чтобы удостоить нас. Вот сами представим себе: человек идет на брачный пир. С какой он радостью,

* Жрется = режется, закалывается (церковно-слав.).

Архимандрит Таврион в зрелые годы

с каким удовольствием идет. А потом, смотрите, каким прекрасным бывает с любовью предлагаемое угощение. И вот видите, Господь Сам Собою нас питает и предлагает Себя. Поэтому литургия заканчивается тем моментом, когда приступающим к Чаше Христовой говорится: „Святая Святым!” Какая радость! Святые призываются получить Святое. Правильно! Ведь священник принимает исповедь. Священник данной ему благодатью прощает вам согрешения. Если вы верите в это прощение, значит, вы уже святые. Поэтому-то предлагается вам: „Святая Святым”.

Все вы приехали из разных мест. Различными скорбями пришли вы сюда. Вот видите, человек стремится найти покой. Мы ищем покой, мы находим покой в вере нашей, в молитве нашей, в общении таинств. Даже люди, далекие от Церкви, от веры, стараются найти покой именно в тишине. Так вот, наши обстоятельства очень благоприятствуют этому покою. Вот смотрите, современное общество, живет оно в шумных, больших городах, а все-таки людям приятно где-нибудь бывать в тихих, нетронутых местах природы. О чем это говорит? Это говорит о том, что человеческая душа, природа, стремится к нетронутой, естественной своей красоте. И вот религия, Церковь Божия, Евангелие — это естественная, нетронутая красота. Души человеческие Евангелие все раскрывает. Святое Святых души твоей. Вот когда ты именно почувствуешь свою душу, да и почувствуешь в ней качество, подобное

Отцу Небесному, — тогда Евангелие тебе станет понятно. Так что редчайшее счастье — это то, что ты держишь в руках Евангелие. Евангелие раскрывает истину. Евангелие — редчайшая вещь, даже по внешней своей форме: маленькая, а всему миру отвечает. Не было в мире такого чуда, как Евангелие. Смотрите, сколько было государств, сколько было наций, и следов от них не осталось, а Евангелие — есть! Во всех народах, на всех языках оно проповедует! И человек, когда ищет правды, нет, вы подумайте только — верующий изучает Слово Божие. Неверующий тоже крепко изучает Слово Божие. Почему? Потому что не знать Евангелие — это быть совершенно невежественным, неграмотным человеком. В мире много есть прекрасного, материально ценного, а тем более духовного, но откуда оно могло появиться? Из Евангелия. Так вот. Всякий любитель техники или иных истинных предметов в области науки, искусства и литературы разве может в своем сознании пройти мимо Евангелия? Не может. Слово Божие — всегда прекрасно. Оно имеет особую природу. Евангелие больше всего понятно разуму детей. Поэтому в старые времена говорили: „О, христианская религия — это религия старух и детей”. Почему так? Потому что природа, как она есть, воспринимает правильно законы естества. Дети очень искренно и справедливо понимают Слово Божие. Так вот, родители, не лишайте детей Слова Божия. Вы имеете на это право. Почему имеете право? Да потому, что вы родители. Вы должны что-то хорошее, доброе в них посеять. Детей родить — это дело естества, а детей воспитать — это дело родительское. Вот, родители! Воспитать надо детей! А у детей есть сердце, есть воля, у детей

есть свобода. Вот попробуйте-ка их воспитать. А вы только обижаете их, вы ведь их любите, хотите получить утешение, радость и притом вы перед ними ответственны. Потому что, как вы их воспитываете в раннем детстве, такими они на всю жизнь останутся. Видите, какой великий долг лежит на родителях. Ребенок всегда рождается прекрасным, но вот обстоятельства, воспитание делают его жутким, страшным злодеем.

Спаситель сказал: „Я есмь дверь овцам”. Значит, в жизнь войти можно лишь через Христа, если кто входит в жизнь не Христом, не дверью Христа — он вор и разбойник. Спаситель сказал: „Кто идет в жизнь мимо Меня — тот вор и разбойник”. Вот. Разберитесь в этом. Как Господь хорошо, крепко укоряет, ворами, разбойниками называет. А теперь смотрите — священник — вор и разбойник, монах — вор и разбойник, и вы, родители — воры и разбойники, если вы не строите жизнь свою, не чувствуете ответственности перед Евангелием. Так вот, братья и сестры христиане, надо серьезнейшим образом подумать о своей любви к Евангелию. Будет у вас любовь к Евангелию — будет и раскрываться Святое Святых природы вашей. Да поможет нам Господь!

+

На что вы надеетесь? Что вас ждет? Подумайте, что ждет ваших родных, о которых вы как будто скорбите, что они живут без веры. Вы подумайте о самих себе — что вас ждет?! Да, действительно, что вас ждет до тех пор, пока люди живут без веры

в Бога, какая жалкая у них жизнь. Вы посмотрите на их жизнь: у них получается в жизни как будто бы все, и образование, и молодость, и условия, и т. п., а какая пустая у них жизнь? На них смотреть даже страшно! А ведь они живут в этом страхе. А ведь мы ответственны за них. Вы видите, какой лежит на нас подвиг? Не только сохранить свою веру, но и для них ее показать, показать веру. *Вот наступило время теперь не учить, а показывать.* Значит, мы можем показать. Вот каждый о себе теперь и подумаем. Вот ты считаешься христианином, вот в том или ином звании или положении, а что ты делаешь для утверждения веры? Мы поставлены во время Апостольское. Апостолы никакой даже перспективы не имели, кроме страданий Христа. И действительно, они жизнь кончали в тяжелых испытаниях, кому голову отсекли, кого на кресте распяли или зверям отдали. И первые христиане жили так, они за каждый день боялись: или их отдадут зверям, или деток их отберут и зверям отдадут. Вот так христиане жили. Они жили так около трехсот с лишним лет. Но что же их утвердило и оставило верных в вере? Чувствовали они веру в Бога, чувствовали именно правду и чувствовали именно *потребность веры.* Так точно и теперь. Если у человека есть потребность в вере — он будет веровать и найдет веру. Но мир уже настроен так, что верующий человек считается как бы ненормальным. Видите что! И вот, если его нельзя переубедить, его сажают в дом умалишенных. Факт. Как нам себя вести? Вот теперь сами посудите, как нам дорожить теми благодатными возможностями, которые Господь нам дает. А что касается Литургии, Чаши — то это Царство Божие, это небо на земле.

Вот это то основание, на котором может человек успокоиться, утвердиться в вере, просветиться в вечность. В этом — правда Божия. Как для себя, так и для других, поэтому разумею такую возможность, которой мы должны дорожить, а тем более, когда приходим в обитель. Мы должны этим дорожить. Потом ясно смотреть в то, что ждет нас. А потом пожалеем, да уже поздно будет. Братья и сестры христиане! Теперь все люди грамотные. Читайте Слово Божие! Через Слово Божие будет ко всем вам приходиться Дух Божий, и вы будете спасаться. И так Церковь Божия исповедует: „Святым Духом всякая душа живится”. Теперь наступает преполовение праздника. Там очень дивное Евангелие, в котором Господь говорит о живой воде. Он говорит: „Кто верует в Меня, у того потекут реки живой воды”. Это говорил Он о верующих, которые имели Духа Святого. Эту воду надо содержать. Если эта вода будет в нас, мы сами спасемся и вокруг себя весь мир спасем. В чем да поможет нам Господь!

...И ЭТОТ ПУТЬ ПРЕДАН НАМ ОТ ОТЦОВ

Это — богословский дневник нашего современника. Размышления и выписки его свидетельствуют о духовных поисках автора. Он найден в одном из частных архивов. Как он туда попал, нам неизвестно. Возможно, автор дал читать его своему духовнику или кому-нибудь из близких. Непостижимыми для нас путями движутся к нам друг от друга свидетельства духовной жизни наших соотечественников, открывающих для себя Бога и Отцов Церкви. Автор дневника пожелал остаться безымянным. — Сост.

Если увидишь человека, творящего неправду, смотри не подумай, что он делает это по своей злобе. Он обманут и злоба эта не его. И ты, если почувствуешь злобу или хоть раздражение к такому человеку, тоже обманут. За что же Господь попускает бесам нас обманывать? За то, что мы не верим правде. Все злые дела, которые творят люди, не иное что, как знамение их неверия правде и наказание за это неправдой. Почему же мы не верим правде? Потому что дела наши злы и правда их злобу обличает. Итак, получается круг: мы не верим правде, потому что она обличает наши дела, и за неверие попадаем во власть лжи, которая умножает злые дела. Злые дела — грехи — лежат бременем на всякой душе и не

дают ей поднять глаза к свету правды. И, чтобы помочь выйти человеку из этого погибельного круга, надо прежде всего снять с него бремя грехов. Но как? Через прощение. Что же такое прощение? Прощение есть мысленное отделение духа злобы от души, над которой он взял власть, т.е. мысленное очищение грешника от греха. Вот смысл слов священника „и аз недостойный иерей властью, мне данною, прощаю и разрешаю тебя от всех грехов твоих”. Разница между обыкновенным человеком и священником здесь та, что первый имеет власть прощать только те грехи, которые задевают его лично, а второй — все вообще. Итак, если согрешил против тебя брат твой, очисти его мысленно, и вот ты снял с него бремя по благодати Господа нашего Иисуса Христа, ибо мысленное очищение — дело человека, а очищение по самой сущности есть дело благодати. Но однократным прощением человек еще не освобождается от власти лжи полностью. Наоборот, будь готов к еще большему озлоблению, ибо прощением ты уязвил беса, и он будет распалать против тебя человека все больше и больше. Поэтому, получив удар по одной щеке, готовься подставить и другую, иначе уничтожишь всю пользу, которую человек получил от твоего прощения. Помни, начав прощать, ты вступил в борьбу не с человеком, а с духом злобы, но бить он тебя будет руками человека. Это и есть положение души за други своя и есть подражание Кресту Господню. Пострадай за чужие грехи и получишь очищение своих, а если только за свои грехи страдаешь, какая тебе похвала? Впрочем, чужих грехов нет, все свои. И здесь прощение смыкается с покаянием, которое есть самоочищение. Если надо мысленно очищать чужую душу, то тем более

свою. В себе самом надо разделять между душой и злом, в ней поселившимся. Но прощать себя еще труднее, чем прощать других. Почему? Потому что *не то делаешь*. Тщишься разделить по существу, а это дело Божие и для тебя непосильное. Итак, оставь самость, перестань надеяться на свои силы, разделяй *только* мысленно, а существенное предоставь Богу. Не гневайся на себя, как праведник, а *смирненно исповедуй грехи Богу*, и от Него жди исцеления, а не от своей ревности, которая не по разуму. Помни, *ты и себе не судия*, ибо и сие — гордость. Не укоряй, напоминай о смерти, о суде, *но не суди*. Суд над собой производит двойное зло: во-первых, оскорбляет Бога, ибо душа — Его собственность, а не твоя, и, во-вторых, полагает вражду между душой и умом, так что душа, вместо того, чтобы довериться уму и искать у него помощи против мучающих ее страстей, начинает бояться его, как судьи, и скрывает от него страсти. (Образ сего есть отношения мужа и жены.) Итак, для успеха покаяния ум должен обращаться с душой любовно, доверительно и терпеливо; тогда будет у них мир, душа откроет уму свои язвы, а ум принесет это исповедание Богу. И Бог исцелит душу, и душа покорится уму. И тогда душа начнет зачинать и рождать добродетель и благие помыслы, которые привлекут на нее благословение Божие, а ум наградится от Бога дарами Духа Святого. Слава силе Твоей и благодати и премудрости, Господи, и да сотвориши сие на нас.

Помни всегда обличение, которое Господь произнес на фарисеев, и не думай, что оно не тебя касается. Всякое духовное дело, слово и помышление, подобно дереву, растущему из своего семени, и как семя скрыто в земле, так и основание всякого духовного дела скрыто в сердце. Познается же оно по плоду. Семя Божие суть смирение, и все, что из него произрастает, приносит плод, угодный Богу. Всякое же иное семя прорастает фарисейством и приносит плод погибельный, как сказал Господь: „Всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится”. Смирение есть зерно горчичное, которое меньше всех семян, а вырастает выше всех зелий. Итак, смотри, ты заглушил в себе семя смирения; что же растет на поле твоём? Фарисейство.

Помни, у страстного человека первая реакция всегда страстная, поэтому никогда не поступай по первому побуждению. Если же ты притом и своеволен, знай, что и после одной молитвы ты еще действуешь по страсти. Надо помолиться несколько раз и тогда уже совершить поступок или выразить мысль. Если переходишь от одной мысли к другой, опять помолись несколько раз. Дай, Господи, исполнить. Дай, Господи, исполнить. Дай, Господи, исполнить.

Не могу сего исполнить. Тогда не думай, по крайней мере, что делаешь что-либо угодное Богу. Волю дьявола творишь. Но подумай, как мало от тебя требуется; неужели даже ради собственного спасения не можешь сделать такую малость? Лучше тебе не сделать дела, чем сделать без молитвы.

Почему пост есть служение Богу? Потому что постящийся творит правду. Если душа не получает благодати до сытости, потому что недостойна, хорошо ли насыщать тело? Сытая плоть презирает голодную душу и не желает ей служить. А по правде должно быть так: тело служит душе, пока душа не насытится, а потом может насыщаться само, но лишь в той мере, в какой послужило душе. Как же этого добиться? Ум имеет жену — душу, а душа имеет служанку — тело. Ум оставил душу и соблудил с телом, и теперь печется о теле более, чем о душе. Дети этого беззакония — телесные страсти. Душа же ожесточилась. Итак, надо оставить излишнее попечение о теле и примириться с душой. Пока не сделаешь первого, не сможешь получить второе. Поучись сему у Авраама: как он изгнал, в угоду Сарре, Агарь с Измаилом в пустыню, но Господь не оставил их умереть. Обращайся с телом строго (но не безжалостно) и будет мир в твоём доме. Тело исправляется строгостью, а душа — милостью, ты же поступаешь как раз наоборот. Господи, исцели ум от блудной страсти!

Грешник, который надеется на исправление, суть грешник не по естеству, а по обстоятельствам. Истинное покаяние состоит по-видимому, в том, чтобы сознавать себя грешником по самому естеству и не мечтать об исправлении, а уповать только на милость Божию. Помни: праведники живут на небе, а земля есть земля грешников. Зачем же стараться исполнять заповеди? Затем, что только делатель заповедей может понять, что человек грешен безнадежно. Потому и сказал Господь, что кто душу свою не возненавидит, не может быть Его учеником. Как же совместить ненависть и любовь к одной душе? Ум прилепился к телу и оставил душу, душа же ожесточилась и стала прелюбодействовать с бесами; и стала рождать злые помыслы и душевные страсти, которые восстают на ум и мучают его. Пока ум не презрит тела, он ничего этого не знает. А когда презрит и обратится к душе, найдет ее блудницей, окруженной злыми чадами, и возненавидит и ее и чад; и вступит с ними в борьбу, и будет побежден; и смирится, и сознает, что всем виновник он сам, и покается; и простит душу и примирится с ней; и возьмет крест свой и будет нести, пока душа не покается; и душа прилепится к уму и возненавидит злых чад своих, и изгонит их; и оставлена будет вина ее, и грех ее не помянется к тому; и придет на них благословение Божие и родят чада добра. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Если хочешь научиться терпению, смирению и кротости (а именно это тебе и велено), перестань ждать спасения и начни ожидать смерти. Сей путь кратчайший.

Как относиться к нецерковным христианам? Когда Иоанн сказал Господу, что они видели человека, который именем Его изгоняет бесов, и запретили ему, потому что не ходит с ними, что сказал Господь? „Не браните (не возбраняйте, не запрещайте. — Р е д .) ему, ибо никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня”. А потом добавил: „Ибо, кто не против вас, тот за вас”. Итак, если человек называет себя христианином и не говорит против Церкви, но в Церковь не ходит, не препятствуй ему оставаться в том, в чем он есть, но объясни, что кто не ходит в Церковь, тот не призывается и на Тайную Вечерю, так как не ходит вслед апостолов.

Господь сказал: „Когда хочешь помолиться, войди в клеть твою, запи двери и говори: Отче наш...” (и далее). Почему же „наш”? Потому что эта молитва есть молитва согласия ума и души. Только когда ум и душа примирятся совершенно, ум сможет войти в сердце — внутреннюю клеть души, и молитва Господня будет свидетельствовать о внутреннем мире и любви и будет приятна Богу. Где

сии двое или трое соберутся во имя Господа Иисуса, там и Он будет посреди их. И все это в сердце.

†

Отчего бывает сонливость во время молитвы и полезного душе чтения? Ум скучает. Отчего? Оттого, что душа не внимает. Что же делать? Во-первых, терпеть и не раздражаться, во-вторых, развлечь душу каким-нибудь рассуждением и постараться найти в ней самой повод к молитве или чтению. Но для этого надо, чтобы ум привыкал делать все не для своего просвещения, которого он жаждет, а на пользу душе. То есть ум, если он поистине хочет стяжать Духа Святого, должен стать на путь самоотречения и служения душе. Сей есть дух Христов, и о нем нужно молить Господа: „Господи, научи меня служить душе!” Уму свойственно простираться вверх, ибо он есть духовный огонь, но надо возжечь его так, чтобы он горел не беспорядочными и бесполезными мечтаниями, а был бы светильником для души и вместе согревал бы ее своей теплотой, данной ему от Бога. Помни, служение душе есть послушание, данное тебе Самим Богом, и только этого Он от тебя требует. Все, что не есть служение душе, суть преслушание, оскорбляющее Бога. Образ сего есть служение семье. Не мечтай, а будь внимателен к пожеланиям души; благие и средние выполняй, а о злых терпеливо вразумляй. Смотри, не перепутай душу с телом и не прими пожелания тела за пожелания души. Научись сему из отношений к жене.

Итак, ум должен всегда находиться при душе, т.е. внутри, всякий раз, как ум отходит от души и простирается вовне, она оскорбляется таким небрежением и становится легкой добычей бесов. Поэтому надо отучиться от опрометчивости, ибо бесы, пользуясь опрометчивостью ума, отвлекают его, выставляя необходимость немедленного решения каких-то вопросов. Научись замедлять свою реакцию, хотя бы от этого могло пострадать какое-нибудь дело, потому что мир души выше всего. „Что пользы человеку, если он весь мир приобретает, душу же свою отщепит?“ Впрочем, если помедлишь немного ради послушания Богу, в надежде на Его помощь, не будешь посрамлен и во внешнем.

Помни, ум не войдет в сердце, пока не стяжает полного доверия души, а для этого нужно совершенно оставить всякое самолюбие и стать слугой, как сказано: „иже аще хочет в вас вящий (большой) быти, да будет вам слуга“. Также ничего не твори без совета с душой, чтобы потом не упрекала тебя совесть. Ибо совесть, как мне кажется, и есть совет ума и души. Когда они сотворят что-нибудь худое без совета друг с другом, то после друг друга укоряют. А в совете, если бы даже по неведению и что худое сотворили, мир не нарушится, а Господь простит и исправит.

Господь Иисус Христос пришел тогда, когда мера беззакония Израиля исполнилась и его ожидала участь Содома. Господь пришел и спас всех, кто Ему поверил. Пришел же он по молитвам пророка Иоанна, ибо как Илия отверз молитвой небо для дождя, так Иоанн — для благодати Божией. Посему и сказал о нем Господь, что не было пророка большего Иоанна. Такая была у него любовь и такой плач о погибающем народе, такая жажда спасения, что Бог сказал ему: „Иди, приготовь народ покаянием. Во время твое Я пошлю обетованного Мессию”. Но как Моисей только издали видел землю обетованную, но не вошел в нее; так и Иоанн пострадал прежде Креста Господня, открывшего спасение миру, чтобы и умерших приготовить к пришествию Спасителя, и встречал Господа в сонме пророков. Потому и сказал о нем Господь, что меньший в Царствии Небесном болей его есть, что первый насельник Царствия — разбойник — не видел ада, а Иоанн сошел во ад. Ответ Господа на сомнения Иоанна можно понять так: если бы Я не брал на Себя грехи всех ищущих у Меня исцеления, то не мог бы их и исцелить; потому блажен, кто не соблазнится о Мне. Кто убил Иоанна? Тщеславие (Ирод) и злоба (Иродиада). Итак, тщеславие и злоба убивают покаяние. Святой отче Иоанне, помолись и о мне грешном, да напоит Господь Своею благодатью мою иссохшую душу.

Таинство спасения совершается так. В таинстве Крещения мне, ради крестных заслуг Спасителя, было дано полное отпущение грехов, и тем самым образ Божий был очищен во мне и полностью восстановлен. Но, не имея опыта внутренней жизни, я не мог вполне осознать, что со мной произошло; мои представления о Боге, о себе, о праведности и о грехе оставались крайне туманными, и не умея, как следует, противостоять искушениям врага, я снова впал в прежние грехи и опять осквернил в себе образ Божий. Следующий этап: приобретение опыта внутренней жизни с помощью благодати Божьей, действующей в таинствах покаяния и причащения, а также через храмовое богослужение, домашнюю молитву, чтение Писания, Св. Отцов и вообще духовной литературы. Когда внутреннее зрение начало открываться, я увидел, что все мои беды происходят от несогласия ума и души. Следующий этап состоит в стяжании внутреннего мира, который достигается через смирение и благодатное исправление ума. Когда мир будет достигнут, ум должен принимать деятельное участие в исправлении души. Первый этап этого исправления есть очищение души. Душа должна избавиться от сочувствия страстям, а затем и возненавидеть их. Когда это произойдет, душа примет в себя Духа Святого, который очистит ее совершенно. С этого времени ум становится только свидетелем спасения души, а руководит душой Сам Святой Дух. Цель Его та, чтобы привести душу во образ Матери Божией. И когда сие будет исполнено, в душе совершится таинство Воплощения Христа. Сие есть совершение

спасения души — цель земной жизни христианина и начало блаженной вечности в Царствии Отца, Сына и Святого Духа. Аминь. А затем, если Богу угодно, человек повторяет земной путь Спасителя, даже до Креста, уже не для своего спасения, а для спасения других людей. Вот почему после блаженства миротворцев, которые нарекутся сынами Божиими, Господь говорит о блаженстве изгнанных правды ради, терпящих поношение, изгнание, клевету — в общем все, что претерпел Сам Господь. Итак, смотри сколько впереди дела, и не теряй времени. Сегодня твоя задача — стяжание внутреннего мира. Смирись, трудись, помни о смерти. Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе! Мати Божия, спаси нас, грешных! Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй.

+

Блажени нищие духом — примирение ума с душой.

Блажени плачущии — начало очищения души.

Блажени кротции — душа перестала сочувствовать страстям.

Блажени алчущии и жаждущии правды — душа возненавидела страсти.

Блажени милостивии — Дух Святой сошел в душу.

Блажени чистии сердцем — Дух Святой вообразил в душе Матерь Божию.

Блажени миротворцы — в душе воплотился Христос.

Блажени изгнани правды ради — душа пошла путем Христовым.

Пятидесятники соблазняются тем, что имеют дар языков, дар пророчества и прочее, а в Церкви ничего этого нет. Почему же нет? Потому что не нужно и не полезно. Для современного мира ни дар языков, ни другое что в этом же роде не является свидетельством о Боге; мир все это объясняет научно. Что же нужно? Доброта, отзывчивость, сострадание, самоотвержение, искренняя любовь ко всем — вот что свидетельствует о Боге, и не может быть объяснено никакой наукой. И все это в Церкви есть.

Не проси у Бога исцеления, ибо ты его недостоин, а проси помилования и терпения, чтобы всегда видеть свое разращение и окаянство и терпеть его как должное. Это и есть память суда. Вместо того, чтобы ждать исцеления ума и души и молиться о нем, надо ждать смерти и молиться о помиловании, ибо память смерти и суда есть движущая сила покаяния, без которого надежда на исцеление есть беспочвенная мечтательность. Начало покаяния — не ждать от себя ничего доброго, середина — принимать как должное любое искушение, конец — помысел александрийского сапожника: все спасутся, один я погибну. Итак, видишь, ты не начал еще покаяния.

Богомыслие можно и нужно сопровождать молитвой, а молитву нельзя совмещать с Богомысли-

ем, потому что молитва выше. Помыслы приходят помимо нашей воли; среди них могут быть и полезные для самой молитвы, советы которых можно исполнять, но не рассуждать с ними. Если не принимать никаких помыслов, то нельзя научиться и молитве, ибо молитве учатся во время молитвы. Безоговорочно надо отсекаать только те помыслы, которые молитвы не касаются (посторонние), а из тех, которые касаются, надо выбирать полезные; ошибки не должны смущать — ты ученик.

†

Когда приходит искушение, рассмотри внимательно, кто первый от него страдает. И во многих (если не во всех) случаях увидишь, что самомнение. Поделом ему. Наг ты родился, наг и умрешь, помышления и те погибнут в той день. Итак, когда приходит искушение, войди внутрь, вместе с душой готовься к смерти. Ибо, как все пророки предвозвещали Христа, так все искушения предвозвещают смерть. Слава Тебе, Господи, слава Тебе.

†

Отче — ибо мы познали, что Ты Един источник жизни и нет другого. Наш — ибо, познав это, мы обрели мир в самих себе и примирились друг с другом. Иже еси на небесех — ибо и мы должны были жить там с Тобой; но за непослушание ниспали на землю и погрузились во множество грехов, конец которых — смерть. И ныне, падшие и оскверненные, обращаясь к Небесному отечеству, молим Тя. Да святится Имя Твое — Имя, которое мы произносим

в молитве, да исполнится Духа Твоего, вопиющего — авва Отче, и да освятится, как жертва, которую мы приносим за грехи наши, ибо Сын Твой искупил нас Своею Кровию. Да придет Царствие Твое — Царствие Духа Твоего Святого, ибо Сын Твой исполнил за нас всякую правду и оправдал нас перед праведным судом Твоим. Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли — прими нас снова в послушание Себе и сопричти нас, земных и грешных, небесным Твоим сынам, которые никогда не преступили Твоей воли. Посему, еще будучи на земле, в грешной плоти, молим Тя. Хлеб наш насущный даждь нам днесь — слезы раскаяния по слову Псалмопевца: слезы мои были мне хлебом день и ночь, — ибо пока душа не насытится сокрушением, не может предстать пред Лицем Твоим, а насытившись, возопиет. Остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим — ибо что пользы искать удовлетворения своей правде у другого, когда неудовлетворенная мною Божия правда требует для меня смерти. Посему молим Тя, Отче, ради Пречистых Тела и Крови Сына Твоего, которые Он предложил в снедь нам, грешным, помилуй нас, и не взыщи с нас долга, которого мы не в силах покрыть. И когда простишь нас и снова наречешь Своими детьми, еще молим Тя. Не введи нас во искушение — ибо мы познали свою немощь и не надеемся на себя, что сможем противостать искушению врага. Но избави нас от лукавого — чтобы не нарушил он еще раз мира между Тобой и нами, да пребудем Твоими навсегда. Яко Твое есть Царство и сила и Слава во веки. Аминь.

Если хочешь быть кому-нибудь приятным, смиряешься перед ним и приступаешь в простоте и доверии, ибо только смирение, простота и доверие умягчают человеческое сердце. Так же и ум, когда приступает к душе, да смирится пред ней, да очистится от внешних помыслов и в простоте и доверии зовет ее к совместной молитве, и так умягчит свое сердце. Ибо ничто в человеке не происходит без участия человека. Одного произволения мало, надо *положить начало благовому действию*, и тогда благодать укрепит и совершит его. Если хочешь стяжать благоволение Божие, стяжи благоволение своей души, ибо Бог не есть Бог неустройства, но мира. Когда ум сможет руководить душу к молитве, он воспримет духовное диаконство.

Как понять слова Господни: „Многие скажут Мне в тот день: Господи, Господи, не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли и многие чудеса творили? И тогда скажу им: „Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие”. И еще: „Не всякий, говорящий Мне: „Господи! Господи!” войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного”. Итак, один и тот же человек может творить дела святые и беззаконные. Дух Святой сходит на грешника по усердной его молитве (и это в чувстве сердца), и человек начинает говорить иными языками, пророчествовать и творить знамения, и увлекается этими внешними проявлениями Духа, и не за-

ботится о внутреннем своем устройении в жилище Ему, и когда Дух отходит, остается тем, чем был. Потом опять призывает Духа с полной верой в Его пришествие и получает по вере своей, но опять увлекается лишь внешней стороной, и со временем возрастает в нем духовное сластолюбие.

Такой человек не знает себя, не знает, что человеческое естество грешно по самой сущности, он думает, что уже вкусил Царствия Небесного, и не заботится о смерти и вечности, и приходит к смерти неприготовленным. Почему же Дух не открывает ему правду? Потому что он не ищет правды, а только сладости духовной. Поддерживая внешность духовной жизни воздержанием, богомыслием, покаянием в видимых грехах, он чувствует себя вполне благополучно. За что же ему такое ослепление? За то, что отпал от Церкви и не ходит вслед Отцов, а надеется на свою веру. Такие люди дерзают даже совершать Евхаристию, не имея на то истинного благословения Божия, и думают, что принимают Святые Тайны Христовы. Но и в этом ошибаются, потому что Святые Тайны — смерть для них, ибо они не имеют от Бога власти оставлять грехи. Оттого они и не знают о своих сокровенных грехах и считают свою исповедь достаточной. Причем, делается все это не по злобе или лукавству, а вполне искренне, что происходит от глубокого неведения.

Почему же возможно осязаемое действие Духа Святого в таком заблудшем человеке? Потому что над ним совершилось таинство Крещения, в котором он получил начаток Духа, Который пребудет с ним до Страшного Суда. А таинство Крещения могут совершать крещеные люди и не имеющие благодати священства. Почему же эти благодатные дары

так редко среди членов Церкви? Потому, что они истинно причащаются Тела и Крови Христовых, которые одни могут открыть человеку сокровенные его грехи, так что человек не дерзает просить о духовных дарах, но прежде всего просит истинного покаяния, чтобы достойно приготовиться к исшествию из сей жизни. Ибо в будущем веке языки умолкнут и пророчество прекратится, но только чистые сердцем узрят Бога. Первый признак того, что человек не всуе причащается, есть глубокое сознание своей внутренней испорченности и ненадеяние на исправление, а только на милость Божию к грешнику, и этот путь предан нам от Отцов.

Сегодня среда, воспоминание о том, что Иуда предал Учителя. Вот и видел он Господа каждый день, и Господь делил с ним свой хлеб, и благодать апостольства имел, и дар исцелений, и власть над бесами, был почтен особым доверием Господа, ибо был общим казначеем... и предал. Почему? Потому что понадеялся на плоть, возомнил себя чистым, праведным. А плоть его предала. Вознерадел о себе, и в короткое время из повелителя бесов сделался их рабом. Итак, пока ходишь во плоти, не надейся на плоть, хотя бы и мертвых воскрешал. Помни Иуду и не возносись перед ним, ибо и у тебя такая же плоть. Надо быть очень внимательным к проявлению страстей и не считать это чем-то случайным. Нерадение возрастает в человеке постепенно, и до времени Господь не отнимает от нерадивого благодать; только вместе с благодатью начинают действовать и страсти. Враг хитер и подступает к нерадиво-

му постепенно, чтобы не спугнуть, и только когда видит, что овца отбилась от стада, бросается и овладевает ею. Так и Иуда не предал значения страсти сребролюбия, а она была сигналом для него, и постепенно отошел от апостолов так далеко, что диавол смог овладеть им. То же и тебе будет, если забудешь, что ты – грешная земля, проклятая земля. Сколько бы добрых плодов ни принесла душа, как только вознерадишь, изнесет еще больше терний. Итак, когда молишься о каком-либо деле, не говори Господу: помоги мне сделать добро или сотвори через меня, грешного, добро – но: изведи честное от недостойного.

+

Если говоришь: „Господи, помилуй” – и не помнишь при этом о смерти и суде, ты еще не начал покаяния, потому что считаешь себя достойным милости.

+

Смирный узник менее тяготится узами, и смиренной душе легче во аде. Ибо ад есть невидимые узы, сковывающие ум, а огонь геенский суть страсти, распалюющие душу и тело безысходной жаждой услаждения. И еще постоянно грызет душу червь – помысел о том, что если бы я жил на земле иначе, вечность была бы для меня иной. О сем плакал Иоанн, когда говорил народу: „Порождения ехиднины! Кто сказа вам бежати от будущего гнева? Сотворите убо плод достоин покаяния...”. О чем сокрушался Господь, говоря: „Змии, порождения ехиднины!

как убежите вы от осуждения в геенну?” Не думай, что ты лучше тех, кому это было сказано. Смиряться не как для Царствия Небесного, а как для ада преисподнейшего, чтобы иметь там хоть малое облегчение. Сей путь для тебя кратчайший. Слава Тебе, Господи, слава Тебе!

Ты видишь — ад самое удобное место для Иисусовой молитвы, но не входи туда пока, без совета это опасно, а постой еще у дверей.

+

Сердце, не имеющее любви, подобно озеру, не имеющему стока воды; сколько бы ни дождала в него благодать, вода застаивается и загнивает. А проточное озеро всегда чисто. А в озере с рыхлым дном вода не держится, и оно быстро пересыхает. Надо укрепить сердце, и молиться о дожде; ничего, что пока вода гниет, наступит день, когда благодать исполнит сердце до краев, и тогда потекут из него реки воды живой. Рыхлость же сердца есть малодушие и непостоянство. Укрепляет же сердце Бог. Если хочешь, чтобы Он сотворил с тобой эту милость, признай себя малодушным и непостоянным, не допуская даже тени сомнения. И это — опять нисхождение во ад.

+

Есть добродетели тленные, и ты некоторые из них имеешь, и есть нетленные, из них ты не имеешь ни одной. Пойди, продай тленную добродетель и цену ее раздай нищим. Так ты станешь нищим от добродетелей и владельцем одних пороков. И если у

тебя достанет духа это сделать, получишь богатство нетленное. Продать имение — значит сделать добро бескорыстно, и благодарность, полученная за него, будет пред Богом его ценой. Продать тленную добродетель значит — не считать сделанное добро добром, а вменять его себе в грех. Оно есть истинное нищенство духовное. Видишь, как ты далек еще от первого блаженства. Раздать полученное от продажи нищим значит — не принимать на себя похвалу, а приписывать все другим, т.е. искренно считать, что добро произошло не от тебя. Господи, Ты видишь мое убожество! Итак, старайся делать добро бескорыстно, благодарность за него отдавать Богу, похвалу отдавать другому, а себя считать злым. Если же не можешь так поступить, то, по крайней мере, не мечтай о себе.

+

Три года Господь ходил по всему Израилю и проповедовал спасение. Исцелил множество больных, сотворил великие знамения. А в конце земного пути возле Него осталось только 12 ближайших учеников, причем один из них — предатель. Почему? Сколько людей уверовало в Него, сколько воздавало царские почести, но в конце все отвернулись. Почему? Потому что Он искал в людях только любви. Ибо вера, почтение и прочее хорошо, но лишь в сем веке, а для вечной жизни годится только то, что проистекает от любви. И вот, любовь обрелась только у 12-ти. И у Иуды? Да, и у Иуды, ибо любовь была условием избранничества, а Иуда был избран подобно прочим апостолам. Как это понять? Так, что есть любовь земная и есть небесная, тленная и

нетленная. Апостолы имели земную любовь и это было очень много, потому что прочие не имели и этого. И вот, как земная любовь встретила с искушением Креста. Иуда отпал, соблазвившись тем, что их осталось всего 12, а Учитель последнее время только и говорит, что о Своей смерти. До Гефсиманского сада дошли с Учителем 11. К состраданию к Себе Господь призвал только троих, потому что двое из них, Иаков и Иоанн, говорили, что могут пить Его чашу, а Петр обещал идти с Ним на смерть. Но они не были к этому готовы и потому заснули, 9 учеников бежали, когда Учитель предал Себя в руки архиерейских слуг. До двора первосвященника его сопровождали лишь двое. Один из них отрекся, поддавшись страху за свою жизнь. До Креста дошел один, и его Господь усыновил Своей Матери. Но и Иоанн не веровал в воскрешение, пока не увидел пустого гроба. Вот что такое земная любовь; вот что такое человеческая немощь. И все это произошло с ними после Причастия. Посему на вопрос Пилата о Царстве Господь ответил: „Если бы Царство Мое было от мира сего, слуги Мои подвизались бы за Меня... Но ныне Царство Мое не отсюда”. Посему после Причастия, после того, как ученики были обновлены и очищены Пречистым Телом и Кровию Господа, Господь встал от вечери для того, чтобы умыть им ноги. Кто святее апостолов? Сам Господь засвидетельствовал о них, что они чисты, но при этом сказал: „Измовенный не требует, токмо нози умыти...”. Итак, пока человек ходит по земле, он имеет немощи, хотя бы был свят, как апостол. Тем более мы, грешные. Все мы требуем умовения ног у Господа, и потому должны умывать ноги друг

другу, т.е. смириться перед чужими немощами и прощать их.

Вот, любовь Божия. Все сделал Господь для спасения человека, Душу Свою положил, Тело преломил, Кровь пролил, и после всего умыл ноги человеку. Сие есть небесная любовь и небесное смирение. А земная любовь, если и простирается до жертвы, смирения не имеет и не прощает непонимания. Грешник, надейся на милость Божию, ибо Бог любит не как человек и прощает не как человек, и хоть ты не можешь этого понять, но веруй, но надейся, и получишь милость, какой и не ожидал. Только бы ты не думал, что имеешь что доброе, ибо это добро сгорит в геенне, и ты окажешься наг, потому что понадеялся на свое добро, а не на личность Божию. Кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь.

†

Великий труд — очистить сердце от страстей, но к нему нельзя и подступиться, пока ум не очистится от тленных добродетелей. Блаженны мытари и блудницы, поистине они ближе к прощению, чем фарисеи, вроде меня.

†

Всякого, кто берется учить других, Господь спросит: „Есть ли в тебе что доброе?” Если ответит: да, — то значит, собирается учить тому, чего не знает. Если ответит: нет, — значит хочет учить тому, чего не имеет. Итак, учить может только тот, кому Господь сказал: „Шедше убо научите вся языки,

крестяще их во Имя Отца и Сына и Святого Духа... И се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века". А ты говори только о том, что спрашивают.

+

Цель жизни христианина — стать жилищем Бога. Содержание жизни христианина — устройство в себе дома Божия. Для этого требуется: во-первых, вера в то, что это возможно, во-вторых, желание осуществить и завершить это дело во что бы то ни стало, в-третьих, просвещение свыше, чтобы не тратить сил попусту, в-четвертых, божественная сила, совершающая всякое наше начинание, в-пятых, учитель, который имел бы опыт в этом деле, в-шестых, послушание учителю, потому что между знанием и делом такая же разница, как между планом дома и настоящим домом. Итак, сначала Господь подает человеку веру, потом желание реально осуществить виденное очами веры, потом откровение того, что нужно для этого сделать, потом опыт внутреннего действия божественной силой, потом открывает Учителя — Пречистую Свою Матерь, Которая Одна знает это дело в совершенстве. А послушание зависит от самого человека и бывает плодом смирения и, вместе, совершителем его.

+

В строительстве духовного дома участвуют трое: Бог, Единый в Троице, Который подает все необходимое и совершает дело, Божия Матерь, Которая учит, как нужно пользоваться тем, что подает Бог и, вместе, ходатайствует за человека, прося у Бога

милости и благословения на начатое дело, и сам человек, задача которого — участвовать во всяком деле, которое укажет ему Божия Матерь, совершая его божественной силой. Но поскольку человек отличается непостоянством, малодушием, самомнением и другими пороками, он не может справиться со своим делом, если на помощь ему не придут ангелы и святые, которые помогают ему исправить то, что он испортил, и ходатайствуют за него перед Божией Матерью и Богом.

†

Все необходимое для устройства духовного дома подается нам ради Крестной жертвы Христа, ибо, сами по себе, мы недостойны сего. Посему должно всегда молиться Господу Иисусу Христу, да сподобит нас быть причастниками Его жертвы. Подается же благоволением Отца Присносущего силою Духа Святого. Стало быть, нам нужно не потерять Отчего благоволения, не отпасть от Креста Христова и не оскорбить Духа Святого. Для сего необходимо: во-первых, умалиться и быть как дитя, во-вторых, считать себя грешником, ибо ради грешников Господь принес Себя в жертву, в-третьих, совершать свое дело с благоговением.

†

Совершается же дом духовный по образцу, данному нам в лице Матери Божией. Посему, чтобы вернее ей уподобиться, надо отдать себя целиком под Ее руководство, чтобы ни в чем не иметь своей воли, а исполнять только то, что Она велит. Сия

есть о нас воля Божия. Кто слушается Бога, тот послушает Божию Матерь, и кто послушает Божию Матерь, тот исполнит волю Божию. Посему надо всегда молиться Ей, да научит нас всякому делу благому, совершенному и угодному Богу. Сей путь указал нам Господь, когда единственного ученика, который пребыл с Ним до конца и стоял у подножия Креста, Он усыновил Своей Матери.

†

Другое значение этого усыновления то, что истинным сыном Божией Матери становится только тот, кто пребывает с Господом даже до Креста.

†

Должно тебе молиться святому апостолу и евангелисту Иоанну Богослову. Да будет тебе проводником по жизни Спасителя даже до Креста. Там встретишь Матерь Божию.

†

Во время совершения Божественной Литургии Господь невидимо возводит участников ее на высоту херувимского служения Ему и подводит к самому Своему престолу, где и приносится Жертва, и там причащает Ей верных. Какое же нужно иметь смирение, чтобы не низвергнуться с этой высоты, ибо невозможно земнородному иметь чистоту соразмерную ей. Господь облакает нас такой чистотой, какую мы не в силах даже уразуметь; если же отчасти разумеем, то не можем не устранимся, ибо

мы не можем нести ее достойно. Посему, когда Господь устами священника возглашает: „Святая святых”, — мы можем ответить только: „Един свят, Един Господь Иисус Христос в славу Бога Отца. Аминь”.

Очень важно, что *первое* знамение Свое (в Кане) Господь сотворил по ходатайству и с благословения Своей Матери. Он Сам так хотел, чтобы начало Его земного служения открыла Его Мать. Потому и не откликнулся сразу согласием на Ее слова: „Вина не имут”, — но как бы воспротивился, чтобы подчиниться Ее воле. Таким образом Он указал — Кто имеет власть отворить двери Его благодати. „И вероваша в Него ученицы Его”. Ученики уверовали в Него через знамение, а Мария имела свидетельство о Его Божестве в Себе Самой. Знамение же еще значит вот что. Вода — образ плотской жизни, вино — образ жизни духовной (ибо сказано: „И вино веселит сердце человека”). Здесь Господь показал образ всего Своего служения: претворить в человеке жизнь плотскую в жизнь духовную. И, конечно, ученики уверовали не потому только, что видели чудо, но что поняли знамение. Ибо чудо видели многие, а уверовали избранные. А шесть водоносов *возможно* преобразовали шестерых учеников, ибо к тому времени с Господом были Петр и Андрей, Иаков и Иоанн, Филипп и Нафанаил. Таким образом, Мария ходатайствовала не только о помощи семье жениха, но и о вере учеников. И эта связь также имеет глубокое значение, ибо вера укрепляется от *видения благих дел*. Ученики слышали сви-

детельство Иоанна и поверили ему, но уверовали в Господа, только увидев благое знамение.

+

В Евангелии от Иоанна Божия Матерь является только дважды: первый раз в Кане, когда Она просит Сына явить людям Свою славу, и второй раз — при Его Кресте, когда усыновляет ближайшего Господня ученика. Но этим все сказано.

+

Не ищи специальных условий для будто бы лучшего служения Богу. Это — тайное самолюбие. Раб Божий лишь тогда поистине свободен, когда благословляет Господа на всяком месте владычества Его.

+

Не поддавайся соблазну дел. Земля и все дела на ней сгорят, а любовь пребудет во веки.

+

Все члены твои, внутренние и внешние, суть слуги сердца, а сердце — храм Божий. Посему, что бы ты ни делал, ты совершаешь Богослужение. Если же не так, если служители храма разбрелись по своим делам, то ясно, что храм твой в запустении и подлежит разорению. Итак, не само дело важно, а то, как оно совершается. Для того, чтобы дело было угодно Богу, нужно его совершать в согласии

ума и души; если этого нет, оставь дело, оно не принесет тебе пользы, а если не можешь оставить, сокрушайся о том, что убиваешь время в суете, и хоть таким образом служи Богу.

+

Крест Христов соединил небо и землю, ибо трое были объединены одним страданием: Сын, Отец и Мать. Так благоволил Бог приблизиться к человеку. Человек отпал от Бога, будучи во славе, и потерял с Ним общение в любви радостотворной, и тогда Бог пришел к человеку падшему, чтобы восстановить с ним общение в любви скорбящей. Я радовался с тобой пока ты не отпал от радости; теперь ты в скорби и, вот, Я пришел, чтобы разделить твою скорбь. Вот что такое Крест Христов. Авраам, ты дал Мне своего сына, и Я отдам тебе Своего; пусть они будут едино. Я буду Его Отцом, а твоя дочь пусть станет Его Матерью. И пусть Он примет на Себя всю скорбь, которую принес в мир грех, от первого до последнего дня. Пусть не будет больше Праведного Бога и грешного человека, но одна только скорбь и страдание нашего Сына, в котором мы будем участвовать вместе — Я и Она. Теперь нам нечего делить и нечем считаться, ибо отныне у нас все общее — и любовь, и скорбь. Аминь.

+

Трое совершали таинство примирения Бога и человека: Отец, Сын и Мать. Они совершали его не ради себя, а ради нас. Каждый из Них имел власть остановить все, прекратить страдание, но Они хоте-

ли страдать до конца. И это ради любви к нам, чтобы не оставалось ничего разделяющего между Богом и человеком. С каким благоговением и покорностью воле Божией совершалась эта тайна очистительных страданий. Это была любовь, вся состоящая из скорби, и скорбь, вся состоящая из любви.

†

Здесь, у Креста Сына Божия и Сына человеческого, между Отцом и Марией была такая близость, какая была только в Самом Иисусе Христе между Его Божеством и человечеством. Посему: „Достойно есть, яко воистину, блажити Тя, Богородицу, ... честнейшую херувим и славнейшую без сравнения серафим, без истления Бога Слова родшую, сущую Богородицу Тя величаем”.

†

Падший человек может соединиться с Богом только в скорби: такова о нас воля Божия. Поэтому всякую скорбь надо принимать с благоговением, как высшую милость, и искать не избавления от скорби, а близкого Бога. Для этого надо учиться подражать Христу, когда скорбь касается только тебя, и Марии, когда она касается твоих близких.

†

Много даров у Бога, и если бы было можно, Он всех сделал бы пророками и чудотворцами, но нет для человека дара ценнее, чем истинное покаяние, ибо одно оно открывает душе двери Царствия. К

покаянию Господь приложит, а без покаяния отнимет. Покаяние же есть — во всех случаях считать себя достойным вечного осуждения и муки.

Сокровенная цель всякого искушения — посеять раздор между умом и душой. Дьявол знает, что пока в человеке мир, Господь покрывает его Своею благодатью, которую отнимает только за вражду. Любовь потому не падает, что не способна на вражду. А пока любви нет, мир соблюдается самоуничтожением или вменением себя ни во что. Посему лучше на деле смиряться, чем мечтать о любви. Между светом и тьмой нет середины, ибо всякое умаление света уже есть тьма. Спасен лишь тот, кто стал обителью Бога. Если же этого в тебе нет, считай себя среди погибших. Господь может воскресить и мертвого, но, пока этого не произошло, мертвый еще мертв. Пока спасение не совершилось, ты пользуешься временной жизнью, будучи участником вечной смерти. Помни: прежде совершенного спасения всякое явление благодати временно, смерть же пребывает с тобой неотлучно.

Семья есть образ души, и все семейные скорби и радости суть знамение того, что невидимо происходит в твоей душе. Посему, когда молишься дома, не отрывайся от дома, помолись как сущий в дому. Тогда ум пребудет при душе. Так же и в Церкви, молись, как от сущих в Церкви, и ум не оторвется от души. И так привыкнешь молиться совместно с

душой. И кто тебе тогда помешает! Когда возносишься умом горе, душа, оставшись без призора, суетится и мешает уму. Сойди умом на землю и молись от земли, и молитва освятит землю. Господь сошел на землю, а ты возносишься на небеса, смотри, как бы тебе с Ним не разминуться.

+

Небеса — обитель жизни вечной, земля — обитель жизни временной, преисподняя — обитель смерти. Для человека дорога на небеса лежит через смерть, ибо и Господь сначала сошел во ад, потом еще 40 дней пребыл на земле и только потом вознесся. Так и ты смирись прежде до земли, потом до ада. До ада же смириться может лишь тот, кто не имеет ничего, что бы связывало его с землей. Тебе далеко еще до этого.

+

Цель покаяния в том, чтобы человек сознательно мог перенести то, что ему предстоит при исходе из сей жизни, а не в том, чтобы получить прощение от Бога. Господь может простить и без покаяния, но что пользы от этого человеку? Ведь прощение не отменяет наказания, а только полагает ему некий предел. Итак, всякий человек должен понести наказание за свои грехи, но если мы не хотим, чтобы наказание было вечным, надо сознать себя достойным его. Если мы будем считать наказание несправедливым, то впадем в грех хулы на Бога, и тогда уподобимся падшим ангелам, которые потому и не могут восстать, что считают свое падение несправед-

ливым и хулят за это Бога. Есть покаяние плоти и покаяние духа. Покаяние плоти не отрицает своей вины, но не может примириться с тем, что эта вина достойна вечной муки. Человек, имеющий такое покаяние, не может любить Бога всем сердцем и не может прощать всего сердца ближнего. Покаяние духа считает себя достойным вечной муки и бывает для человека преддверием совершенной любви. Такой человек, когда просит Отца: остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим, — получает полное оставление грехов, ибо сие есть блаженство милостивых, яко тии помилованы будут. И на такое покаяние нисходит Дух Святой. Посему истинная Иисусова молитва неотделима от памяти смертной.

†

Ты ничего еще не знаешь, ибо разумение не есть знание. Знание все у Бога, а у человека — разумение; разумение же всегда отчасти. Одно разумение может быть лучше другого настолько, насколько камень лучше песка, но и камень превратится в песок. Земля еси, и в землю отыдеси. Весь ты перстный и совне и изнутри; если бы не дыхание Божие, оживляющее тебя, не имел бы ты чести перед гноем земным. Если хочешь знать истину о себе, вот она: Аз есть прах и пепел. Прах, потому что земля, из которой ты сотворен, попиралась ногами Божиими, и пепел, потому что не сохранил дара Божия, но спалил его в пламени страстей.

Что малый источник в пустыне, то благодать Крещения в сердце. Если не умножит Господь воду, не оживет пустыня. Исповедую Ти ся Господи, яко ничтоже доброго обретох в сердце моем, кроме благодати Твоя, и сия надежда ми быша, еяже ради молю Тя, Милостиве: отверзи ми утробы благодати Твоя и посли Слово Твое, и потекут реки в безводных; оживиши бесплодную и принест плод мног; помилуй мя, да не погибну от Лица Твоего, да не речет враг мой: достояние мое есть. Заблудих яко овца, Господи, взыщи мя.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ОБРАЩЕНИЯ

Посвящается крестной

†

Легче всего в моей „истории обращения” выделить некоторые события, незначительные, но запомнившиеся и, должно быть, сыгравшие свою роль. При этом, разумеется, остаются в стороне тысячи и миллионы событий, крупных и малых, которые остались невидимыми, и которые тоже вели к одной цели — к самому большому чуду, которое может быть с человеком.

Под Новый год я познакомился с одной христианской семьей, бывал три-четыре раза в их доме, причем всякий раз — когда там была большая компания; не скажу, что понял тогда, что христианство — не только обряды, но увидел его *живым*. Вряд ли я тогда мог им особенно заинтересоваться, его заслоняли бесчисленные события и некоторые крупные увлечения. Но уже живое христианство было для меня новостью.

Следующая вешка — середина марта. Началось, собственно, с брошюры А. Черткова о Пасхе. Ее описательная часть, написанная с уверенностью участника и не без вдохновения, впервые, может быть, приоткрыла краешек мира христианских переживаний. Совершенно независимый и противоположный поток мыслей привел тогда же к тому, что несколько дней спустя я не стал писать школьного сочине-

ния (это был конец 10-го класса) на какую-то социалистическую тему и примерно неделю был в не то сомнамбулическом, не то пришибленном состоянии от своего открытия, к которому подобрался от философии, литературы, даже политики. Лучше всего его передает сделанная чуть позже, когда я уже мог писать, запись в письме:

„... Началось... не со смысла жизни, а с воспитания человека. Бессилие человека самому определить свое место в жизни, до моего возраста, наверняка, — оно, это место, полностью определяется теми, кто его окружают, а когда человек это осознает, он должен сделать выбор — а оснований для выбора, своих собственных открытий у него почти нет. И желание отдать свой комсомольский билет (было такое вчера) возникает не от желания стать честнее, а от того, что понимаешь, что вступил в комсомол не ты, а совсем другой человек, если угодно — марионетка. Согласие с подобным насилием было неизменным, пока я не должен был сделать свой, собственный, самостоятельный, пускай самый маленький, выбор между разными путями жизни, между теми идеями, которым меня учили и которые я узнал сам... Я почувствовал, что я и мое тело — две разные вещи; мое тело казалось другим старше, чем оно есть, потому что оно впитало в себя чужие повадки, привычки, манеры, надолго эта „взрослость” подчиняла и мои мысли — а мысли детские, заносчивые, подчас, путанные, бешеные. Сочинение — это когда в первый раз я сумел в чем-то себя преодолеть; мне казалось, что я должен сбросить с себя эти внешние манеры, мысли — до самоубийства — и я почему-то не смог этого сделать. Вчера я делал то же, что и всегда — без всяких усилий изнутри, а внутри что-

то постоянно заставляло одергивать себя, и смотреть на себя — на тело — снаружи. И я ни в чем не могу найти выхода”.

О каких же новых мыслях я упоминал? Сейчас трудно вспомнить точное направление моих поисков и сомнений, кажется, что я должен был сомневаться во всем. Да направления и не было, было тыканье туда и сюда. Это и этика, и история, и философия, в целом — поиски смысла жизни, которые где-то уперлись в собственную неразвитость и предвзятость. Попытка сбросить груз хотя бы предвзятости — была действительно поразительно сильной, страшной и, казалось, безнадежной. Меня сейчас радует впервые появившееся чувство собственного бессилия, выход из себя.

Попытка была. Постоянно переживать рывок нельзя, его внешне заслонили разные дела: и первая влюбленность, и выпускные экзамены, и неудачные экзамены вступительные. Большое впечатление произвели, наряду с философскими книгами (как „Исповедь”, „Игра в бисер”), некоторые христианские книги, которые я брал у новых знакомых. Воспоминания о марте присохли, как пятнышко свернувшейся крови, которое лучше не отколупывать — новая потечет. По тогдашним стихам заметно было и мне и другим — выжидательное, переходное время временного покоя. Поступил на работу. Восхищала осенняя природа.

Утром еще темно...
Я родился весной,
Чтоб эту весну встретить.

По этому трехстишию вспоминаю, что цепочка от мартовской полоумной недели не прерывалась. Из

внешних событий вспоминаю только: две или три беседы с пожилой хозяйкой моей знакомой семьи. Больше, чем даже прежде, замкнутость. Странное ощущение влюбленности, которая не то кончилась, не то тлеет. Наслаждение природой. Какие-то ученые и литературные упражнения.

Вечер обращения — это именно вечер, несколько часов в начале ноября, еще по-осеннему теплого.

Сидел у стола, что-то писал или читал. Вдруг — резко — опять подумал, о чем думал в марте: о напрасности подделки под труд, о подлости стремления к славе, самовыпячивания. Задавленность вещами. Спокойное напряжение — и отрицание всего, что было, что имел до этого мига, всего, ради чего стоило жить, точнее — это было стремление отрицать. Понял, что все прежние усилия губительны, подлы.

Умереть сейчас
наверно лучше
чем жить — для будущих музеев.

Записав это (подумал: „Не удержался-таки!“), вышел на улицу, сказав что-то насчет „дройтись“. Шестьдесят-восемьдесят минут бешеной, без единой мысли, ходьбы — необычно мелким и частым шагом, острота обычного чувства, что ты между двумя половинками гигантской земли и гигантского черного неба, кусочек в бездне. Вернулся уже более спокойным шагом. Вскоре лег. Не задумывался над пришедшим спокойствием, и не могу сказать о вечере, но на следующий день, взявшись за книгу о христианских обрядах, с удивлением обнаружил, что читаю ее изнутри, как христианин. Не просто понимаю, почему это так, но знаю, что это так дей-

ствительно. Дней девять ходил, свыкаясь с этим, все мои знания о православии по-прежнему нимало не противоречили новому открытию, ощущению (скажу заранее: сколько бы я потом ни узнавал, все понималось и опять-таки не противоречили). Через девять дней через знакомую, о которой я упомянул, написал записку одному священнику:

„То, что я испытал в последние девять-десять дней, я могу назвать своей первой встречей с Богом, пускай она оказалась не такой, как я мог ожидать.

Последние дни я смотрю на все, что меня окружает, глазами верующего — и уже ощущаю себя христианином...

Прошу у Вас совета, возможно — предостережения. Я — не знаю”.

В следующее воскресенье я был у него, через неделю состоялось крещение; несмотря на внутреннюю готовность, физически все это далось тяжело, напоминая евангельские рассказы об изгнании беса из людей. Так оно и было.

Вся моя последующая жизнь вплоть до сегодняшнего дня, какой бы она ни была, это жизнь, определяемая дарованной верой, полностью подчиненная Евангелию. Самонадеянно и лицемерно было бы с моей стороны говорить, что по мне можно судить о христианах истинных, — но и чувство греха дается лишь Святым Духом.

Каждый день духовной жизни приносит новое понимание моего обращения, несколько иное направление его толкования. Все, о чем я рассказал, — это личное и неповторимое, обязательное лишь для меня; чудо, которое могло произойти многими путями и помимо этого, и действительно происходит-таки для других по-иному. С течением времени лишь яснее вы-

ступает независимая и преобладающая внутренняя сущность этого чуда.

„Никто не может назвать Иисуса Господом, кроме как Духом Святым” — сказал Апостол. Для меня не стоял вопрос о действительности благодати; сомнения в высшем, а не земном ее происхождении, прошли быстро, как только я увидел их причину. Вся моя жизнь теперь — это жизнь внутри Церкви; и падения, и беды, и счастье — все это определяется моим отношением к Христу.

Обращение, очевидно, это главное, начало. Это только рождение, а впереди еще вся жизнь. Не знаю, как она сложится: молюсь об укреплении веры и готовности. Прошу, чтобы мне идти не по многим путям зла, а по одному единственному — добра, к высшей цели.

Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь.

Лето 1975

Е. Трояновская

ДОБРО И ЗЛО

(Материалы для бесед с детьми о Боге)

*В трех частях**

ПРЕДИСЛОВИЕ

„Немного ума, немного образования – и человек отходит от Бога. Больше ума, больше образования – и человек возвращается к Нему”.

Ф. Бэкон

„Два сорта людей знают Бога: люди со смиренным сердцем, любящие презрение и унижение, все равно какую бы степень ума они ни имели – высокую или низкую, и те, которые имеют достаточно ума, чтобы видеть истину, какие бы ни были препятствия к этому”.

Б. Паскаль

Эта книга могла бы называться „Азбука веры”, „Закладка храма” или „Ограждение сада”. Она могла бы также называться „Пробуждение мысли” или „Становление человека”. Она написана для ма-

* Мы помещаем предисловие ко всей рукописи и первые главы части 1-й „Мир” с некоторыми сокращениями. – Прим. сост.

тери, которая сознает, что понятия „добро” и „зло” или вообще лишены смысла, или же имеют смысл религиозный; для матери, которая верит в Бога и хотела бы сберечь и укрепить насажденные ею ростки религиозного чувства в своем ребенке, но не всегда знает, как это сделать.

Большая масса людей ничего не знает и не хочет знать о Боге или имеет о Нем и о вере в Него грубо-невежественные представления.

Некоторые люди живут как истинные члены Церкви, хорошо зная и по мере сил осуществляя великую науку христианства. Таких, однако, сравнительно немного, да и сами они мало общаются с миром.

Между этими двумя крайностями находится множество тех, кто сердцем верит в Бога и ходит в церковь, но никогда не читает духовную литературу, плохо знает даже Священное Писание и, причисляя себя к христианам, не всегда ясно представляет себе то учение, которого придерживается. Среди верующих — таких едва ли не большинство: немногие из них могут сознательно определить или защитить свою веру, тем более не могут они передать эту веру детям, ежедневно испытывающим в той или иной форме влияние антирелигиозной пропаганды.

Каждая мать охраняет жизнь ребенка и желала бы ее обогатить, усилить, сделать достойной и счастливой. Для матери, которая считает благоговение одним из высших проявлений души и понимает, что человек жив лишь в той мере, в которой он наполнен Духом Божиим, ужасным должно быть сознание своего бессилия, своего одиночества перед мутным потоком неверия, куда неминуемо

предстоит погрузиться и ее ребенку: чтобы устоять и не быть унесенным потоком, ему нужна прочная опора, более прочная, чем иногда может дать семья.

Религиозное воспитание в мире, открыто враждебном религии, не может быть таким, каким оно было когда-то. Самое действенное, простое и прямое постижение истин веры через ежедневную молитву, домашнюю и церковную, минуя душевные и умственные соблазны цивилизации, далекой от Бога, теперь оказывается почти невозможным — за исключением самых ранних лет детства. Попытки такого изолированного воспитания детей не могут не приводить к катастрофе. Современное религиозное воспитание должно опираться не только на чувство, но и на мысль, и должно быть прочно связано с тем, чему ребенок учится, или будет учиться в школе, особенно на уроках естествознания, истории и литературы. В общем миропредставлении ребенка религия не должна быть отодвинута на задний план, в какой-то закрытый для себя самый тайник. Она должна занимать подобающее ей первенствующее место, не только не противореча другим знаниям, а, напротив, поддерживая и пронизывая их. Только тогда его вера будет сильной и устойчивой. Многие люди, особенно в молодости, лишаются веры именно потому, что по недостатку своего образования они не могут согласовать своей жажды Бога с тем, что считают истиной и, страдая от этого, все же предпочитают сохранить верность истине, как они ее понимают.

Бесспорно, что религии нельзя обучать, как науке, что она постигается не умом, а сердцем, действием, личным непосредственным опытом. Она есть „источник, текущий в жизнь вечную”, и ника-

кие рассуждения о воде, никакие знания о ней не могут напоить жаждущего, если он сам не начнет пить из источника. Это именно то, что имел в виду Достоевский, сказавший о бытии Божиим устами старца Зосимы: „доказать нельзя, а убедиться можно”.

Не менее бесспорно, однако, и то, что, несмотря на невозможность передачи веры путем доказательств интеллектуального характера, такие доказательства и знания все же должны составлять необходимую часть всякого религиозного воспитания и даже начального. Они должны пробуждать желание испытать на собственном опыте то, что нельзя узнать никаким другим путем и давать защиту против критики не только чужого, но и своего собственного ума, пока он еще не созрел настолько, чтобы не нуждаться в такой защите. Роль разума должна состоять в этой области в достижении такой степени развития, при которой он начинает видеть узость собственных границ и добровольно уступает место тому, что выше его. Разум должен дать мыслящему человеку „право на веру”. Все больше и больше людей нуждается в этом, по слову пророка: „Вот, наступают дни, говорит Господь Бог, когда Я пошлю на землю голод, — не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних. И будут ходить от моря до моря и скитаться от севера к востоку, ища слова Господня, и не найдут его” (Ам. 8, 11-12).

Цель этой книги помочь матери в той части религиозного воспитания ребенка, которая расчищает путь для воздействия на него самой религии; молитвы, чтение Священного Писания, участие в жизни Церкви. Ее назначение — служить тропой, ве-

душей к храму. Она должна защитить душу ребенка не только от безверия, основанного на невежестве, но также и от духа самоуверенности, превосходства и легкомыслия по отношению к природе, который вместе с дешевым атеизмом пропитывает популярную и школьную науку в противоположность науке подлинной, вызывающей, по замечанию Эйнштейна, глубокое религиозное чувство в ученом.

Предполагается, что книгой будет пользоваться мать-христианка. Быть может, однако, и так, что среди материала, который здесь собран, найдется и то, что поможет матери, религиозной по существу, но стоящей вне христианства, приблизиться к пониманию христианства и пожелать лучше его узнать.

Есть люди, которые по той или иной причине не принадлежат ни к какой Церкви или религии, но по своей природе, сами не зная того, являются религиозными. Их можно так называть не только от того, что они проявляют к ближнему такую любовь, которой часто не хватает верующим. Одного этого еще мало. О природной религиозности человека больше, чем по его делам, можно судить по тому, есть ли в нем хотя бы и не осознанная уверенность в абсолютности нравственного закона и знакомо ли ему чувство благоговения. Если он может плакать радостными слезами при виде красоты, если он жаждет справедливости, чистоты, правды, и томится житейской суетой, если в нем сильно чувство жалости ко всему живому, если он способен ощущать таинственность и величие мироздания, хотя и смиренно, но без циничного презрения к ничтожеству „человеческой плесени”, то это значит, что он уже почитает в душе „неведомого Бога”, о котором когда-то говорил апостол Павел в своей проповеди

афинянам. И тогда он должен узнать, о чем проповедывал апостол, т.е. о христианстве. Так человек, мечтавший о далекой стране, должен знать, что говорят о ней те, кто в ней живет. Впрочем, страна эта так прекрасна, что даже тот, кто не собирается или не может в ней жить, не должен о ней не знать...

Очевидно цель религиозного воспитания не только в том, чтобы дать ребенку необходимый минимум основных знаний о вере, но и прежде всего в том, чтобы вызвать в нем желание действовать по вере. Религия — это деятельность. Поэтому в каждой беседе следует искать такие моменты, из которых можно сделать немедленные практические выводы, извлечь побуждение к действию. При этом необходимо помнить, что желание действовать под влиянием впечатления от прочитанного само по себе ничего не стоит, если не будет закреплено и не послужит началом к образованию привычки. Поэтому очень важно, чтобы мать, когда она видит, что то или иное место книги дошло до души ребенка, вместе с ним придумала бы для него какое-то новое небольшое дело или занятие в духе того, о чем читали: „Раз ты с этим согласен, то давай с сегодняшнего дня начнем (или перестанем) делать то-то”, а затем наблюдала бы за исполнением решенного. Решение это может касаться любых сторон жизни от самых глубоких до самых мелких, ежедневных (увеличение заботы о животных, приобретение большей вежливости, воздержанности в еде и т.п.) — самое главное в том, чтобы они *соблюдались*, хотя бы были и незначительны. Самая малая крупица добра, вошедшая в привычку, дороже пылкого, но бесплодного порыва. После каждого чтения необ-

ходимо задавать ребенку вопросы, вызывая его на разговор о прочитанном.

Предполагается, что ребенок уже знаком с основными общеизвестными догматами христианства: живя в религиозной семье, он не может этого не знать. Поэтому главное внимание в книге обращено не на те стороны и положения религии, которые легко могут быть объяснены ребенку его близкими, и относятся к ее внешним формам, а на то, что требует более глубокого понимания: на ее дух, а также на трудности, на камни преткновения, на все то, что часто толкуется превратно и подрывает незрелую веру — особенно в людях, обладающих от природы рационалистическим складом ума.

Книга рассчитана на ребенка 8-10, а то и больше лет, но может послужить и детям дошкольного возраста, так как почти в любой беседе есть то, что можно в упрощенной форме объяснить даже совсем маленьким; для этого во многих беседах приводятся небольшие сказки или рассказы...

Книга делится на три части: „Мир”, „Человек”, „Бог”. Иначе — „Бог в природе”, „Бог в душе” и „Бог в откровении”.

В заключение еще раз напомним, что это не книга для чтения, но и не учебник, *а материал для бесед.*

Часть I

М И Р

„...Невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы”.

Посл. ап. Павла к римлянам 1, 20

Две вводных беседы

Первая вводная беседа

Выбрав время, когда ребенок находится в хорошем, добром душевном устроении, мать может начать приблизительно так:

Скоро мы начнем читать вот эту книгу. Она называется „Добро и зло”. Почему она так называется, ты поймешь не сразу. Понять эту книгу вообще не так легко, потому что она не такая, как все. Она совсем особенная. Во всех остальных книгах, которые ты до сих пор читал, говорилось о чем-нибудь отдельном: в одной о зверях, в другой о машинах, в третьей — о приключениях, в четвертой — еще о чем-нибудь. А в этой книге говорится не о чем-нибудь одном, а обо всем вместе. Обо всем, что только есть самого лучшего и самого худшего на земле и на небе. В ней говорится о самом важном, о самом главном, что только есть во всем этом великом мире. Еще в ней говорится о том, какое сокровище надо найти, чтобы правильно, хорошо прожить свою жизнь и чтобы стать истинно счастливым. Ведь счастливый — это не тот, у кого все есть, и не тот, кто мо-

жет делать все, что ему вздумается, это еще не настоящее счастье. А какое же счастье настоящее? Это ты увидишь, когда мы прочтем всю книгу. А сегодня сначала прослушай одну историю.

ПАЛОЧКА ТЕСКЕ

Жили-были в Японии два мальчика — Теске и Рискити. Вот послал их однажды отец на берег моря набрать птичьих яиц для обеда. Ходили они ходили, ничего не нашли и заблудились. Вышли они наконец на равнину, по которой текла речка, а через речку вел мост на высоких столбах.

Мостик был узенький-узенький, привязанный на канатах, и без перил, и качался он от ветра, а река внизу шумела и пенилась. Только подошли они к мостику, как видят — на берегу стоит бедно одетая старая-престарая бабушка, опираясь на палку; смотрит она на речку и не решается перейти. „Давай переведем ее!” — предложил Теске. Мальчики вежливо поздоровались с бабушкой и сказали ей: „Хотите мы вам поможем? Теске пойдет впереди, а вы идите за ним и крепко держитесь за его пояс, а сзади пойдет Рискити”.

Старушка обрадовалась, стала их благодарить, крепко уцепилась за пояс Теске и тихо-тихо перешла вместе с мальчиками страшный мост. Когда они оказались, наконец, на другой стороне, старушка сказала: „Спасибо вам, мои милые! Без вас я не знала бы, что и делать! Вся моя сила мне здесь помочь не могла!” „Какая сила?” — подумал Теске, а сам спросил: „Уж не волшебница ли вы, бабушка?” — „Может быть, и волшебница”, — ответила

старушка. — „О, вот хорошо-то! Ну теперь она щедро нас вознаградит, если она вправду волшебница”, — подумал Рискити. И только он это сказал сам себе, как будто она прочла его мысли, говорит: „Милые дети! Мне очень много лет, я скоро умру, мне больше не нужно мое сокровище и я отдам его вам. Только не знаю, как его поровну разделить — ведь вас двое!” И с этими словами достает она маленький мешочек, а из него две палочки ростом с мизинец — деревянную и золотую. — „Это, — говорит старушка, — не простые, а волшебные палочки. Золотая палочка — дорогая вещь, а деревянная еще дороже: она в тысячу раз лучше”. — „Я хочу золотую!” — вскричал Рискити. — „Подожди, — сказала волшебница, — я еще не все объяснила. — Если тот, кому я ее подарю, приложит золотую палочку к чему угодно и скажет: „Палочка-палочка, будь всегда со мной, и пусть эта вещь станет золотой!” — то сейчас же эта вещь обратится в чистое золото”. — „Я хочу золотую палочку!” — снова закричал Рискити. — „А деревянная палочка, — продолжала волшебница, — позволяет видеть то, что никто не видит, и слышать то, что никто не слышит. Если тот, кому я ее подарю, приложит эту палочку к глазам и скажет: „Палочка-палочка, открой мне глаза”, — или к ушам и скажет: „Палочка-палочка, открой мне уши”, — то перед ним встанут из земли невиданные цветы, и на них в лунном свете будут танцевать феи, и птицы будут петь и распускать сверкающие хвосты, зазвенят стеклянные колокольчики и начнется музыка, какой еще никогда не было на свете. А если он приложит палочку к своему сердцу и скажет: „Палочка-палочка, открой мое сердце”, — то он поймет то, что раньше не понимал”. — „А я все-таки хочу золо-

тую?” — повторял Рискити. — „Может быть, бросим жребий?” — сказала волшебница. Но, так как Рискити все твердил, что хочет золотую, а Теске был согласен на деревянную, то волшебница отдала золотую палочку Рискити, а деревянную Теске, и тут же исчезла, а мальчики пошли дальше.

Им очень хотелось поскорей попробовать, как действуют палочки, но они решили сначала найти дорогу домой. Как только они вступили в знакомый лес и сели отдохнуть у ручья, так ничего и не собрав для обеда, Теске приложил свою палочку к уху и произнес: „Палочка-палочка, открой мне уши!” И вдруг журчанье ручья превратилось в песню, которую запели чистые звонкие голоса, в такую прекрасную песню, что Теске слушал и не мог наслаждаться. „Ах, Рискити, — воскликнул он, — ты только послушай, до чего хорошо!” — и протянул ему деревянную палочку. Но Рискити ничего не слышал ни с палочкой Теске, ни без нее. Зато он поскорей вытащил свою собственную палочку, приложил ее к первому попавшемуся пню и сказал, как научила его волшебница: „Палочка-палочка, не покинь меня! Сделай кусок золота из этого пня!” И хотя он немножко перепутал слова, они все равно оказались волшебными. Пень в ту же минуту обратился в золото! „Ну, теперь надо его выкопать! Не оставлять же его здесь!” — сказал Рискити. Долго бились мальчики, пока не вырыли золотой пень. Потом Рискити взвалил его себе на спину, но едва шел, так тяжело ему было нести, хотя пень был и совсем небольшой — ведь золото очень тяжелое! Когда они были уже недалеко от своей деревни, встретился им незнакомый кузнец. Он увидел золотой пень и захотел его отнять. Теске приложил свою палочку к сердцу

и посоветовал Рискити не быть жадным и отдать золотой пень, но Рискити его и слушать не захотел и стал драться; кузнец его избил, а пень все-таки отнял.

С того дня началась новая жизнь Рискити и Теске. Когда они совсем выросли. Рискити уже был страшно богат. Все у него было золотое. Дом золотой, лавки золотые, посуда золотая, даже совок для сора и тот был золотой. Все у него было, только радости не было. То он боялся, что у него отнимут золотую палочку, то он скучал, потому что ему совсем нечего было делать. Зачем ему было работать? Никто его не любил. Иногда он дарил другим свое золото, но никто за это не чувствовал к нему благодарности, все говорили: „Ведь золота у него сколько угодно, что ему стоит дарить! Это не то, что делиться своим последним хлебом!“ К Рискити приходили только те люди, которые любили золото; Рискити по ним судил о всех других и потому стал думать, что все люди жадные, неблагодарные и злые.

А у Теске, наоборот, ничего не было, кроме деревянной палочки. Он все время прикладывал ее к глазам, к сердцу и к ушам, и ему ничего другого не хотелось, кроме как слушать таинственную музыку, видеть все новую и новую красоту и понимать душой, что хорошо и что плохо. И он был счастлив, счастливее всех на свете. Его огорчало только то, что другие люди не могли, взяв его палочку, видеть, слышать и понимать то, что было открыто ему. И тогда Теске решил стать художником, чтобы показать красоту тем людям, которые ее не знают. Он старался запоминать волшебную музыку, а потом пел людям песни; он старался делиться с

людьми тем, что находил в своем сердце, когда оно открывалось. И все любили Теске.

Когда Теске умер, палочка его потерялась, но говорят, что ее может найти всякий, кто очень захочет и будет искать.

Не думай, что это только сказка. Ты тоже можешь, как Теске, увидеть и узнать то, что сокрыто в каждой вещи в отдельности и во всех вещах вместе и стать от этого умнее, лучше и счастливее.

Вторая вводная беседа

ТЫ – ЧЕЛОВЕК

Запомни этот день. Это важный день в твоей жизни. Сегодня мы начинаем как следует читать эту книгу. Мы будем читать ее вместе для того, чтобы ты мог спрашивать меня обо всем, что тебе будет непонятно. Если будешь слушать внимательно и хоть немного понимать то, о чем здесь говорится, то и твои глаза, как у Теске из сказки, начнут видеть больше, чем видели до сих пор. И не только твои глаза, которые ты можешь закрыть руками, но и глаза твоего ума, твоего сердца.

Может быть, объяснить тебе, как это будет?

Представь себе стрекозу, которая летала-летала и опустилась на цветок. Проползал мимо дождевой червяк. Он ее совсем не заметил, она ему не нужна: для него все равно, есть ли на свете стрекоза или нет, для него стрекоза то же, что пустое место. Увидел стрекозу с дерева дрозд, бросился на нее и хотел склевать, но промахнулся. Что для дрозда стрекоза? Кусочек пищи — только и всего, то же, что

для тебя пирожок. Пробежала маленькая девочка, ей понравилась стрекоза, и она стала ловить ее сачком. Для этой девочки стрекоза — игрушка, только живая игрушка; девочка поиграла с ней и бросила. А вот посмотрел на стрекозу художник и остановился и не мог отвести глаз от ее стройного синезеленого тельца, от ее прозрачных крылышек; прошло время, и художник сделал великолепную вазу, которая радовала всех: ваза не была похожа на стрекозу, но ее гладкая поверхность блестела синим, зеленым и золотым отливом, как тельце стрекозы. Без этой стрекозы художник, наверно, никогда бы не сделал такой вазы. Для художника стрекоза — сама красота. Взглянул на стрекозу ученый и задумался. Почему она летает? Как ее пища превращается в этом крошечном тельце в силу, которая его носит? Из чего сделаны ее крылышки? А какие они внутри, если их разрезать и взглянуть на них через увеличительное стекло? И нельзя ли научиться у стрекозы, как надо строить самолет? А как смотрит стрекоза? Как устроены ее глаза и что она ими видит? Много ли таких стрекоз? Как и где они живут? Для ученого стрекоза — тысячи загадок. Прошел мимо стрекозы мудрец и тоже задумался. Он увидал в стрекозе все то, что видели другие и еще гораздо больше этого. Он увидел в ней Божье творение и стал размышлять о Боге.

В одной и той же вещи все увидели разное. Каждый увидел и понял столько, сколько мог. Чем умнее и лучше тот, кто смотрит, тем больше он открывает во всем важного и прекрасного. Ведь у червяка, и у дрозда, и у девочки, и у художника, и у ученого, и у мудреца — у всех были глаза, все видели одну и ту же стрекозу!

Но и этого мало. Был еще один, самый удивительный человек, который увидел стрекозу: он был еще возвышеннее, чем мудрец. Это был святой. Когда он рассмотрел красоту стрекозы, в его сердце еще больше разгорелась любовь к Богу, он упал на колени и стал молиться, и он уже не думал ни о стрекозе, ни о земле, ни о всем мире: он забыл все, кроме Бога, и тогда его душа наполнилась светом и любовью ко всем людям и всему живому и он понял то, что не понимал не только ученый, но даже мудрец. И от того, что во всем и всегда этот отшельник видел Господа Бога, он и сам стал прекрасным, как ангел.

Теперь выслушай самое главное, о чем я хочу тебе сказать сегодня.

До сих пор ты был как все маленькие дети: бегал, играл, спал и ел. Так живут и все на свете животные: рыбы, насекомые, звери, птицы. Они не могут понять то, что видят. Кошка просто живет, но никогда не думает о своей жизни. Она даже не знает, что можно об этом думать. Кошка хочет, чтобы было много мышей и ей было тепло — больше ей ничего не надо. Только человек, человек с живой душой спрашивает: Откуда небо и земля? Было ли время, когда их не было? И что они такое? И каковы все вещи на свете, в чем их смысл? Как найти истину? Как жить по правде? Как найти действительное, а не ложное счастье? Как различать добро и зло? Конечно, и маленькие дети задают много вопросов: почему то, почему это? Но они спрашивают просто так, и даже часто не слушают, что им отвечают. Они еще не умеют думать.

Но ты уже не маленький, и ты уже не должен

жить так, как живут птицы, — не думая. Ты уже можешь понять то, что ты *человек*.

Человек — это тот, кто из девочки или мальчика, умеющего только играть, как котята, или запоминать, не вникая в них, свои уроки, — постепенно становится хоть немного таким, как тот ученый, что сам старался узнать, как все устроено на земле, как тот художник, что во всем искал красоту, как тот мудрец, который понял, что истина — это Бог, и самое главное, как тот святой, что больше всего любил Бога.

Вот почему для тебя сегодня такой важный день. С нынешнего дня ты начнешь становиться большим не только потому, что растешь, но потому, что начнешь думать о том, что видишь вокруг себя. Когда мы будем читать эту книгу, ты не сможешь об этом не думать, и это хорошо.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ О ПРАКТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

I

Прежде чем отвечать на вопросы, скажу, что у меня нет знаний в области воспитания. Есть опыт воспитания двоих детей, из которого я кое-что понял. Я хочу предупредить, что обобщения, которые встретятся в ответах, не продуманы тщательно; я не выяснял, что из моего опыта верно не только для моих детей. Ответы мои не полны, они отражают то, что волнует меня сегодня. В другой раз на те же вопросы, возможно, я дам другие ответы. Возможно, в моих ответах услышатся нотки поучения, не

сердитесь, — это недостатки оказались сильнее меня. А теперь первый вопрос.

Что изменилось в Вашем отношении к воспитанию детей с Вашим приходом ко Христу?

— В целом мое нынешнее отношение к воспитанию детей и к самим детям можно сформулировать так: воспитание так же, как и христианство не есть учение, а есть жизнь. Воспитание — это часть моей жизни и жизни тех людей, за религиозность, нравственность, развитость интеллекта и характера которых я ответствен перед Богом и людьми, как теми, кого я воспитывал, так и теми, с кем мои воспитанники встретились или встретятся в жизни. Знания в воспитании для меня много значат, но так же, как „вера без добрых дел мертва есть”, так и знание становится подлинным только через испытание жизнью. Я считаю, что к детям следует относиться как к дару Божию. Этот дар не всем людям дается, и в этом нет ущемления человека, есть люди, которые живут полноценно без семьи и детей. Но, если дар получен, следует с ним достойно обращаться, ибо в любой момент Давший его может спросить нас, какими мы были родителями.

Теперь о том, что изменилось в практике воспитания моих детей.

Я стал менее требователен к ним: перестал сердиться на них, когда не осуществляется задуманное; стал более внимателен к их просьбам. Раньше я много размышлял над тем, каким должен быть ребенок и, не считаясь с тем, каков он есть, „тянул” ребенка в направлении придуманного мной идеала. Ребенок чувствовал, что я требую от него невозможного. Я любил свой идеал, и ребенок понимал, что я его не вижу. Возникало отчуждение. Часто я спра-

шивал старшую дочку: почему ты не обратилась ко мне за помощью? Или: почему ты не сказала мне, что тебе трудно? Она в ответ пожимала плечами. Будь она постарше, она бы ответила, что я ее не понимаю.

Свои требования я нередко выражал в резкой форме, я желал, чтобы перемены в детях происходили моментально. Воспитательный разговор строился по такой схеме: признай, что я прав, и сейчас же стань хорошей, а если не станешь, то я применю все имеющиеся у меня средства, чтобы заставить тебя стать такой, как я хочу. Я говорю лишь о части того, что было. Но и это вынести может лишь ребенок. Благодаря детскому незлобию, незлопамятности, семейная жизнь не превратилась в кошмар.

Теперь я принимаю детей такими, какие они есть, зная, что во многом они другими и быть не могут. Прежде чем сделать замечание, я стараюсь понять, почему ребенок сам не догадывается исправиться, и пытаюсь определить, сможет ли он исполнить то, что я предложу.

И еще я стараюсь говорить не о том, что должно быть, а о том, что есть. В частности, о тех чувствах, которые вызывают его поступки. Например, я говорю, что его шумное поведение для меня утомительно, но оставляю ему право решать — прекратить этот шум или нет, потому что не играть ему, возможно, так же утомительно, как мне переносить шум его игры.

Эти положительные перемены, о которых я сказал, неустойчивы. Во мне порой закипает раздражение на поступки детей и появляется возмущение тем, что мои дети не такие, как я хочу. Я не даю вы-

хода этим раздражениям, но основа для повторения старых ошибок еще есть.

Как, по Вашему мнению, следует ребенку в наших условиях отдавать кесарю – кесарево, Богу – Божье? И поскольку исчерпывающий ответ дать трудно, можно дать ответ, приведя конкретные примеры из личного опыта?

– Трудность исполнения этой фразы часто видят в том, чтобы кесарю не отдать еще и Божие, тем более, что кесарь в наше время активно требует того, что ему не принадлежит. Христианство есть жизнь, созидание, и потому неправильно сводить вопрос к тому, как „не отдавать”, а все-таки подумать, как в наших условиях с усердием, не ленясь, исполнить обе части фразы.

Для меня смысл „кесарю – кесарево” раскрылся через другие слова Священного Писания: будь верен в малом и, кроме того, в каком звании призван, в том и служи. У меня есть работа, моя служба. Если я свое дело исполню хорошо, то и на Страшном Суде буду вправе ответить, что кесарю кесарево я отдал. Надо сказать, что делать хорошо мою работу довольно затруднительно. На работе проще бездельничать или халтурить, чем работать, да и результат работы часто бывает никому не нужен. Последнее как будто и оправдывает халтуру и безделие. Другая трудность в том, что если все-таки начинаешь работать, то оказываешься белой вороной. Можно сказать, что кесарь многое устроил, чтобы не получать своего. Так вот, я решил, что работать нужно напряженно, не ленясь, не соглашаясь на халтуру, ибо, если я сделаю что-нибудь стоящее, то что-то может остаться, а если ничего не сделаю, то ничего и не будет.

А Богу — Божие — это жить церковной жизнью: воскресные службы, праздники, отношения с духовным отцом и прочее, перечислять не буду, и так известно. Коротко говоря: буду честно работать и жить церковной жизнью, и не отступлю ни от того, ни от другого.

Так же этот вопрос решаю в отношении ребенка. Его дела — учеба, здесь он отдает кесарю — кесарево. И у него те же трудности, что у меня. Пожалуй, даже больше. Предметы преподают так, что смысл их ухватить почти невозможно. Это касается не только истории и литературы, но и математики, физики. Школа вынуждает ребенка думать о том, как ответить учителю, а не в чем смысл прочитанного. Ребенок привыкает выкручиваться, а не думать. Перед непривычной задачей он останавливается и начинает копаться в памяти, отыскивая подсказку, и не найдя ничего, говорит, что забыл, как решать такие задачи, или что они этого не проходили. Думаю, что большинство детей без нашей помощи хорошо исполнить свое дело не сможет. „Хорошо” не по требованиям школы, то есть кесаря, а по смыслу. Помощь в учебе это не дергание, не формальный контроль исполнения домашних заданий. Нужна помощь по существу. Если можете, помогите понять смысл предмета или помогите организовать время; если не можете ни того, ни другого, то поймите, что ему трудно, возможно, труднее, чем вам, и посочувствуйте.

А отдавать Богу — Божие думаю научить своим примером. Ничего не буду требовать, буду показывать, просвещать. Свобода есть обязательное условие правильных отношений с Богом. Этого, конеч-

но, мало, но на осуществление иных поступков нужно брать благословение духовного отца.

А как быть, если кесарь прямо покушается на Божие? Не давать. Взять ребенка под защиту, учить его стойкости, внимательно присматриваясь, на что он способен, и насколько мы в состоянии его защитить.

И еще для меня важно вот что. Всякое слово Божие нужно исполнить с радостью и даже, как это теперь ни трудно, отдать кесарю — кесарево, тоже нужно с радостью.

Как сочетается свобода личности и исполнение заповедей в Вашем опыте воспитания детей?

— Я Ваш вопрос понимаю так: что делать, если ребенок нарушает заповеди? Если ребенок безобразничает, то нужно запретить. И здесь нет покушения на свободу его личности, потому что безобразие само есть путы, связывающие подлинную личность ребенка. Кончится безобразие, тогда личность может проявлять себя свободно. Во всех остальных случаях главное для меня — понять ребенка и найти способы, чтобы он понимал меня. Требовать от него безусловного исполнения заповедей я не вправе, хотя бы потому, что я многого не понимаю и еще меньше исполняю, а из того, что исполнил, не все годится для моего ребенка.

Порой случается, что добиваешься исполнения заповедей запретами, дерганием, замечаниями. Это — бесплодный путь. Ребенку, как правило, не хватает сил на исполнение заповедей. Ему требуется небольшой толчок, душевная поддержка, сочувствие. Запреты, замечания — это только указатели на дороге, от них движение не происходит, но без них можно свалиться в канаву. На практике коли-

чество запретов превышает возможности ребенка их исполнить. Если продолжить пример с дорогой, то можно сказать, что мы много думаем о том, как не свалиться в канаву, и забываем о движении, топчемся на месте. Многочисленные замечания отдаляют ребенка от родителей, а когда приходит пора решать трудные проблемы, которые без взаимного понимания не решить, тогда-то и выявляется вред замечаний. Заповеди могут быть исполнены только свободно к общей радости ребенка и родителей. У меня складывается впечатление, что ребенок наделен любовью к родителям. Постоянные замечания создают атмосферу недовольства, в которой эта любовь задыхается и гибнет. Родители тоже любят своего ребенка, но реализуют эту любовь неумело или совсем не оставляют ей места, когда, например, надолго оставляют ребенка. Я на этом остановлюсь подробнее и расскажу случай, который произошел у меня на глазах. У нашей соседки родился ребенок, больной водянкой мозга. Он не говорил, не двигался, только лежал. К трем годам он все понимал, узнавал людей, и на лице его выражалось отношение к приходящим. До его рождения мать каждый год уезжала к родным на летние работы. Первые два года после рождения ребенка она не ездила в деревню, а на третий год поехала, оставив малыша в специальном доме для таких детей. На следующий вечер мальчик умер, как сказали врачи, от кровоизлияния в мозг. Этот случай говорит, что дети хрупки. Большинство из них тяжело переносит разлуку. Особенно нужно быть бережными, когда отдают ребенка в детский сад. Я не против сада, есть дети, которым какое-то время даже полезно ходить в сад, но первое время всем детям тяжело из-за разлуки с

родными и домом. Есть дети, которые так и не привыкают к саду, в них что-то надламывается. Надлом или ожесточение происходят от того, что естественная потребность ребенка любить не нашла выхода из-за того, что он был отвергнут теми, кого он хотел любить.

В воспитании, говоря словами Псалмопевца, требуется „жертва правды”, а не всеожжения, в виде обильной пищи и хорошей одежды. Когда „жертва правды” в виде усилий понять ребенка приносится, тогда (тут я возвращаюсь к исходной постановке вопроса) и достигается наилучшее сочетание свободы личности и исполнения заповедей.

И.М.

II

Что изменилось в Вашем отношении к воспитанию детей с Вашим приходом ко Христу?

— Появилось сознание, что есть еще Один воспитатель и у детей и у родителей. Церковное сознание освобождает от страха за педагогические промахи, да и вообще отводит педагогическим приемам периферийное место, в корне изменяя при этом самое их существо. Чему надо учить детей? Теперь я знаю твердо: учить надо лишь одному — Церкви. Как же этому учить? И здесь ответ простой — никак. Учить не надо, надо церковно жить со своими детьми. А это уже содержит в себе всю повседневность: не водить детей в кино и не усаживать перед телевизором, но ходить с детьми в церковь, ежедневно молиться вместе с ними, всю свою жизнь,

поступки совершать церковно. Это и будет немногословный пример, не педагогический, а непосредственный, по духовному естеству, а не силою формализованной гуманистической установки, не порошками Наркомпроса.

И вот оказывается, что при такой открытости дети и родители взаимно научают, ведут друг друга. Бóльшая зрелость родителей предостерегает детей, а они своей простотой посрамляют нашу гордыню. Больше того, дети – Божий дар нам еще и потому, что своими первыми слабыми шажками они мощно влекут нас и приводят ко Христу. Когда мы несем их к купели и к Чаше, это не мы, это они погружают нас в Слово.

Очевидно, что при таком соотношении сил нет места педагогике, как внешнему научению, основанному на отвлеченных принципах гуманистических представлений о человеке. Оно не удастся и атеистам. Единственно, чего они достигают – это дезориентации детей и родителей своей разбросанной принудительно-развлекагельной культурой. Но все равно каждая душа остается храмом, хотя бы он и стоял без пения.

Как, по Вашему мнению, следует ребенку в наших условиях отдавать кесарю – кесарево, Богу – Божие?

– Взрослого понимания „наших условий” и „кесаря” у ребенка нет. Когда перед ним начинают наступать контуры „наших условий”, он перестает быть ребенком. Таким образом, это вопрос о позиции родителей. Как быть родителям, когда они знают, что ребенок стоит перед выбором, например, вступить в пионеры или оказаться одному, во

враждебном окружении взрослых и в пустоте недоуменного молчания сверстников?

У меня нет общего ответа на этот вопрос. Я понимаю, что ответ может быть только один. Но я совсем не уверен, что именно его я дам своему ребенку. Однако можно попытаться наметить путь, по которому должна развиваться и разрешаться эта проблема. Я думаю, родителям, прежде всего, не следует развивать понимание ребенка до собственного уровня, но надо, чтобы ребенок обязательно знал ваши взгляды, общую позицию, нравственное отношение к миру. Дети его прекрасно улавливают безо всяких разговоров, и здесь для них не должно быть никакой двусмысленности. Затем, если ребенок активно против вступления в пионеры, надо показать ему, что из этого может получиться: не боишься ли того-то и того-то, хватит ли у тебя сил... Если испугается, заколеблется: уж лучше вступлю, сразу же и спросить: по правде ли поступаешь, по совести или по уловке. Надо так вести обсуждение, чтобы проблема все время возносилась своим нравственным смыслом, была по существу религиозной. Надо прямо сказать: да, мы поступаем не по совести, потому что иначе не можем, и родителю при этом грех ребенка взять на себя, чтобы снять неразрешенность с детской души: Иди, я сам за это отвечу. Так мы не научим детей лжи (а ведь именно здесь мы отдали бы ребенка кесарю), и в то же время не подставим их под удар неокрепшими. Не забудем, что кроме родителей по плоти, есть и духовный наставник, к нему обратимся за помощью и советом. На этом пути дети скорее всего дорастут до верного понимания заповеди о кесаре и Боге. Они будут знать, что нельзя откупиться

у кесаря для Бога. Для них зрима станет разномирность человеческих установлений и Божьего Царства.

Как сочетается свобода личности и исполнение заповедей в Вашем опыте воспитания детей?

Для христианина свобода личности и исполнение заповедей должны бы сочетаться гармонично: чем лучше, полнее мы соблюдаем заповеди, тем более мы в христианском смысле свободны. Если же под „свободой личности” в заданном вопросе разумеется „своеволие индивида”, то сама постановка вопроса не представляется христианской, — о чем бы мы ни говорили: о воспитании детей или о служебной деятельности.

„Заповеди” и „личность” не есть что-то порознь стоящее, что надо „сочетать”. Мы с этим начатком рождаемся, задача в том, чтобы правильно его воспринять — внутренним слухом, расслышать, в какие слова он слагается. Вот и будут заповеди. Конечно, здесь надо помогать, но в решающем смысле от нас это не зависит. И помощь в решающем смысле — не словами, а образом, обликом, нравственной атмосферой дома.

М.П.

3. Крахмальникова

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

(Статья вторая) *

*Крепись, Россия! Но и кайся, молись,
плачь горькими слезами пред Твоим Не-
бесным Отцом, Которого ты безмерно
прогневала.*

О. Иоанн Кронштадтский

1. Дьявол украл язык у Бога

Христианство неисторично. Но человек живет в истории. Приближаясь к Богу, он неизбежно становится перед выбором между жизнью в культе и жизнью в культуре. Соединить эти, самим же человеком разделенные, существования в современном мире невозможно, хотя человек ради самооправдания и духовного комфорта пытается их соединить. И создает теории, основанные на богословии, философии, истории с целью отдать должное культу и в то же время оправдать свою культуру. А между тем, время, отпущенное человеку для выбора, торопит

*Статья первая „Возвращение блудного сына” помещена в самиздатском Христианском Чтении „Надежда”, части 2-3, и в типографском издании „Надежды” в выпуске 2.

его. И чем дальше уходит его культура от культа, от служения Богу, тем беспомощней и неубедительней становятся теории, обосновывающие это роковое разделение. И тем отчетливее осознается двойственная и трагическая в своей двойственности роль культуры в истории и судьбе человека.

Русская судьба уже в наше время обнажила тайное тайных гуманизма возрожденческой культуры, его трагическую суть, не осознанную даже гениальными и прозорливыми его служителями.

Я знаю, что эта мысль, уже высказанная ранее по другим поводам, не может обрести сегодня большое число сторонников. Противники ее не видят в том типе культуры (художественной, именно о ней и будет здесь идти речь), что создан у нас и достаточно широко экспортируется на Запад и Восток (порой неожиданными и неразличимыми для Запада и Востока путями) естественного завершения идеалов гуманизма. Так же, как не видят сегодня в России естественных результатов марксизма, считая его российские последствия случайностью и извращением. Однако тот тип культуры, который создан у нас и *принят* миром, имеет *прямое* отношение к гуманизму Возрождения. Русская революция необычайно ускорила распад его идей, обнажила его контуры и, надо думать, в этом, как и во всем, что случилось и случается с нами, есть промыслительный смысл. Не извращение гуманизма, а реальная его жизнь и смерть предстали пред нами во всей своей страшной наготе.

Дьявол украл язык у Бога. „Вся ложь и вся сила его лжи в том, что он *те же* слова, — пишет прот. Александр Шмеман, — сделал словами *о другом*, узурпировал их и превратил в орудие зла, и в том,

следовательно, что он и его слуги в „мире сем” всегда говорят на языке, буквально украденном у Бога”.

Но дьявол не смог бы совершить своего преступления, если бы язык, данный Богом в дар, не был *свободно* отдан его забывчивыми обладателями дьяволу. Речь идет о трагической метаморфозе, об изменении сущности, идеи культуры, а точнее о *подмене* одной идеи другой идеей.

В чем же суть этой метаморфозы, суть подмены? В том, что культура, начавшаяся в культе и оторвавшаяся от него, изменила своей природе. Эта измена и стала основой процесса „передачи языка”.

„Феургия (Богоделание по объяснению о. П. Флоренского. — З.К.) — как средоточная задача человеческой жизни, как задача полного претворения действительности смыслом и полной реализации в действительности смысла — была во времена древнейшие точкою опоры всех деятельностей жизни; она была материнским лоном всех наук и всех искусств. Она была реальным условием развития самосознания, родником жизни, *всею* деятельностью человека. *Все* деятельности находили в ней свое единство и вне ее рассматривались как существующие легкомысленно, поверхностно, блудно, так сказать, и следовательно, незаконно и болезненно. Точнее сказать автономное существование внефеургических деятельностей было кощунственным *преступлением* и рассматривалось именно так. А во времена еще более давние самая мысль о возможности самостоятельности их не возникала и не могла возникнуть: в крепком и здоровом сознании исключается и проблеск безумия. Но когда единство человеческой деятельности стало распадаться,

когда феургия сузилась только до обрядовых действий, до культа в позднейшем смысле слова, то деятельности жизни, выделившись из нее и, так сказать, узаконив свое блудное существование, свою преступную самостоятельность, свою внебожественную самодовлеимость, стали плоски, поверхностны, без внутренне-ценного содержания. Они тогда лишились истинной точки своего приложения, а потому — и прочной уверенности в безусловной нужности своей. Содержание их перестало существовать как безусловно ценное и непреложно реальное. Форма и содержание разделились и стали соприкасаться случайно и произвольно. Деятельности перестали быть сами собою понимающимися в уставе жизни и стали капризом, прихотью, роскошью, выдумкою — не „в самом деле”, а „нарочно”. И тогда деятельности обратились от *Реальности и Смысла* — к реальностям и смыслам, то есть в своей раздельности от первых, стали реальности пустыми и смыслы ложными”*.

Возрожденческая культура, ставшая гордостью человечества, завершила этот процесс, заняв в сознании человека место культа. Началось это с культа человека, заменившего культ Бога. Кончается же тем, что культура становится *идолом*, в которого не верят.

„Грядущая творческая эпоха внекультурна”, — писал Вяч. Иванов в статье „Старая или новая вера”. Внекультурна, потому что грядет „атрофия душевных органов благоговения”, а культура есть „систе-

* Священник Павел Флоренский. Из богословского наследия. „Богословские труды”. — М.: Изд. Моск. Патриархии, 1977, с. 105.

ма благоговений”. Это было сказано в начале века. Через несколько лет Бердяев повторил то же самое: „...XX век... открывает себя как кризис культуры, как конец целого периода всемирной истории”.

Человекобожеская идея тесно связана с идолопоклонством. Язычество, потерпевшее поражение в противоборстве с христианством, вынуждено было мимикрировать.

Деградация языческого сознания станет особенно очевидной, если мы вспомним то место в Деянии Апостолов, где рассказывается о посещении апостолом Павлом Афинского ареопага: „Афиняне, по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано „неведомому Богу”. Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам” (Деян. 17, 22-23).

С тех пор, как апостол Павел отметил *особую набожность* афинян, язычество утратило существеннейшие элементы своей религиозности, но самой страшной потерей для него стала потеря веры.

Русская революция не только возродила идолотворчество в человеческом сознании, но и активно способствовала процессу становления *атеистического язычества*. Культура же оказалась готовой для принятия такого сознания. Готовой потому, что к тому времени в борьбе между языческим человекобожеством и христианством сложился своеобразный и устойчивый статус существования культуры. Тяготея к религии, культура сама становилась религией, *вместо* религии, антирелигией („анти” и значит „вместо”). Эта постоянная жажда подмены и привела к парадоксальному состоянию культуры, а именно к идолотворчеству, укрепляющемуся на безве-

рии. Возникла новая религиозность — антихристианская, а значит античеловеческая в своей основе. Культура стала средством воспитания этой новой религиозности. И тогда *система благоговений* переродилась в систему идеологических, экономических, социальных, политических и моральных воздействий на сознание.

Естественно, что такая система воздействий носит вполне определенный характер — она не создает нравственные ценности, а разрушает их.

Так возник в истории новый тип религиозного сознания — *псевдоязыческий*. Безверие и обман воцаряются в этом сознании. Оно уже не только не верит в современную культуру, ложно поклоняясь ей и якобы исполняя установленные этой культурой нормы и правила, но и не верит в истинные культурные ценности, накопленные человечеством в течение веков. Они попадают в тот же разряд идолов, которым следует поклоняться.

Эти соображения вызвали в моей памяти одну трагическую историю. Двадцать два года назад в Крыму умирал тридцатилетний Марк Щеглов, талантливый русский литератор, успевший напечатать в период „оттепели” и „Литературной Москвы” (1953-1956 гг.) блестящие литературоведческие и критические статьи. Застигнутый болезнью в чужом городе, он оказался в больнице, где бюрократическое бездушие способствовало скорейшему и трагическому исходу болезни. Его мать в отчаянии напомнила врачам о нашумевшем в ту пору „остром” рассказе, где как раз речь шла о том, как бюрократизм врачей губит человека. „Правильно, мама, бей их литературой”, — сказал Марк.

„Бей их литературой!”. Быть может, последние

слова Марка Щеглова были сказаны с иронией, он был человек мужественный, но в них тем не менее выплеснулась извечная русская мечта, что Слово победит всякую ложь, извечная русская жажда правды, которая и складывала нашу словесность...

2. Кресты в Манеже

Какая странная история произошла недавно в Москве! На выставке Ильи Глазунова в Манеже, говорят, побывали пятьсот тысяч человек, очереди жаждущих увидеть это современное чудо искусства опутали цепями Манежную площадь, многочисленная милиция охраняла эти живые цепи, дабы не произошло среди любителей живописи непорядков и распрей, в залах выставки невозможно было подойти к холстам, кино- и фотоаппараты непрерывно трещали в уши, сам художник, не ожидавший, по-видимому такого триумфа, целовался под щелканье фото- и киноаппаратов с крупными государственными чиновниками от идеологии; главный редактор журнала „Огонек”, отличающегося особой рьяностью в разоблачении христианства, после радостного объятия с Глазуновым, случившегося на моих глазах, стремительно прошествовал мимо холстов художника; толпа, стоявшая вдоль стен, теснила редактора, фоторепортеры пытались снять его лицо, но никак не могли уловить его, в их объективы лезли объективы частных обладателей кино- и фотоаппаратов, среди которых были и знакомые мне православные христиане — они торопились запечатлеть шедевры художника.

Что происходит? „Массовое искусство, поп-арт”, — говорят искусствоведы. „Религиозный го-

лод”, – говорят одни верующие, другие не соглашались: „Торговля. Спекуляция на Христе”. „Русь”, – говорят славянофилы.

Глазунов уже давно стал одиозной фигурой, его первый триумф, случившийся лет двадцать назад, не обошелся без скандала. С тех пор его выставки не то закрывали, не то он сам не соглашался их открывать, во всяком случае на его репутацию прочно легло клеймо „гонимого”.

А между тем, он – салонный художник, известный, с одной стороны, в дипломатических кругах за портреты дипломатов и членов их семей, с другой, в высокопоставленных кругах за портреты видных деятелей государства и культуры. Портреты его считаются незаурядными. Глазунов пишет глаза в псевдоиконописном стиле, что очень импонирует его моделям. Продолговатые, выразительные и пронизательные глаза становятся центром портрета. Метод оправдывает себя безошибочно: у нас все еще горячо любят психологизм в живописи, а тут – вроде бы психологизм, но к тому же и намек на некую исключительность...

Подобный тип „новатора” в современной отечественной культуре уже обнаружил себя во многих судьбах: скандальность для публики, гонимость за „правду-матку” для либералов и прогрессистов, баланс и благородный риск для начальства – тоже ведь люди! Были когда-то такие аудитории у Евтушенко и Вознесенского, любила интеллигенция до самозабвения гонимый театр „Современник”, любят уже долгое время гонимую „Таганку” (Театр на Таганке), несмотря на ее признание начальством, позволившим и этому „гонимому” театру вывозить свое свободное искусство за границу.

Конечно же, такой тип „преуспевающего гонимого” выработался не от хорошей жизни (у нас и поговорка есть соответствующая: „хочешь жить — умей вертеться!”), искусство требует жертв, а зрители требуют хоть *какой-то* правды.

И вот я всматриваюсь в правду Глазунова.

Я стою за спинами толпы, а толпа, жадно прикидывая к холстам, и сами холсты слились для меня сейчас как бы в одно целое.

Это самая реальнейшая жизнь культуры, я слышу ее дыхание, несмотря на галдеж спорящих сторон и треск фото- и кинокамер.

Толпа обнажает суть картин, их эстетику, они становятся отчетливее в присутствии толпы, в пустом зале их смотреть было бы совсем невозможно. И я понимаю, что именно в этом и таится замысел художника, более того, этому подчинена и его эстетика. Художник работает на толпу, это и в самом деле не более как грубый плакат, поп-арт, бьющий своей прямолинейностью и грубостью. Он кричит толпе, а она колышется близ холстов, тараща удивленные глаза на эти плакаты, увешанные крестами, поддельными жемчугами и камнями (которые художник называет инкрустациями) в кокошниках русских красавиц. Если бы еще можно было потрогать эти фальшивые камни и побрякушки эффект был бы еще значительней, но раз нельзя — толпа пожирает их глазами...

Но вот пора отвлечься от побрякушек и подойти к сюжетам, тем более что картины Глазунова, как правило, сюжетны. Художник полагает, видимо, что они не только сюжетны, но и символичны, однако, символика его настолько плакатна (если она может

быть таковой), нарочита и груба, что символы тут же оборачиваются плоскими приметам сюжета.

О чем же кричит толпе художник?

Сюжеты его холстов четко определены: русская история и русская современность. И русская религиозность.

Убиенный царевич. Князя, витязи, богатыри, русские красавицы „ню”, церкви (разумеется, не так, как теперь изображают – без крестов, а с крестами). Автопортрет, портреты жены, детей в псевдоиконописном стиле (не лица – лики!). Еще один убиенный царевич, над которым ангелы держат корону (по-видимому, это убитый в Екатеринбурге наследник русского престола).

И, наконец, три холста, три „столпа” выставки. „Наша лифтерша” – большой холст, изображающий пожилую женщину с тяжелым лицом преступницы. Она следит за нами, она „стукачка”, она доносит на каждого, кто подымается на нашем лифте.

Эта картина вызывает особенный восторг. „Как похожа!” – радуется и трепещет толпа, подумать только, такая большая толпа – в пятьсот тысяч! – и боится одной лифтерши?! „А вдруг половина в этих пятистах тысяч – лифтерши?!” А вот еще „втык”: русский мужичок прямо-таки с лубка, румянький, быстроглазый, эдакий хитрюга, пьет себе водочку на фоне плакатов, изображающих вождей, и хоть бы что ему! Ваше, мол, здоровье, вы – вожди, а я сам по себе, пью и буду пить...

И „Возвращение” – главная картина выставки. Иллюстрация к евангельской притче о возвращении блудного сына на русский сюжет. Здесь есть все: и кровью залитый стол, за которым пировал блудный сын, и отрезанная голова на блюде (по-видимо-

му, Св. Иоанна Предтечи), и блудница, и сатана, как было замечено в одном восторженном отклике об этой картине „с нерусским лицом” („уж не еврей ли?” — слышится шепот), предлагающий блудному сыну бокал с кровью, источенной, по-видимому, из мертвеца, *расстеленного* на кровавом столе (Глазунов любит писать трупы, растекающиеся по плоскости), и жирные мерзкие свиньи, и колючая проволока по кровавому столу, и блудный сын, и отец (как сказано в аннотации к картине: „русский крестьянин”), не то благословляющий сына, не то просто встречающий его... А за отцом — русские святые и деятели культуры: Толстого нет, а Достоевский есть, Мусоргский есть, Бородина нет. По определенному списку?..

Это — гвоздь выставки. Вызов художника толпе и не только толпе.

„Как это разрешили?” — слышу я отовсюду один и тот же вопрос. И один и тот же ответ: „они не поняли”.

Ну да, конечно, они не поняли. За несколько месяцев до Манежа на выставке МВД „Начеку” „они” выставили два холста Глазунова — тот, где мужичок пьет на фоне вождей, и второй, на котором Преподобный Сергей благословляет на фоне храмов. (Был, кажется, еще и третий: портрет заслуженного милиционера.) Трудно сказать, кто в тот раз не понял: „они” или художник, поместивший картину с изображением Преподобного Сергея на выставке „Начеку”. Скорее всего, и художник и „они” действовали сообща на той выставке. Как, впрочем, и на этой, в Манеже. Иначе картине „Возвращение” не была бы предпослана специальная аннотация, излагающая как бы официальную версию картины.

В аннотации указывается, что картина написана на сюжет легенды о том, как некий сын, уйдя от некоего отца, потом вернулся к нему, и что здесь, на картине Глазунова, речь идет о возвращении в „лоно национальной культуры“. Блудный сын, ушедший от нее, по-видимому, увлекся космополитизмом („Уж не евреи ли увлекли на „страну далече“ бедного блудного сына?“ – опять слышится шепот.)

Эта аннотация, представленная посетителям выставки с явного согласия художника, и помогает понять смысл *религиозности* искусства Глазунова, которая и привлекла пятисоттысячную толпу на его выставку.

Пятьсот тысяч пришли смотреть на запрещенные в России *кресты* и на возрождающуюся *русскую идею*, которой дано вдруг право заменить в искусстве идею советскую. Стоило стоять по пять-шесть часов в очереди, чтобы наконец увидеть это *чудо*, этот праздник искусства – у стен Кремля, у закрытых и превращенных в музеи соборов *разрешены* кресты и храмы на холстах!

И все же чудом стало не только само такое разрешение, но и согласие тех, кто разрешил, с теми, кому разрешили. В чем же смысл этого чуда, продемонстрировавшего столь неожиданное единство, каким образом оно было достигнуто и, наконец, *кто* же сотворил его?

Дьявол, как известно, однообразен. В одном из своих писем о. Иоанн Кронштадтский заметил, что грех монотонен. Однообразен, монотонен, „почерк“ у него один и тот же. Всегда один и тот же, начиная с Едема и кончая тремя искушениями Спасителя. Бог не дал дьяволу дара творить, поэтому все иску-

шения его однообразны и монотонны. И всегда памятуя об этом, мы сможем увидеть эту монотонность и *повторяемость*.

И сможем понять сколь *стар*, стар, как мир, смысл чуда в Манеже, если вспомним легенду Ивана Карамазова о Великом инквизиторе, описавшую подобное чудо.

Главным смыслом легенды Карамазова стала ложь о Христе и христианстве. Для того она и была сочинена отцеубийцей Иваном. Для того, чтобы оправдать себя.

Чтобы оправдать убийство, нужно обвинить Бога, солгать на Него, представить Его виновником тех обстоятельств, которые приводят к убийству. Нужно извратить Его учение и подменить его своим.

Великий инквизитор предлагает свое учение о Боге и о человеке.

Человек подл и слаб, — внушает Великий инквизитор. „Что в том, что он теперь повсеместно бунтует против нашей власти и гордится, что он бунтует? [...] Это — маленькие дети, взбунтовавшиеся в классе и выгнавшие учителя. Но придет конец и восторгу ребятишек, он будет дорого стоить им. Они ниспровергнут храмы и зальют кровью землю. Но догадаются наконец глупые дети, что хоть они и бунтовщики, но бунтовщики слабосильные, собственного бунта своего не выдерживающие”.

Что же может спасти бедное стадо „слабых бунтовщиков”? Ложь. И подмена. Чтобы спасти стадо, нужно Бога заменить дьяволом: „Мы исправили подвиг Твой”, — говорит инквизитор Христу, — „[...] мы не с Тобой, а с *ним*, вот наша тайна!” „Мы убедим их, что они тогда только и станут сво-

бодными, когда откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся”...

Дальше идет описание дьявольской идиллии: „Они станут робки и станут смотреть на нас и прижиматься к нам в страхе, как птенцы к наседке. [...] Они будут расслабленно трепетать гнева нашего, умы их оробеют, глаза их станут слезоточивы, как у детей и женщин, но столь же легко будут переходить они по нашему мановению к веселью и к смеху, светлой радости и счастливой детской песенке” и т.д. и т.п.

Кончается эта идиллия, как известно, все тем же – убийством Бога: „[...] ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановению моему бросится подгрести горячие угли к костру твоему, на котором сожгу тебя за то, что пришел нам мешать”.

Конечно, эта *пошлая* и страшная в своей пошлости ложь на Бога и на человека могла быть создана только в сознании отцеубийцы и братоубийцы. И конечно же явилась она в этом сознании не самостоятельно, ибо ложь несамостоятельна и не имеет сущности. Она есть порождение „духа самоуничтожения и небытия”, как называет дьявола инквизитор. Ложь – антиистина, антиправда, она *вместо* правды. И потому не имеет сущности и самостоятельной жизни при всей своей однообразности и повторяемости. Но обнаружить однообразие и монотонность лжи непросто, для этого надо знать об Истине. Собственно, на этом и строится вся цепь обманов Великого инквизитора, на расчете, что стадо не знает о существовании Истины. И поэтому главное для инквизитора не допустить стадо до

Истины, не допустить до Христа, *подменить* Христа, „исправить Его подвиг“, выдать Его за другого...

Этому как нельзя лучше помогает *регламентированное* христианство, псевдохристианство — христианство „без Христа“. Любой инквизитор должен удерживать свое стадо при помощи регламента, жестких норм, свода конформных правил. Конформизм — это организованное регламентом мещанство, это стадо мещан, медленно, но верно становящихся буржуа. Регламентированная „свобода совести“, называемая свободой „отправления культа“ — находка инквизитора („Самые мучительные тайны их совести — всё, всё понесут они нам, и мы все разрешим, и они поверят решению нашему с радостью”...)

У нас разрешено христианство! Это разрешение записано в наших законах и названо „отправлением культа“. Позволял христианство и Сталин, и даже открывал закрытые при нем же церкви. Открывал церкви на оккупированной территории России и Гитлер, когда ему было мало *внешнего* порабощения народа, и он претендовал на порабощение *внутреннее*.

Пожалуйста, вы можете приносить жертвы своему Богу, — говорят нам, — в установленных для этого местах и в установленное для этого время. Более того, вам разрешается смотреть на отраженные (согласно теории отражения) в искусстве ваши представления о христианстве — на кресты, если уж они вам так нравятся, на храмы, как на принадлежность русской старины, словом, на то, что будет утешать вас в свободное от работы время. Ну прямо по легенде: „[...] но в свободные от труда часы мы

устроим им жизнь, как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками”.

И с картинами Глазунова...

Выставка Глазунова не есть просто явление культурной жизни, это — своего рода пропагандистская акция, подготовленная художником, исполняющим „социальный заказ”. На сей раз в социальный заказ включена новая тематика: Русь и христианство. Глазунов открыто заявляет эти две центральные темы в своем творчестве, а власти предоставляют ему возможность продемонстрировать их в той трактовке, которая согласована, принята и утверждена ими.

Наше же дело, поскольку Глазунов открыто заявил о своей принадлежности к христианству и русской идее, увидеть *что* предлагает художник считать христианством в своей живописи и *какова* его русская идея.

Христианство обличает любые обманы, свет непременно обнажает и судит ложь. „Суд состоит в том, что свет пришел в мир” (Иоан. 3, 19), и изменить это никому не под силу.

Но христианство обличает обманы и спекуляции только в том случае, если в обществе или в частной жизни человека есть место для просвещения. То есть когда есть зрение, чтобы увидеть свет. Слепым поводырям слепых свет недоступен. Тогда-то легче всего и лгать на свет: выдавая лжехристианство за христианство. Толпа пришла смотреть на кресты, в которые она не верит. Художник же предложил кресты, в которые люди, пришедшие на его выставку, не могут и *не должны* поверить. Не должны и не могут потому, что им предлагают крест как *экзотику*. Псевдоязыческое сознание художника, отраженное (согласно теории отражения) на его холстах, ничего

общего не имеет с христианским сознанием. И подмена с легкостью обнаруживает себя.

Христианское сознание *исключает* возможность любого прославления самого себя в каких бы целях это ни делалось (в том числе и художественных). Иначе говоря, нет таких целей или ситуаций, которые бы допускали возможность хоть на какое-то мгновение ощутить собственную... святость, да и просто представить себя хоть в чем-то *лучше* кого-либо другого. Это – азбука, и может быть, не стоило ловить художника на такой слабости и мелкости, если бы это не свидетельствовало о его принципиальном отношении к человеку. Отношение к себе всегда определяет отношение к человеку вообще.

Глазунов пишет самого себя и членов своей семьи уже почти в *славе*... Нет, разумеется, он не говорит впрямую, что он, его жена и его дети – святые, он всегда лишь намекает на это, *стилизуя* себя и членов своей семьи. Демонстрируя собственную психологию и самосознание в автопортрете, он, по видимому, не столько озабочен тем, чтобы бросить вызов своим „гонителям”, сколько тем, чтобы прославить русского человека в *своем* лице. Не зря автопортрет содержит определенный антураж: задумчивый „лик” художника устремлен в русский пейзаж, березки, столь милые русскому сердцу, еще более украшают „лик” художника, подчеркивая его русскость.

Этот психологический фокус, к сожалению, столь пошло воплотившийся в автопортрете, весьма характерен для психологизма Глазунова. „Плакатный психологизм” художника почти всегда выглядит пошлостью, именно за счет „перемены знака”, за

счет „передачи языка”, насилия над символом при помощи подмены.

Не исключено, что подмена не является методом, а возникает вследствие непросвещенности художника. Иначе трудно представить себе, как можно было бы, заявляя о своей принадлежности к христианству и желая проповедовать Христа в своем творчестве, нарочито извращать суть христианства.

Не существует обманного креста, ибо на кресте распинают. Крест есть средство искупления и орудие спасения, и, по-видимому, только не зная этого или пренебрегая этим знанием, можно изображать крест как экзотику. Христианство обнажает любые обманы, и поэтому художнику не удастся скрыть, что человеческое лицо для него не является свидетельством жизни души и духа, а рекламой русской старины (витязи, князья, царевичи) или карикатурой (лицо лифтерши), или, наконец, лозунгом („За ваше здоровье”).

Психологизм Глазунова ничего общего не имеет с библейским знанием человека, христианской антропологией. Более того, „плакатный психологизм” Глазунова напрочь исключает правду о человеке, о трагической сложности главной идеи человеческой жизни – выборе между добром и злом, Истиной и ложью. Человек Глазунова не знает этой идеи: он непричастен к Едемской катастрофе, он не сотворен Богом и не искушаем дьяволом, он произошел от обезьяны и путем долгой эволюции превратился или в лифтершу, квадратное, звериное лицо которой отражает ее внутренний мир, свидетельствуя о том, что ее предки были плохо подверженными эволюции обезьянами, или в витязей и царевичей, красивые и правильные черты лица которых свидетель-

ствуют о том, что их предки были обезьянами, хорошо подготовленными для благотворной эволюции.

Этот психологизм, регламентированный известным учением о человеке, проглядывает во всех портретах художника. Его человек существует отдельно от Бога, живет вне Его, вне метафизики, в плакатном одномерном пространстве, где кресты и храмы — не мистические реальности, а детали антуража.

Ложь на Христа и ложь на человека всегда связаны и имеют одну и ту же цель — обман. И потому, глядя на мужичка, пьющего водку на фоне вождей, ты не сразу понимаешь, что тебя надувают. Только вглядевшись в этого здоровенького, крепенького мужичка с хитрыми глазками и стопочкой водки на фоне грозных и отрешенных от всего вождей, ты вдруг увидишь, что мужичок — не *тот*, „не всамделишный”. Нынешний русский пьяница, может быть, и пьет на фоне все тех же вождей, но не имеет никакого — ни психологического, ни портретного и, уж конечно, сущностного сходства с персонажем Глазунова. У него больное испитое лицо, затравленные глаза, он прячет свою стопку, так же, как и самого себя, прячет не от стыда, а от ужаса. Ужас мечется в его глазах, руки его дрожат и плохо держат стопку. Ни за чье здоровье он не пьет, он пьет, чтобы *забыть* себя и это пока еще ему удастся...

Но Глазунову зачем-то надо обмануть и без того обманутого мужичка, зачем-то он хочет внушить ему, что, мол, его, мужичка, ничто не берет и все ему нипочем...

Этот обман переплетен, связан с другими обманами, они и составляют ту самую русскую идею Глазу-

нова, которая по своему успеху у зрителей соперничает с его христианством.

Русская идея художника столь же пародийна, как и его христианство. И наиболее полно она отразилась не в рекламных плакатах а ля рюс, не в кокошниках русских красавиц, одетых или раздетых на фоне все тех же милых нашему сердцу березок, не в кафтанах и кольчугах персонажей русской истории и не в коронах убиенных царевичей.

Это, так сказать, всего лишь орнамент, „гарнир” к русской идее. Правда, национальный орнамент сегодня подчас соперничает с самой идеей, ибо с успехом *заменяет* и подменяет истинную национальную идею, лишь *намекая* на нее. Скажем, национальный „узор” в словесности (в прозе писателей, причисляемых к так называемой „деревенской прозе”) — чаще всего это местный диалект в речи персонажей или в самой ткани повествования — становится своеобразной аллюзией (или иллюзией) национальной русской идеи. Орнамент, как правило, служит *намеком* или обрамляет намек на что-то утраченное, но остро необходимое. Он обостряет горькую печаль об утраченном прошлом, поэтизирует его. Поэтизация и лиризм словно бы восполняет отсутствие *анализа* причин этой утраты, того самого анализа, которым так славилась наша литература прошлого столетия.

Общественное мнение (неофициальное, как, впрочем, и официальное) очень ценит ныне *намек* и полуправду, и в этом сказывается недвусмысленная покорность перед жестокой цензурой: удалось ее хоть в чем-то провести и слава Богу! Лучше уж кое-что, чем вообще ничего — говорят одни. Лучше

уж пусть будет кое-что, чем *все* в бесцензурном виде — в Самиздате, — говорят другие.

Надо ли говорить, что намек и полуправда есть все та же ложь и, в конечном счете, она ничего, кроме вреда, принести не может.

Интересно, что „культура намеков” странным образом объединяет потребителей такой культуры и начальство над нею — тиражи, премии, выставки, похвальные статьи в центральных газетах, экспорт. К тому же на выставку не попадешь, книги нарахват... И снова тот же вопрос: „Как разрешили?” И тот же ответ: „*Они не поняли!*”

Сближает и способствует этому объединению как раз русская национальная идея, или, как сказано в аннотации к картине „Возвращение” — „лоно национальной культуры”. Именно на культуру и возлагается сегодня миссия возродить эту идею (идеология, по-видимому, не способна стать проводником такой идеи в силу своих интернационалистских принципов). Возродить через *намек*, даже не через „полуправду”, а через „четвертьправды”, ни в коем случае не разрешая *правды*.

„Мы исправили подвиг Твой...”

В чем же смысл русской национальной идеи, откуда она берет свои истоки? И какое отношение имеет к ней живопись Глазунова?

Ответ на этот вопрос известен. Русская идея — это идея Крещения Руси. Идея чисто православная и была она достаточно глубоко разработана славянофилами более ста лет назад — Хомяковым, Киреевским, Аксаковым, Достоевским... Они ответили на этот вопрос *недвуусмысленно*. „Русский народ, — писал Достоевский, — весь в Православии,

больше у него нет ничего, да и не надо, потому что православие — все”.

В Православии нет *орнамента* и невозможны намеки, здесь все предельно определительно, и русская идея — *церковная* идея. Потому-то и не может быть никакого подлинного единства, объединения или единомыслия, основанного на чем-либо, кроме Христа. И если образно выразить два подхода к русской идее, два отношения к ней, то они будут звучать примерно следующим образом. Одно из них издавна звучало так: „Мы — *русские* и с нами Бог”. За этим следовало по „нормальной логике греха” карамазовский „навыворот”: „а уж если с нами Бог, то нам и все позволено!” Но есть принципиально иное отношение к русской идее: „С нами *Бог* и только потому мы *русские*”. Но если с нами Бог, то нам *ничего не позволено* из того, что противоречит заповедям Христа.

Без Христа нет русской идеи, и „русские орнаменты” — это прельщение для русских иностранцев и для иностранных иностранцев. Развлечение и прельщение. Поклонение *национальным идолам*, как бы они ни изображались — в слове или на холстах, есть все то же идолотворчество, дурман безверия, обман, подмена, экзотика для мещан по духу. Христос не может быть экзотикой. Даже, если „опальный” Глазунов напишет Его в центре толпы, составленной из самых влиятельных и знаменитых *монстров* XX века — монстры все равно останутся мертвецами. И пусть мертвые хоронят своих мертвецов...

Славянофилы видели спасение России только в Церкви. А потому понимали, что свою полную и *естественную* жизнь Россия и русская идея могут

обрести только в постоянном труде покаяния и искупления. Спор с западниками был спором о роли Церкви в жизни и судьбе России.

Новые же наши сегодняшние славянофилы *актицерковны* или *внецерковны*, а потому, утверждая русскую идею, они прежде всего ищут *виновников* в трагедии нашего Отечества.

Христианство обязательно обличает среди всех прочих обманов и всех прочих спекуляций и этот обман: „вину другого”. Это все тот же Едемский грех: Адам, оправдываясь перед Богом, Которого он ослушался, говорит, что виноват не он, а „жена, которую Ты мне дал” (Быт. 3, 12).

В картине „Возвращение” во всем, что случилось с блудным сыном, оставившим „лоно национальной культуры”, виноват не он сам, а тот с *нерусским* лицом. Об этом свидетельствует сюжет картины, ее композиция, трактовка в символах идеи возвращения в „лоно”, образы персонажей и, наконец, интерпретация сюжета зрителями.

Увы, как ни печально прикасаться к этой богомерзкой теме, я вынуждена это сделать, чтобы избежать опять-таки намеков. Да уж какие намеки! Сначала слухи, потом разговоры, рассказы тех, кто видел — все громче, громче... И, наконец, короткое, как пистолетный выстрел словцо...

Итак речь пойдет об антисемитизме, к сожалению, часто объединяющему себя и объединяемому с русской идеей. Объединяемому и объединяющемуся в силу *демонического невежества*. Ибо антисемитизм есть богохульство. Хула на Божью Матерь и, следовательно, на Православие, на Церковь, прославляющую Богородицу, как Пресвятую и Пренепорочную, как Дочь еврейского народа и Мать Спа-

сителя. Это — хула и на Христа, а потому антисемитизм не может никак, ни с какой стороны принадлежать русской идее. Это опять-таки суррогат идеи, губительная ложь.

Разумеется, у меня нет никакого нравственного права обвинять Глазунова в антисемитизме. Речь идет не об убеждениях конкретных людей, а об идеях и их трактовке в искусстве. А также о том, как трактуются намеки в искусстве...

„Что поделаться, — сказал один из сегодняшних идеологов русской идеи, — если антисемитизм — единственное средство, способное объединить русских?“ Но этот фашистский принцип уже был „отработан“ в истории и выброшен ею. А потому и вынужден был мимикрировать.

В сетовании нашего „идеолога“ звучит не столько уверенность в необходимости ненавидеть евреев, сколько некая печальная данность: раз больше *нечем* объединять, будем объединять хоть этим. Потихоньку, исподволь, шаг вперед, два шага назад...

Соединять идеями можно только при помощи двух состояний — любви и ненависти. Любовь пребывает всегда и ведет к бессмертию; ненависть соединяет палачей только во время казни их жертв. После казни палачи неизменно будут разделены на палачей и новые жертвы. Это разделение — необходимость, порождаемая ненавистью и питаемая ненавистью. Она дает иллюзию единомыслия и соединения. Возненавидь и спасешься. Убей брата своего и воцарись. Продай другого и оправдаешься... Так снова кому-то нужно попытаться построить на крови и ненависти русскую национальную идею, и без того пропитанную братоубийственной кровью. Возра-

стить хлеб ненависти и рабства на кладбище, раздавленном гусеницами в Бабьем яру. И еще раз плюнуть в страдальческий лик России.

Вглядитесь в „кровавую эстетику” картины „Возвращение”, где все еще царствует, хоть и сидит в сторонке сатана с „нерусским лицом”. Дьявольская эстетика избирает свою „символику” и символы-перевертыши выдают себя рогами и копытами. Выдают, потому что художник пишет картину *как бы* на евангельский сюжет. Вот это *как бы* и подводит художника.

Одна деталь наиболее резко обнажает ложь глазуновской идеи. На ней мы и задержимся.

Над всем красно-красным натюрмортом, над свиньями и мертвецом, из которого источена кровь в бокал, предлагаемый сатаной, словно бы высится церковь, *срезанная* взмывшей в небо ракетой. Броская эта деталь характерна для Глазунова, он любит карикатуру, в его плакатной эстетике символ по природе карикатурен, пародиен.

Евангельский блудный сын пришел к отцу с покаянием и с жадной искупить *свой* грех. „Отче! я согрешил против неба и пред тобою, и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих” (Лк. 15, 18-19). Блудный сын вернулся к Отцу, в Отчий дом, к Богу. Не к помещику, не к царю, не к русскому крестьянину и, конечно же, не в лоно национальной культуры. Притчу о блудном сыне рассказывает Христос, предваряя ее словами: „Так, говорю вам, бывает радость у Ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся” (Лк. 15, 10). Понятно, что Ангелы Божии радуются не о возвращении в лоно национальной культуры, а в Отчее лоно — в Церковь. И радуются тому, что

блудный сын приносит покаяние и готов к искуплению.

Эти два смысла извращены в картине Глазунова. Вся вина за пролитую кровь в картине художника ложится на сатану с „нерусским лицом”.

Ну, а *кто* же тогда *блудный сын*? И *куда* он может вернуться, если Церковь убита? Разве не он пролил кровь, не он танцевал с блудницей, не он протянул колючую проволоку и выщедил по капле кровь из мертвеца, распластанного на столе?! Конечно, это все не мог сделать тот, кого хотел представить блудным сыном художник — худенького юношу в джинсах и туфлях на каблуках, возвращающегося к какому-то отцу, в „лоно национальной культуры”. Кто же *за него* все это сделал? Неужели все тот же самый с „нерусским лицом”?

Поклонившись могуществу цивилизации, сразившей Церковь (будто уж и правда в России церкви срезаны ракетами!), художник забыл (или не знал?), что „врата ада не одолеют Ее” и что она, Церковь, есть и будет во веки веков, и что нет и не будет такой ракеты, которая могла бы убить Ее. Только в Ней и живет русская идея, потому что Русь и сегодня стоит *там*, отмаливая Богоубийство и братоубийство, а в орнаментах и рекламном антураже ее нет...

У Достоевского в „Дневнике писателя” есть потрясающий по своей силе рассказ о мужике Влаसे, надругавшемся над Христом. Богохульство его было настолько мерзким и страшным, что при чтении этого рассказа сердце сжимается от ужаса. История Власа становится для писателя поводом раскрыть характер русского народа, его жажду страдания и искупления через страдание. „Я думаю, самая

главная, самая коренная духовная потребность русского народа — есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем. Эту жаждою страдания, он, кажется, заражен искони веков. Страдальческая струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьет ключом из самого сердца народного”. В этом смысле трагическая история Власа чрезвычайно поучительна. Совершив страшное богохульство, решившись на него по своей природе „безобразника”, Влас приполз на коленях в Церковь, к старцу. Приполз спастись. Искупить грех. Преступная душа его жаждала поруганного им Христа. „Говорят, русский народ, — пишет Достоевский, — плохо знает Евангелие, не знает основных правил веры. Конечно, так, но Христа он знает и носит Его в сердце своем искони... Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос, и он любит образ Его по-своему, то есть до страдания. Названием же православного, то есть истиннее всех исповедующего Христа, он гордится более всего... И вот надругаться над такой святынею народною, разорвать тем со всей землей, разрушить себя самого во веки веков для одной лишь минуты торжества отрицанием и гордостью — ничего не мог выдумать русский Мефистофель дерзостнее!”

Но сколь страшно подумать о том, что Влас за тем только и надругался над Христом, чтоб страдать!

В страшном истязании распятого Бога участвовали двое. Влас и его подстрекатель — „русский Мефистофель”. Один из них приполз на коленях спастись. Куда же подевался второй? — спрашивает Достоевский.

Два разбойника были пригвождены ко крестам по обе стороны Креста Спасителя. Один покаялся и в покаянии искупил свой грех. Он первым вошел в рай. Где же второй?

Идея губительства Христовой веры, *татарщина*, побежденная уже однажды подвигом покаяния и искупления, на который русский народ благословила Православная Церковь в лице Преподобного Сергия Радонежского, снова витает в российском космосе. Но и это испытание может быть преодолено с помощью Божьей только через национальное покаяние и искупление и, очевидно, так же, как во времена Преподобного Сергия, только с помощью Церкви. В ней созреют эти силы.

Бог спасет Россию, — веровал Достоевский. И мы верим вслед за ним в это. „В последний момент вся ложь, если только есть ложь, выскочит из сердца народного и станет перед ним с невероятной силой обличения” — так заканчивает своего „Власа” Достоевский.

Приходится сделать примечание. К этому побуждают меня опасения первых читателей этой статьи. Один священник-богослов как-то высказал простую и очень важную для нас, христиан, мысль, которую мы чаще всего не учитываем. Истина у Бога, а у нас, у людей — только правды, частные правды. Я, разумеется, никоим образом не претендую не только на Истину, но и на какую-то полноту правды. Это только моя *частная* правда, которая принципиально расходится с *частной правдой* Глазунова. Чья правда ближе к Истине нам не дано узнать до Страшного Суда, мы можем только просить и надеяться, что Бог по милосердию Своему простит нам несовершенства наших „частных правд”. Поэтому пусть простят меня и читатели, если в „пылу полемики” я позволила себе хоть как-то претендовать на Истину, оскорбить Глазунова или поклонников его искусства.

Русский антисемитизм – явление особенное. Он отличается, скажем, от немецкого антисемитизма гитлеровского толка своей слабой теоретической разработкой. Теоретическая ущербность русского антисемитизма накладывает на него свой роковой отпечаток, все даже ярые адепты его знают, что антисемитизм это *стыдно*, что это позор. Поэтому ни один антисемит никогда *не признается публично*, что он – антисемит. И за руку его не схватишь, а „не пойман – не вор”. Он будет *намекать* на „заговор сионских мудрецов” и „жидомасонство”, на то, что еврей – исчадие ада, что он погубил Россию, русскую культуру и даже не исключено, что замешивает мацу на крови христианских младенцев. Но за руку его, такого антисемита, не схватишь. Это ползучий, летучий угар, болезнь слабого духа, ведущая к параличу ума, действует *исподтишка* и всегда через обман. Обман как цель, обман как средство и обман как результат. И поэтому антисемитизма *боятся* не только его идеологи, но и сами жертвы антисемитизма. „В прямую же не сказано”... Да, впрямую не сказано. На картине „Возвращение” *не написано* к какой национальности принадлежит глазуновский сатана, или Ирод, или лучше сказать, *некто* с явно нерусским лицом. Он – чужой, он – виновник беды. Еврей ли он, грузин или вообще какой-то иностранец, не суть важно. Важно, что он – чужой. Но поскольку у русского антисемитизма есть богатейшая традиция (при весьма скудной палитре от „жидовская морда” и „мало вас Гитлер поубивал” до „уезжайте в свой Израиль”) дискриминации евреев, совершаемой при помощи *мимикрии*, обмана, то общественное мнение уже достаточно быстро и чутко слышит этот „запах”, да и не нужно, право, обладать особыми дарованиями, чтобы расчувствовать, где есть этот тлетворный дух. Дьявол однообразен, повторяю я, извинившись на сей раз перед теми своими читателями, которым это примечание покажется необязательным.

3. „Он окружит нас отовсюду.
Не будет ничего другого”

„Я тоже думаю, что России суждено стать первым за существование мира царством социализма, — восклицал герой Пастернака Юрий Андреевич Живаго. — Когда это случится, оно надолго оглушит нас и очнувшись, мы уже больше не вернем себе половины утраченной памяти. Мы забудем, что чему предшествовало и не будем искать небывалому объяснения. Наставший порядок обступит нас с привычностью леса на горизонте и облаков над головой. Он окружит нас отовсюду. Не будет ничего другого”.

Юрий Андреевич говорил это в состоянии крайнего возбуждения, но верил ли он до конца в это?

Надо думать, что автор, создавший Юрия Андреевича, не верил в то, что „не будет ничего другого”, и что мы „больше не вернем себе половины утраченной памяти”. Иначе он не завершил бы свой роман стихами, свидетельствовавшими о возвращении памяти:

Всю ночь читал я Твой завет
И как от обморока ожил...

Оживание от обморока и зафиксировано в этом романе. Но зафиксировано весьма неожиданным образом. Поэтому, кстати, „Доктор Живаго” имел и имеет беспрецедентную для романа жизнь: мировую славу, немногочисленное, но прочное число сторонников, и столь неустойчивое, но более обширное число недоброжелателей. Причем недоброжелателей, как правило, своеобразных (я не имею в виду представителей официальной идеологии), они не отрица-

ют роман, он вызывает у них не протест, а удивление и недоумение. И недоумение это связано прежде всего с неприятием стилистики, с непривычной *записью*, которая объявляется непрофессиональной для романиста, детской, наивной, а иногда и — просто неумелостью ученичества*.

Что такое эта „непривычность записи” и что она знаменует?

Прежде всего, это принципиальный отказ от „инструментария”, в совершенстве разработанного в толстовской культуре советского периода. Более того, это свидетельство *распада* этой культуры.

Говоря о распаде толстовской культуры, я никоим образом не намереваюсь „сбрасывать Толстого с корабля современности”. Толстой и толстовская письменность советского периода — явления разного порядка (как, кстати, и явления разного порядка — Толстой и „толстовство”). Психологизм Толстого, обогативший русскую и мировую словесность, воплотил в себе особенности определенного

* Отсюда понятно, почему, скажем, Набоков не принял „Доктора Живаго”. Сочинение о „наивном докторе” вызвало брезгливость у Набокова, творчество которого есть „художественная опись” мира и себя, а цель такой описи — исполнить желание „окончательно поработать слова”, по свидетельству самого писателя. В своих романах Набоков блестяще достиг этой цели, он поработал слова до тех пор, пока они, по его выражению „перестали голосовать”. Но продемонстрировав свою полную бесправность, слова отомстили своему властелину, их нарочитая многоцветность легко растеклась по плоскости бездуховного мира. Соблазнительные тайны психологии, вскрытые при помощи поработанных слов, стали всего лишь свидетельством о неизбежной поработанности души...

этапа развития гуманистического возрожденческого сознания. Исследование человеческой психологии как *самостоятельного* феномена, „панпсихологизм” как выражение трагедии или комедии человеческой *самости*, укоренившейся вследствие разрыва с онтологической культовой основой человеческого бытия, — такое художественное исследование стало почти универсальным методом в послетолстовской словесности.

Конечно же, Л. Толстой не случайно был назван „зеркалом русской революции”. Зеркальность его метода, пытающегося зафиксировать тот уровень бытия, который наиболее близко опосредствованно соприкасается с эмпирической жизнью личности, сообщает не только сумму знания о психологии, которые могут быть использованы в различных целях (например, в целях познания предреволюционной ситуации), но и дают превратные представления о человеке (так же, как, кстати, и о предреволюционной ситуации). Художник, интересующийся психологией и считающий ее вместилищем всех сокровенных сведений о человеке, пытается прежде всего передать то, о чем *думает* и что *чувствует* человек. Но именно здесь художнику как раз *легче* всего ограничить и ущемить человека, ибо психология не только чрезвычайно условна и зависима от внешнего, но и крайне *удалена* от корней бытия. Более того, она подчас служит неким средством удаления от познания смысла бытия, познания смысла смерти и воскресения. Поэтому ее *легко* понять при всей многовариантности человеческих чувств, мыслей и поведения.

Зеркало отражает, как известно, видимую поверхность, психология у Толстого становится пред-

метом изображения того, что должно и может быть видимым. Художник видит якобы скрытое, делает его явным. Эффект усиливается от того, что обнаруженное художником, может быть *рационально* объяснено, сам психологический анализ служит этому объяснению.

„Срыванием всех и всяческих масок” назвал эту особенность толстовского метода Ленин, отмечая с неудовольствием другую особенность, якобы противоположную первой — так называемое „юрродство во Христе”. Ленин разделил эти две неразрывные стороны одного и того же подхода к человеку и одного и того же метода, следуя *своим*, а не толстовским мировоззренческим установкам. Исходя же из мировоззрения Толстого, они неразрывны, и естественно, что, когда в его „зеркало” попадали отсветы иных лучей, когда, скажем, в феноменальное неожиданно врывается ноуменальное, в психологию — онтологию, тогда и возникали те самые, как казалось Ленину, противоречия, бывшие на самом деле свидетельством реальности жизни человеческого духа, прорывавшегося сквозь пелену психологии.

Одобрение Лениным Толстого — („Какой матерью человечие!”) сыграло огромную роль в развитии советской письменности. Более того, оно явилось сильным формообразующим импульсом. *Позволенность* психологизма Толстого определила во многом поиски литературы социалистического реализма, с течением времени расширив и углубив их, и сложила свой инструментарий. Он совершенствовался, исходя из толстовского психологизма и *зачеркивая* толстовский психологизм. По толстовским канонам моделировалась дозволенная, усеченная психология (перечень дозволенных психоло-

гических состояний, разумеется был подвижен, составлялся он не только директивными органами, но и самими творцами, „пробивающими” право исследовать „новые” психологические состояния, за что они и были гонимы и прославлялись, но чаще всего — сначала были гонимы, потом прославляемы), „срывание всяческих масок” превратилось в набрасывание всяческих масок...

Толстовский психологизм был методом раскрытия мыслей и чувств („собрания мыслей, сцепленных между собой для выражения себя”, по словам Толстого), психологизм советской литературы стал методом сокрытия себя через сцепление мыслей и чувств, через *имитацию* психологизма. Имитация же вещь сложнейшая и тонкая, и порой ее не отличишь от подлинника.

Здесь я хочу отметить еще один момент: многие критики советской литературы обвиняют ее создателей в бездарности, утверждая тем самым, что талант есть принадлежность избранных и свободных. Это — ложное представление. Талант дарован Богом каждому человеку. Не талант это — *тип служения*. Из евангельской притчи о талантах мы знаем, что есть два пути служения: один путь умножения таланта в служении Истине, другой — сокрытия его в земле из страха перед Истиной...

А потому дело совсем не в том — талантливы или не талантливы писатели и художники, работающие в стиле и направлении социалистического реализма. Дело в том, что это реализм *по-социалистически*, т.е. реализм, основанный на социалистическом отношении к миру, к жизни и к человеку.

Искусство имитации психологизма породило сильную в своей формальной оснащенности и мощ-

ную по своей техничности культуру (конечно, в ее лучших, признанных образцах). Ее создатели были люди незаурядной одаренности. Избавленные свободой директивных правил и атеистических учений о человеке и искусстве от необходимости и возможности познания себя и мира в их реальных онтологических связях, они бросили весь свой талант на микрию, на разработку секретов и правил профессионализма, версификаторства, формального оснащения словесности по толстовским канонам для моделирования психологизма „антитолстовского плана” (ибо Толстой стремился не к „усечению”, а к наивозможнейшему расширению психологизма).

Культура имитации должна была выработать этот высокотехнический арсенал: ложь и полуправда с необходимостью требуют оправдания и защиты. Обработка сознания средствами художественной словесности — дело чрезвычайно тонкое, не зря деятели литературы и искусства названы у нас помощниками и подмастерьями партии. Да и никогда, ни в одной стране сословие поэтов и художников не награждалось так, как в нашей стране в наше время. Это сложило невиданные в истории культуры отношения между „поэтом” и „толпой”, между самими поэтами и их вдохновителями. Словом, в истории культуры, не было такой культуры, как у нас, и уникальность ее при ее изучении достаточно четко обнаруживает свои основные свойства: *блуд* в слове, в образе, в цвете по мере развития такой культуры неизменно требует арсенала изоощренных средств, борьба за них и стимулирует рост такой культуры. Но, чтобы освоить эти средства, талант, дарованный для служения Истине, необходимо превратить в орудие сокрытия Истины.

И здесь с неизбежностью воцаряется свой „гамбургский счет”. Он воцаряется не сразу, установление и устойчивость его „курса” зависит от устойчивости идей, которые должны быть защищаемы. Причем, чем сложнее становится жизнь основополагающих идей в обществе, тем более тонкой защиты они требуют, тем выше по этому „гамбургскому счету” ценится виртуозность имитации. Бывает, что для защиты требуется не только искусство намеков, но и искусство отвлечения от идей.

Потому-то в этой „культуре записи”, в этой высочайшей культуре психологической имитации роман Пастернака оказался чужеродным телом. Религиозные интуиции автора, открытие духовных и мистических реальностей невозможно было описать и *записать* при помощи основополагающего метода психологизма (обретшего уже в своей зрелости различные направления, сформулированные нормативной критикой следующим образом: „лирическая проза”, „мелкотемье”, „эпический жанр”, потом уже появятся слово „экзистенциальный” и т.д.). Так, в недрах одной и той же культуры начали прорастать семена другой культуры. Двухмерное пространство как бы разомкнулось и сквозь открывшиеся трещины тончайшими струйками пролился иной свет, чуждый мощной толстовской культуре советского периода.

Вводя этот термин — „толстовская культура”, — я предвижу заранее недоуменные вопросы с разных сторон, а потому попытаюсь более подробно раскрыть содержание, которое я хотела бы вложить в него.

Толстовский период культуры, как уже говорилось, явился расцветом русского гуманистического

искусства. Толстовская культура, грубо говоря, возникла как своеобразная гуманистическая реакция на культуру, ищущую соприкосновения с культом. Мир Толстого возвращал человеку детерминированный порядок, нравственные, социальные и религиозные обусловленность и упорядоченность сообщали человеческой жизни устойчивость. Поэтому в психологизме Толстого главными были мотивированность и убедительность человеческих действий, мыслей и чувств, даже если они были неразумными с точки зрения здравого смысла. В культуре же феургического плана, к которой в некотором роде причастна культура Достоевского, была и иная мотивированность человеческой жизни, все что происходило с человеком, было связано с одним – Едемским грехопадением.

Толстой, мучаясь Едемской трагедией, пытался преодолеть ее силой человеческого разума и морали, поэтому его мир куда *удобней* для человека, чем тревожный мир Достоевского. И удобней не только в смысле устройства в нем, но и *в познании* его. Он понятней, ибо нет в нем той мучительной тайны слияния видимого и невидимого миров, той неизбежности смерти при жизни, которая непостижима разумом, неотменима моралью, а побеждаема только Крестом, покаянием и искуплением.

Мир Толстого, говоря философски, более имманентен падшему, лжеименному разуму человека. А толстовская культура близка сознанию человека тем, что не только возвеличивает его, но и *обещает* ему еще большее возвеличивание через нравственное самосовершенствование, которого в силу своего Богоподобия жаждет человеческий дух.

Но тут и сеются семена обмирщенного морализма

толстовской культуры: она обещает спасение, но не знает его, не знает, где оно. Упоенная возвеличиванием человека и страстным интересом к его психологическому миру, она подменяет в его сознании реальный *живой* мир — миром *пустым*. Пустым потому, что в нем нет действующего и постоянно являющегося Себя Бога, а есть Бог, возникающий по произволению человека. То есть Бог, Которого человек вызывает в случае надобности и призывает по своей воле. Этим пафосом пронизана толстовская картина мира и толстовская культура, в которой человек творит себя в пустом мире с помощью Бога, Лицо Которого не знает, потому что создает Его по своему подобию, отказывается от Церкви, от культа, от служения Ему. Но без служения Богу человеческий мир теряет свою истинную реальность и основу, становясь дорогой к вечной смерти, дорогой, которую, несмотря на все моральные устремления, усовершенствовать невозможно. Пустой двухмерный мир запечатляется в сознании человека и „производит“, как говорят марксисты, определенное сознание. В этом двуедином процессе — в отражении мира в сознании и в создании сознанием *своего* мира, активная роль принадлежит культуре. Она моделирует сознание человека, „отражая“ его в своих созданиях, и *отдает*, передает ему (манипулирует им) это сознание через свои создания.

Но сила этой взаимосвязи со временем слабеет. Слабеет по мере наибольшего давления культуры на сознание. Пустой мир не может долго удерживать человеческое сознание в зависимости от себя. Они „расходятся“, и человек оказывается *вне* мира, лишь номинально существуя в нем.

Пустой мир умерщвляет сознание, человек пре-

вращается в мертвеца, в робота, запрограммированного нормами культуры, которым он следует лишь из страха прервать до срока свою нереальную жизнь.

Или человек оживает от обморока, уходит из умерщвляющей его культуры, уходит из пустого мира в мир живой.

Но „пустой мир” и его культура пытаются держать человека всеми своими щупальцами. Пугая, они давят на сознание человека, изгоняя из него Бога. И здесь начинает преуспевать уже не только обман и подмена: в псевдокультуре преуспевает „новый” гуманизм, сущностью которого является отрицание человека в целях его утверждения.

Примером такого „гуманизма”-оборотня является книга А. Зиновьева „Зияющие высоты”. Это сочинение замечательно тем, что своим успехом в России и на Западе оно, как своеобразная „лакмусовая бумажка”, проявило тяготение к гуманизму-оборотню.

Экспорт советского сознания (нашедшего свое зрелое выражение в „Зияющих высотах”) был принят с восторгом на Западе, обнаружив тем самым недостаточно четко проявленное до сих пор тяготение к „конвергенции”, смыканию безбожного сознания на Западе и Востоке. Смыкание это характерно общим для Запада и Востока болезненным тяготением к атеистическому обскурантизму в культуре. Книга А. Зиновьева замечательна еще тем, что написана *философом*, советским *ученым*, а потому в достаточно отчетливой форме представляет феномен интересующего нас сознания, способного, с одной стороны, вместить в себя некий комплекс идей идолотворческой атеистической культуры, а с другой — в силу принадлежности к философскому

образу мыслей, оказалась способной выразить этот комплекс идей в специфически концентрированной форме.

Но и это еще не все. Счастливое сочетание философа и литератора принесло плод в некотором роде уникальный. Уникальность его и заключается в концентрации качеств (философских и литературных), ярко обнаруживающих свою непричастность ни к философии в ее истинном смысле, ни к русской литературе. Книга эта, как и живопись Глазунова, являются весьма характерными событиями *внекультурной ситуации*. И живой интерес к ним со стороны публики — следствием этой внекультурной ситуации, создавшейся в период распада возрожденческого гуманизма, когда ростки истинной культуры (в силу непросвещенности и изоляции от подлинной культуры) недоступны, а публика для своеобразного „художественного допинга” требует новых идолов взамен обветшавших.

Такие заметные явления внекультурного порядка, как правило, создаются и поддерживаются сенсацией, обостряющей смысл этих явлений.

Книгу Зиновьева называют антиутопией. Я бы назвала ее *апологией бегства*. И не только бегства из России, проклятой автором, давшим своей родине имя, нарочито напоминающее матерное ругательство, но и апологией бегства от всего, что даровано человеку Богом. Читая книгу Зиновьева, с печалью замечаешь, как низко пало достоинство русской словесности! И как глубок обморок, от которого предстоит ей оживать! В этом обморочном состоянии утрачены самосознание и память. Самосознание заменено бунтом, а память — гордыней взбунтовавшегося раба.

Анекдот, пользующийся успехом в России как фольклорный „застольный” жанр, перекочевал в последнее время в словесность. Он и стал своеобразным выразителем „нового гуманизма”, отрицающего „усеченный психологизм” толстовской культуры советского периода, своеобразной реакцией на нее, пародирующей и без того пародийную культуру. „Сюрреализм по-советски” породил целую галерею ублюдков в современной лжекультуре — дебилов, пьяниц, застигнутых делириумом, упырей, скелетов, совокупляющихся с вурдалаками, червями, собственной ногой, клеветников, шизофреников, болтунов и прочих недотыкомов (вместилищем таких ублюдков в поэзии, прозе, живописи, стал альманах „Аполлон, 1977”, вышедший в Париже, открыто бросивший вызов культуре, заменив ее „сортирным” и „постельным” реализмом). Эта галерея, по однообразному замыслу ее создателей, должна символизировать население современной России, людей „особой” породы, которая создана при помощи „измов” и „псиэмов”.

С кем только не сравнивали Зиновьева рецензенты западных и эмигрантских журналов: Свифт и Гоголь, Вольтер и Рабле!.. „О яд невежества, обскурантизма, — вечные спутники рабства! — свидетельствовал о таком сознании о. Сергей Булгаков в „Свете Невечернем”, — исчадие полуобразования, духовная чума наших дней...”.

Воистину *пустой* мир поглощает в своей бездне все сокровища и оттуда они уже не возвращаются. Возвращаются лишь призраки и скелеты. И в самом деле, антиутопия Зиновьева это останки гоголевской традиции, призрак некогда живого тела словесности.

Призрак бесплотен и бездушен, он ужасает и угрожает, ввергая в истерический хохот или в истерический страх.

И в ненависть. Ненависть рабов, исподтишка хохочущих над ублюдками, населившими ублюдочную страну с мерзким названием. Ну, а город Глупов, а „Мертвые души”, наконец? Ведь традиция налицо?

Нет здесь традиции. Это — „новаторство”. Такой картины мира не было ни в русской, ни в мировой словесности — не было ни в памфлетах, ни в антиутопиях, ни в сатире. Ни у Вольтера ее не было, ни у Свифта, ни у Рабле. Не было ее и у Гоголя. Не было и такого сознания, которое могло бы породить подобную „культуру”, смонтировавшую пустой одномерный карикатурный и плакатный мир ублюдков, произошедших от обезьян и воспринявших обезьяньи мораль и личины. Это сознание уникально, потому что оно *заражено* особой антропологией — учением о человеке, как о животном организме, рабски приспособляющемся к любым условиям, которые навязывают ему подобные ему животные организмы. Увы, в силу слепой веры в такую науку о человеке, привитой этому типу сознания, оно не в силах отделить себя от понятий, внушенных ему. А потому принимает смерть как неизбежность и, стора в ненависти ко всему, что создало его таким, решается на смерть ради смерти. И потому это бунт раба, которому надоели его хозяева и его *сорабы*, и он решается возвыситься над ними хотя бы через смерть, которая, как он уверен, полагается ему за осуществленное желание плюнуть им в лицо!

Когда Гоголь прочел Пушкину главы из „Мерт-

вых душ”, Пушкин воскликнул: „Боже, как грустна наша Россия!”

Гоголь в „Мертвых душах” писал историю своей души и своей родины: „все мои последние произведения история моей собственной души”, — признавался он. „Никто из читателей моих не знал того, что, смеясь над моими героями, они смеялись надо мной”. „Желанье быть лучшим” вело Гоголя через круги того ада, который он развернул перед своим читателем. Но как трагически прекрасно завершилась история этой души! „Выбранные места из переписки с друзьями” и „Авторская исповедь” остались и навсегда останутся сильнейшим поучением русской словесности, предупреждением о том, что нужно „со смехом быть осторожным”. Этот вывод Гоголь сделал, размышляя над поразительным успехом „Мертвых душ” и „Ревизора”. Он ужаснулся тому, что смеялся „не только над недостатком, но даже над *самим человеком*”, над его природой. „Я почувствовал... бессилие любви моей, а потому услышал болезненный упрек себе во всем, что ни есть в России”.

Метафизический реализм Гоголя вскрывал сущность греха в человеческой природе, поработенной „духами злобы поднебесной”, в *живом*, а не в пустом мире шла борьба за человека, а не против него. И автор прежде всего *страдал* за человека и за свою родину, страдал и сострадал им: „Русь, куда же несешься ты? Дай ответ...”.

В. Розанов, не любивший, как известно, Гоголя, тем не менее тонко чувствовал приметы гоголевского мистического реализма (странным образом, кстати, названного в свое время „натуральной школой”). В Акакии Акакьевиче Розанов увидел

„вспышку глубокой скорби в творце при виде со-
творенного; это он (Гоголь. – З.К.) содрогается,
окончив создание „свирепой грубости” и „закры-
вает себя рукою” и повторяет звенящие в ужасе
слова: „я брат твой”, которые, чем далее, тем громче
будут звучать в его душе, по мере того, как творче-
ский его гений будет восходить к высшим и выс-
шим в зрелости своей созданиям. Мы услышим
этот плач художника над своей душой в лирических
отступлениях „Мертвых душ”, в речи первого коми-
ческого актера в „Развязке к „Ревизору”, в заклю-
чительной строке „Повести о том, как поссорился
Иван Иванович с Иваном Никифоровичем”...”.

4. Знак кесаря

Антихрист станет на безначалии, – говорил До-
стоевский. Он станет на лжи. Тогда, когда ложь ста-
нет вместо правды. Чтобы это совершилось, нужно
использовать Бога в своих целях. Ибо только Он
может помешать антихристу.

„Зачем же Ты пришел нам мешать?”...

„Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас. Ибо
многие придут под именем Моим, и будут говорить:
„я Христос”, и многих прельстят” (Мф. 24, 4-5).

Это прельщение, как уже говорилось, легче всего
действует через слово, образ, через „материал” и
„орудия” культуры.

Действует же оно путями чрезвычайно сложны-
ми, хотя цель этих действий пряма и проста – зара-
жение и умерщвление сознания. И в то же время
столь простая цель эта очень часто не осознается во
всей своей наготе. Я уже упоминала о специфике со-

знания, моделирующего пустой мир для существования в этом мире и для отражения его в культуре, порожденной таким сознанием.

Успех живописи Глазунова и сочинения Зиновьева есть естественное проявление жизни и деятельности такого сознания. Поэтому мы никак не можем говорить о вине создателей лжекультуры. Мы можем говорить только об их *беде*.

На лжекультуре непременно должен стоять знак кесаря, клеймо кесаря, как на динарии, без этого знака производитель динария будет считаться фальшивомонетчиком.

Но клеймо кесаря обусловлено не только экономической, социальной и юридической зависимостью от него. Страх перед кесарем ввергает в *духовное* рабство, тогда как страх Господень дарует освобождение сынам Божиим. И не случайно фарисеи и книжники решили уловить Христа в слове именно после Его притчей, раскрывающих смысл свободы и рабства и смысл наказания за измену свободе сынов Божиих.

Господь в Евангелии срывает пелены со смыслов вещей и явлений, воскрешая их, как воскресил обвитого погребальными пеленами четырехдневного Лазаря.

„Итак, скажи нам: как тебе кажется? Позвоительно ли давать подать кесарю или нет? Но Иисус, видя лукавство их, сказал: что искушаете Меня, лицемеры? Покажите Мне монету, которою платится подать. Они принесли Ему динарий. И говорит им: чье это изображение и надпись? Говорят Ему: кесаревы. Тогда говорит им: итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу” (Мф. 22, 17-21).

Максимализм этого ответа не дает возможности

толковать его как бы то ни было иначе, кроме воплощенного в нем смысла. Богово кесарю не принадлежит. Кесарю не полагается *духовная подать*, да и таковой быть не может, если дух человеческий и плоды этого духа от Бога. Подать духовная может быть „выдана” только подобному по духу. Различайте духов – учит нас Иоанн Богослов (1 Ио. 4, 1-6). Для того, чтобы кесарь получил духовную подать, он должен восприниматься, как *духовная власть*. Должна произойти подмена – земная власть кесаря, претендуя на Божью власть, ищет и собирает себе подданных. Земная власть через такое ее „*одуховление*” становится идолом, предметом поклонения и тогда ей полагается *духовная подать*. На этой подати и отбивается знак, клеймо. Знак плена, рабства у земной власти, у кесаря, лицо и надписание которого выбито на динарии.

Эта печать на духовном творчестве – человеческой культуре – и есть порождение религиозной жадности идолотворчества, которая начиналась когда-то поклонением „Неведомому Богу”, а завершается в наше время изменой и подменой. Но вот что важно отметить: эти печать и начертание *неистребимы*, их невозможно скрыть никакой мимикрией. „Кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его, и будет мучим в огне и сере пред святыми Ангелами и пред Агнцем” – свидетельствует св. Иоанн Богослов (Откр. 14, 9-10), говоря о страшных последствиях духовной подати. Она связана, как явствует из предыдущего стиха Откровения, с Вавилоном, который „яроственным вином блуда своего напоил все народы”. По-видимо-

му, блудное слово, на котором лежит начертание зверя, и способно „напоить все народы яростным вином блуда”.

Альтернатива для культуры: отдать ли духовную подать кесарю или обрести духовную свободу от кесаря — является центральной в судьбе культуры и ее творцов, именно в силу невозможности скрыть знак кесаря, его клеймо, начертание.

Как это ни парадоксально, но сочинение А. Зиновьева, направленное *против* кесаря, несет на себе явную печать кесаря. В этом нет ничего удивительного. Культура, на которой горит „знак кесаря”, может выступать против власти кесаря, поклоняясь при этом его власти. Что это значит?

Когда Иисуса привели к Пилату, он „искал отпустить Его. Иудеи же кричали: если отпустишь Его, ты не друг кесарю; всякий делающий себя царем, противник кесарю”. Пилат же не хотел Его распинать. И опять обратился к иудеям: „се Царь ваш!.. Царя ли вашего распну? Первосвященники отвечали: нет у нас царя, кроме кесаря” (Ио. 19, 12, 14-15).

Нет у нас царя, кроме кесаря, сказали духовные вожди иудейского народа, первосвященники. Они не хотели *Его* Царства, а хотели царства кесаря, потому что не желали, чтоб Он снимал пелены и покровы с умерших для них смыслов, воскрешая их. Они *боялись* этих смыслов, ибо воскресшие смыслы обличают обман и требуют жизни во имя воскресения, а значит покаяния и искупления, а им достаточно было жизни для смерти. Поэтому они и не признали Его Царем и Царства Его не признали.

„Я именую Его Царем, — говорит Св. Иоанн Златоуст, — потому что вижу Его распятым: Царю по-

добает умирать за Своих подданных” („О кресте и разбойнике”).

Духовное творчество, несущее на себе печать кесаря, непременно отрицает Его Царство, даже если при этом оно протестует против власти кесаря. Отрицая царство, оно по существу своему неспособно открывать смыслы. Оно способно их только извращать.

Для чего рабам свобода, если они от кесаря, если они знают, что кроме его царства нет иного Царства? Зачем тогда бунт раба кесаря? Чтобы, когда на тебя наденут кандалы, ты признал силу кесаревой власти над тобой и, ненавидя его, ждал смерти, как избавления? А что, кроме этого, можешь ты предложить своим сорабам? Лучшего кесаря, чем тот, кто сделал тебя своим рабом?

Человек живет в двух мирах, в двух царствах. Оба они реальны. Это не значит, конечно, что человеку изначально присуща двойная жизнь и он должен вести „двойной счет”. Двойная жизнь и двойное сознание возникают, когда человек покидает Царство Бога, то есть, когда сознательно отказывается от полноты духовной жизни, питаемой верой и обретаемой в Церкви, и поселяется в царстве кесаря.

Тогда на его культуре неизбежно появляется тот самый роковой знак, клеймо, скрыть которое невозможно.

Надо думать, что создатель кесаревой культуры может и не знать, что на его сознании лежит эта печать. Не знает он этого, вероятно, в тех случаях, когда утратил или вообще никогда не сознавал реальности Царства Бога. С этого намеренного или ненамеренного ухода человека и его культуры из Царства Бога в царство кесаря и начинается „перма-

нентная” смерть культуры, которая теряет свою силу постепенно, сначала становясь расслабленной, а потом и вовсе бессильной.

Но предсмертное бессилие ее намеренно должно быть укрыто и украшено. В этом состоит одна из ее существеннейших задач и целей. Цель, устремленная к самозащите. Украшение становится не только ритуальным действием культуры, оно незаметно обретает чрезвычайную значимость — становится основным инструментом в деле перемены знака и „передачи языка”...

Этот процесс жестко обусловлен законами бытия в царстве кесаря. Соккрытие смыслов в культуре, как правило, приносит успех — чем богаче и сложнее средства художника, служащие ему для сокрытия или извращения смыслов, — тем больший успех имеет его творение у общества.

Впрочем, и в этом нет ничего удивительного. Мировая слава „Доктора Живаго” во многом была „организована” отечественной политикой в области идеологии, роман стал широко известен за пределами России еще до того, как был *прочитан!* Но сенсация на сей раз не помогла „гонимому роману” — русские читатели в большинстве своем не признали за романом право на мировую известность. А вот „Мастер и Маргарита”, получивший признание по тому же праву „гонимого”, имел грандиозный успех прежде всего в русском обществе (и, конечно же, не только потому, что был издан в России). Книга эта буквально *очаровала* его.

Казалось бы, трудно было предположить, что религиозно-философский роман, появившийся в атеистическом государстве, сможет вызвать одобрителные суждения в официальной печати и востор-

женные отклики у читателей, не привыкших к подобному успеху религиозных сочинений. И тем не менее, так оно и случилось с этим романом, пролежавшим под спудом тридцать лет.

Он появился в России в ту пору, когда кесарева культура достигла апогея и остановилась в своем головокружительном развитии. Художественное сознание читателей было вполне подготовлено для такого восприятия этого романа. Virtuозно написанный роман, в котором успешно соединены юмор, сатира, философия, мистика, религиозные сюжеты и психология, явил собой блестящий образец русской кесаревой культуры. Здесь как бы нашли свое завершение все ее поиски и все ее устремления, направленные на служение человеку.

В книге М. Булгакова есть все: развлечение и отвлечение, сумма знаний и богатая гамма чувств, печаль одиночества, жажда творчества и любви, страх перед кесарем, который на сей раз воплощен в образе прокуратора Иудеи — Понтии Пилате. К тому же книга не является образцом „культуры намеков”, в некотором роде даже непревзойденным ее шедевром, тут же вызвавшим массу подражаний.

Роман оказался насущно необходимым и, несмотря на некую сложность и непривычность для нашего читателя философско-религиозной тематики, ответил на многие его запросы.

Человек, вынужденный жить в царстве кесаря, прежде всего ищет в художественной культуре ответы на запросы своих чувств. Он привык рассматривать культуру как утонченное развлечение, призванное к тому, чтобы отвлечь его от самого себя и от печальной действительности. Отвлечение это совсем не обязательно должно действовать грубым и

прямым способом, оно вполне может имитировать выражение некоего самосознания и открытия мира. Для этого культура и человек должны встретиться и достичь в этой *встрече* взаимопонимания по основным вопросам бытия: отношение человека к себе, к Богу, к жизни и смерти. Чем больше точек соприкосновения у культуры и человека по этим коренным вопросам, тем прямее и прочнее их связи.

Но художник, наряду со служением человеку, занят служением себе. То есть он служит человеку, служа себе. Это точно выразил Толстой в уже цитированной мною фразе: „сцепление... мыслей для выражения себя”. Художник, живущий в царстве кесаря, выражая себя непременно выразит другого — такого же, как он, жителя этого царства. И зная, что житель именно этого ждет от него, не смеет его обмануть. А тот ждет ответов на запросы его естества, охваченного постоянной маятой поработанной души, рвущейся в неведомые ей высоты. Психология с неизбежностью подменяет здесь онтологию, проявление эмоциональности — существование в бытийственных глубинах на гранях двух миров. Непробужденная и непросвещенная духовность перерождается в чувственное, эмоциональное восприятие себя и мира.

Человек ищет в такой культуре ответы на вопросы, которые удовлетворили бы его жажду познания себя, мира и своих чувств, но никак не мучали бы его своей неразрешимостью, а главное, — не требовали бы от него *иной жизни*. То есть покаяния, искупления и креста. Того, от чего избавляет его царство кесаря.

Но это никак не означает, что кесарева культура

должна избегать коренных вопросов бытия. Она непременно к ним обращается, но, как уже отмечалось, намекая на них, она, как правило, извращает их реальный смысл. По-видимому дело в том, что *намекать* на Бога, крестную смерть, воскресение, ад и рай очень опасно, в намеках непременно скрываются семена лжи. В любую минуту они могут взойти, и погубительные их ростки задушат благое зерно намека, если таковое и имеется. И не случайно религиозно-философский роман Булгакова блестяще демонстрирует — и в идее, и в плоти повествования — философию, метод, стиль, поэтику подмены, „передачи языка”. Более того, эта подмена заявлена уже в эпиграфе из „Фауста”. Она не более и не менее, как стержневая идея романа и было бы „передержкой”, если бы мы не учли этого: сила, желающая зла, делает добро. Сатана подменяет Бога. Сатана выполняет „по совместительству” указания Бога, передает решения Бога.

Скорей всего эта идея имеет трагическую подоплеку. В мире, где нет Бога, Его функции осуществляет сатана. В царстве кесаря, где не верят ни в Бога, ни в дьявола, воцаряется дьявол, ибо там ему и место. Воцаряется как фатум, как воитель за справедливость, как карающий меч. В царстве мертвецов воцарилась нечистая сила и „правит бал”, наказывая мертвецов за то, что они мертвецы. Бога нет и воскресения нет, всюду смерть, предательство, чудовищная глупость и пошлость (не отсюда ли, кстати, хлынул мутный поток русских „недотыкомов” — глупцов, подлецов, идиотов?). Но идиотизм этого мира описан в романе Булгакова с таким весельем, издевательство писателя и Воланда над людьми так приятны читателю, что только

диву даешься. Ну да, ведь это сатира, не всерьез же это!

И снова Гоголь — тут как тут! Когда М. Булгаков писал „Мастера и Маргариту”, он работал над инсценировкой гоголевских вещей...

И снова метафизический реализм Гоголя, вскрывающий реальный мир идей, смыслов, сущностей, ничего общего не имеет с „обмирщенной мистикой” М. Булгакова. Это — разные культуры. У Гоголя духи — умопостигаемые реальности, говоря на философском языке, их плотское воплощение как бы подчеркивает их бесплотность, это, по словам Н. Бердяева, „художественное откровение зла, как начала метафизического и внутреннего, а не как общественного и внешнего, связанного с политической отсталостью и непросвещенностью”. У Булгакова же мистика есть преимущественно художественный прием, средство для вскрытия характерных явлений социальной, а не метафизической реальности. И это понятно. Нельзя показать мир „иной реальности”, „отведя” в нем Богу то место, которое отвел М. Булгаков незадачливому Иешуа. Реализм заменяется имитацией реализма. Защитники романа, конечно же, скажут, что роман этот не о Боге, а о дьяволе, но ведь не дьявол правит миром, а Бог, дьявол только „правит бал”...

Идея „гибели богов”, „смерти Бога” — одна из центральных идей культуры XX века. Одна из любимых идей возрожденческой культуры в период ее стремительного распада. М. Булгаков унаследовал ее не случайно, вероятней всего, смерть Бога стала для него очевидной с развитием его жизненной драмы, драмы художника, решившегося на подвиг преодоления страха в пустом безбожном мире.

5. Почему бедно дитё?

Трагедию культуры, разъеденной клеймом кесаря, Вячеслав Иванов объяснял „люциферическими энергиями”: „...и вся человеческая культура создается при могущественном и всепроницающем соучастии и содействии Люцифера”, „...наши творческие, как и наши разрушительные энергии в значительной части его энергии”, „...через него (Люцифера. — З.К.) мы бываем так красивы смелостью, дерзостью самоутверждения, отвагою борьбы...”.

Люцифер — это еще одно превращение кесаря, все тот же тип духовной власти, которой следует отдавать духовную подать. Исследуя начала и корни духовных порывов отдать Богово — Люциферу, В. Иванов объясняет это соблазнительностью *наград* за эту подать. Правда, он называет это иначе: „Воздействие Люцифера на человеческую душу является не непосредственным губительством этой души, а лишь страшным испытанием ее жизнеспособности, — воздействие это заключает в себе на первых порах и необычную духовность, возбуждательность: могущественно повышает и обостряет все бытийственные и творческие энергии человека. Люциферическая энергия толкает человека, как Фауста, по слову Гете, „к бытию высочайшему стремиться неустанно”.

По понятиям евангельским эта „необычная духовность”, зовущая стремиться к „высочайшему бытию”, приводит к „смерти второй”. Но прежде чем она наступит, Люцифер в награду за духовную подать обостряет все „бытийственные и творческие энергии человека”.

Пробужденные Люцифером энергии творят чу-

деса. Роман М. Булгакова, повествующий о действии в мире дьявола и его энергий, может быть тому блестящим доказательством. Его многоплановая архитектура и художественная виртуозность мастерски скрывает то, что требует намека, и мастерски же подчеркивает то, что нуждается во внимании: Люцифер как отец лжи обостряет именно это чувство — чувство внешнего, чувство формы. Форма должна стать и становится вмещилищем полусмыслов, полунамеков.

И тем не менее, воздействие „люциферических энергий” иссякает по мере старения и усталости культуры. Фаустовская культура, пройдя путь к „бытию высочайшему”, все больше становится реликвией, уже потому, что „высочайшее бытие” как награда Люцифера оказалось обманом, обличенным человеческой историей. По мере старения и усталости мира награда Люцифера перестала быть вожденной. Человек устал от люциферических энергий, да и Люцифер словно бы разуверился в возможности человека стремиться к „высочайшему бытию”, хотя цель его осталась все той же, что и в Едеме, он все еще бормочет: „будете как боги”...

Вяч. Иванов с горечью говорит о том, что вся историческая культура и по сей день (статья писана, кажется, в 1917 году) остается языческой: и поныне „первородный грех” ее в том, что культура лишь отдельными частями „крещена” и только в редких случаях „во Христа облакается”.

За последние шестьдесят с лишним лет языческая культура утратила свое „вероисповедное язычество” и превратилась в „псевдоязыческую”.

Этот сложный духовный процесс, который я обозначаю в столь общих выражениях, обнажил не-

избежность „крещения культуры”, то есть *возвращения* ее к своему началу, к культу.

Но возможно ли это? „Невозможное человекам возможно Богу” (Лк. 18, 27), – повторяем мы с упованием, отвечая на этот и подобные вопросы. Обетования Бога непреложны, а смыслы и идеи, воскрешаемые Им, живут таинственной, непостижимой нам жизнью.

Да, христианство неисторично, а человек живет в истории. И его жизнь в истории связана с таинственной, непостижимой для него жизнью людей, которые в своей „неисторичности” и неизменности открываются человеку и зовут его возвратиться к Богу. Поэтому в сегодняшней России (и именно в России в силу специфики ее исторической судьбы) и возможно стало говорить о невозможном – о возвращении культуры к культу.

Святой Григорий Нисский писал, что „порок не столько могуществен, чтобы превозмочь ему добрую силу, и безрассудство естества нашего не выше и не тверже Божественной Премудрости. Да и невозможно превратному и изменяемому быть сильнее и постояннее того, что всегда то же и водружено в добре. Свет Божий всегда и непременно непреложен, а превратность нашей природы не тверда даже и во зле... Совершив путь порока и достигнув самой крайней меры зла, и по природе своей не найдя покоя, как скоро пройдет поприще порока, по необходимости обращает движение к добру... За пределом зла следует преемство добра”.

Мы подошли к *пределу* зла, а потому именно у нас должно начаться преемство добра. Иначе мир погибнет.

Возвращение культуры к культу неизбежно еще

и потому, что только таким образом культура может быть спасена. Через крещение и „облечение во Христа”. Мертвая же культура распространяет в мире смерть.

Но *как*? Как это может произойти?

В живом Божием мире живо все. Эта жизнь жива мыслью Бога. Мысль Бога и мысль человека *встречаются* в культе и в культуре. На тонкой грани двух миров, созданных Мыслью Бога и осваиваемых мыслью человека, происходит эта встреча. Она и есть каждый раз воскресение и начало жизни.

Они неизбежно связаны — культ и культура, связаны не только изначальной близостью культуры к культу, но и отталкиванием, бунтом культуры против культа. Бунт против Бога кончается смертью, и предчувствуя смерть, культура ищет Бога. Найти же Его невозможно нигде, кроме как в служении Ему, в приближении к Нему через культ. Но тяжкая наша непросвещенность и духовное порабощение влекут нас к ужасу перед культом, мы боимся его, как боимся тьмы мрака, ночного ужаса. Это погубительный страх Истины, за ним может последовать и презрение к культу, как к „мракобесию”, и жажда убийства культа, что в конечном счете означает убийство мира.

Непросвещенность, выдаваемая за знание, за разум, за здравый смысл, есть самая страшная болезнь человеческого духа, смертельная болезнь. Культура может излечить ее, но может и насадить. Она есть необычайно мощный стимул к просвещению. Но только в том случае, когда она начинает приближаться к культу. То есть, в том случае, если человек ищет встречи с Богом, преодолевая свой ужас перед Ним.

Это начинается с диалога. Евангелие есть диалог Бога с человеком, Завет Его, откровение Бога в слове и деле.

Культ и культура есть ответ человека Богу. Диалог с Богом — кратчайший путь к культу, приближение к той высочайшей точке бытия, где преодолевается всяческий страх в безумии свободы. И откуда начинается путь к вечной жизни.

Истинная культура всегда диалогична. Диалогична и русская словесность. Позднее христианство, неофитская жажда разрыва с язычеством, спор с ним и уступки ему сложили напряженный ритм диалогизма в нашей литературе. Проповеднический пафос русской словесности нашел своеобразное воплощение в толстовской культуре советского периода, диалог с Богом — о правде, кресте, искуплении заменился диалогом с мнимым врагом, с мнимым виновником, спор о смысле жизни и смерти уступил место спору о праве на преимущество одного человека перед другим. Надо ли повторять, что это явилось следствием насаждаемого атеизма?

Но непросвещенность и ужас перед культом возникли не только как результат атеизма. Это еще одно последствие российского язычества, впрочем, как уже говорилось, язычество нашего времени и атеизм связаны друг с другом мистически. Идолотворческое сознание в течение долгого времени создавало миф о христианстве как религии, аскетизм которой категорически противоположен творческим порывам человека. И не случайно Вяч. Иванов столь высоко оценил „люциферические энергии”, приписав им чуть ли не главенствующую роль в развитии культуры. Зачем же тогда культуре „об-

лекаться во Христа”, если люциферические энергии влекут ее „к бытию высочайшему”? Вся эта путаница, подмена и есть достояние люциферических энергий, успешно напитавших возрожденческую философию культуры.

А между тем, нет ничего более близкого художественной культуре, чем христианство. Именно здесь, во Христе, она и может обрести цель своего существования, извлекая сокровенные смыслы человеческого бытия из реальности, им присущей. Не ограниченность, не нормативность, а безграничность и полнота христианства сообщает культуре такие возможности, которые никогда не могут быть исчерпаны ею. Христианство и культ имманентны, присутствуя культуре, они ее *начало*, ее средоточие, ее неисчерпаемые источники. Только через служение Богу культура может познать человеческую личность и послужить ее свободе и спасению. „Условие личности, — по слову о. П. Флоренского, — есть культ”. И только в культе, раскрывающем основные смыслы жизни мира и человека, обретает человек и его культура *свободу*. Полнота и безграничность этой свободы не сковывается самоотречением и аскетизмом, заповедями и обязанностями, ведущими к нравственному совершенствованию, а невиданно расширяются, укрепляясь в таких глубинах, которым нет предела. Здесь культура обретает такую новизну мыслей, сюжетов, такую поэтику и эстетику, которые по своей неповторимости в каждом отдельном случае могут сравниться с неповторимостью каждой личности. И как в культе, где каждый раз происходит необычайная по своей новизне и истинности встреча человека с Богом, освобождающая человека от всяческого рабства, так и в

культуре, причастной культу, подлинность духовного переживания человеком Бога порождает неповторимую чистоту и новизну выражения.

Таинственными, непостижимыми и необедительными для лжеименного человеческого разума путями питает Церковь человеческую мысль, *передавая* ей воскресшие смыслы. Непостижимы и пути взаимодействия культа и культуры, невидимо питаемой Церковью. Приметы их поучительны именно своей непостижимостью.

Так поучительно нынешнее возвращение Достоевского в Россию.

Эта тема — предмет отдельного и большого разговора, и я могу здесь только упомянуть о ней, остановившись на интересующих меня вопросах возвращения культуры к культу через воплощение корневых идей человеческой жизни — покаяния, искупления и воскресения в творчестве Достоевского.

Как известно, Митя Карамазов убил своего отца *мыслью*. Так же, как и Иван Карамазов. И оба эти, каждый по-своему, должны были искупить грех убийства. Достоевский трактует искупление как сердцевину человеческой жизни. С тех пор, как Господь пришел на землю, чтобы спасти погибшее, искупление стало центром человеческой истории в каждом наступающем и тут же проходящем мгновении. И это теснейшим образом связано с культом, с Богослужением, с Феургией. За каждой Литургией происходит искупление мира в бескровной жертве.

Достоевский, воплощая в своих сочинениях церковное сознание, веру во Христа Спасителя и Искупителя человеческих грехов и веруя в то, что русская идея есть идея искупления и страдания и идея

„великого будущего единения Церкви” („Дневник писателя”), показывает неизбежность искупления. Не только в прямом тексте романа о братьях Карамазовых, но во всей тончайшей „нервной системе” его. В реальности, в снах героев, легенде Ивана, в записях старца Зосимы, в отношениях Грушеньки и Катерины Ивановны и т.д.

И вот сон Мити. После следствия, где он тщетно пытался доказать, что *фактически* не убивал отца, не скрывая того, что убил его *мыслью* своею.

„Приснился ему какой-то странный сон, как-то совсем не к месту и не ко времени. Вот он будто бы где-то едет в степи, там, где служил давно, еще прежде, и везет его в слякоть на телеге, на паре, мужик. Только холодно будто бы Мите, в начале ноябрь, и снег валит крупными мокрыми хлопьями, а падая на землю, тотчас тает... И вот недалеко селение, виднеются избы черные-пречерные, а половина изб погорела, торчат только одни обгорелые бревна. А при выезде выстроились на дороге бабы, много баб, целый ряд, всё худые, испытые, какие-то коричневые у них лица. Вот особенно одна с краю, такая костлявая, высокого роста, кажется ей лет сорок, а может, и всего только двадцать, лицо длинное, худое, а на руках у нее плачет ребеночек, и груди-то, должно быть, у ней такие иссохшие, и ни капли в них молока. И плачет, плачет дитя и ручки протягивает, голенькие, с кулачками, от холоду совсем какие-то сизые.

— Что они плачут? Чего они плачут? — спрашивает, *лихо пролетая мимо них, Митя*” (выделено мною. — З.К.).

Мите объясняют: „Дитё плачет... иззябло дитё, промерзла одежонка, вот и не греет... бедные, по-

горелые, хлебушка нетути, на погорелое место просят”.

Но Митя все никак не может понять „почему это стоят погорелые матери, почему бедны люди, почему бедно дитё, почему голая степь, почему они не обнимаются, не целуются... почему не кормят дитё?”

Он чувствует, что должен в первую очередь спросить это с себя, а не с кого-либо иного, он сам повинен в том, что бедно дитё, потому что он совершил что-то ужасное. И поняв это во сне, он чувствует, как поднимается в сердце небывалое умиление, чувствует, „что плакать ему хочется, что хочет он всем сделать что-то такое, чтобы не плакало *больше* дитё...”.

„И вот загорелось все сердце его и устремилось к какому-то свету, и хочется ему жить и жить, идти и идти в какой-то путь, к новому зовущему свету, и скорее, скорее, теперь же, сейчас!”

Так что же с нами случилось? Почему же *до сих пор* бедно дитё? Потому что мы не сделали „что-то такое, чтобы не плакало больше дитё... чтоб не было вовсе слез от сей минуты ни у кого и чтобы сейчас же, сейчас же это сделать, не отлагая” ...

Невозможное человекам возможно Богу.

„И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло” (Откр. 21, 3-4).

Возвращение культуры к культуре уже началось и

будет продолжаться незаметными для мира путями. Так незаметна молитва и незаметен для мира культ, но благодаря ему мир и остается живым.

На грани единого существования человека в двух мирах рождается новая культура, новая словесность и новое искусство. У них должны быть, есть и будут *свои* средства воплощения и по вполне понятным причинам может так случиться, что мир не сможет их принять.

Но это не в силах остановить *возвращения*.

„...итак молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою” (Мф. 9, 38).

1978

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДАНИЕ

- Нравственное достоинство и внешний облик
Пресвятой Девы Марии. Из книги „Земная
жизнь Пресвятой Богородицы” 5

ОТЦЫ ЦЕРКВИ

- О молитве и трезвении. Из творений Святых
Отцов Василия Великого, Иоанна Златоуста,
Ефрема Сириянина 17
Св. Григорий Палама. Омилия 33 41

ПРАВОСЛАВНОЕ ПАСТЫРСТВО

- Епископ Игнатий Брянчанинов. Избранные
письма к монахам и мирянам 51
Архимандрит Б. Воспоминания о старце
Нектарии 83

ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ

- Схиархимандрит Захария 127

МУЧЕНИКИ XX ВЕКА

- Епископ Дмитровский Серафим (Звездин-
ский). Письма, проповеди 205

РУССКИЕ СУДЬБЫ

Кончина архимандрита Тавриона	245
...И этот путь предан нам от Отцов. Дневник	261
История одного обращения	295

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ

Е. Трояновская. Добро и зло. Материалы для бесед с детьми о Боге	301
Вопросы и ответы о практическом воспитании детей	316

ПРОБЛЕМЫ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

З. Крахмальникова. Возвращение блудного сына (статья вторая)	327
---	-----